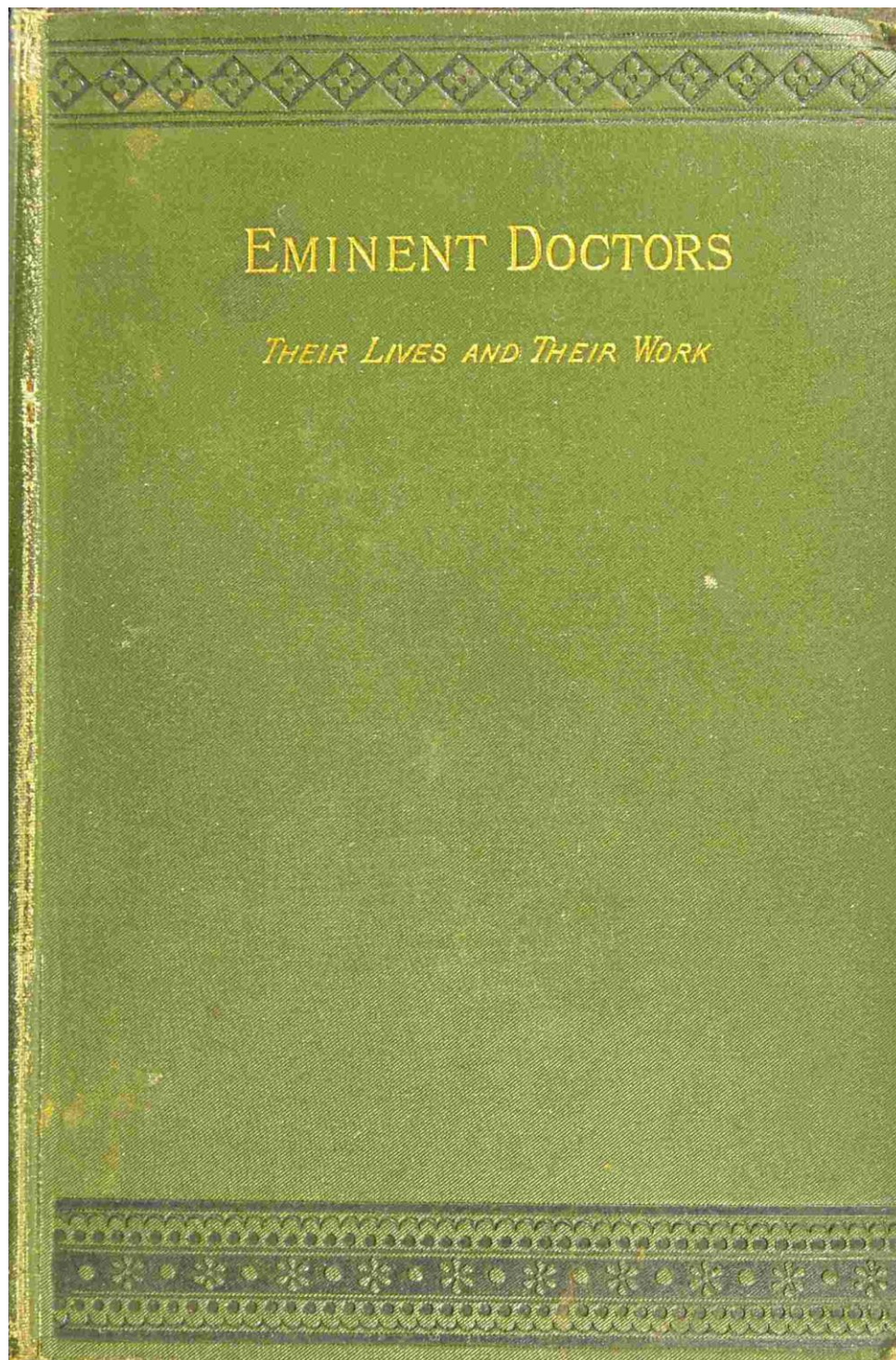

Выдающиеся врачи: их жизнь и их работа. Том. 2 из 2

Г. Т. Беттани

Электронная книга проекта "Гутенберг" выдающихся врачей: их жизнь и их работа; Том. 2 из 2

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и в большинстве других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Выдающиеся врачи: их жизнь и их работа; Том. 2 из 2

Автор: Г. Т. Беттани

Дата выхода: 20 ноября 2022 г. [Электронная книга № 69392]

Последнее обновление: 19 октября 2024 г.

Язык: Английский

Оригинальная публикация: Великобритания: Джон Хогг, 1885

Авторские права: Боб Тейлор, Эммануэль Аккерман и команда онлайн-корректоров по адресу <https://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ВЫДАЮЩИЕСЯ ВРАЧИ: ИХ ЖИЗНЬ И ИХ РАБОТА"; ТОМ 2 ИЗ 2 ***

ВЫДАЮЩИЕСЯ ВРАЧИ.

Баллантайн Пресс

BALLANTYNE, HANSON AND CO.

ЭДИНБУРГ И ЛОНДОН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ВРАЧИ: их жизнь и их работа.

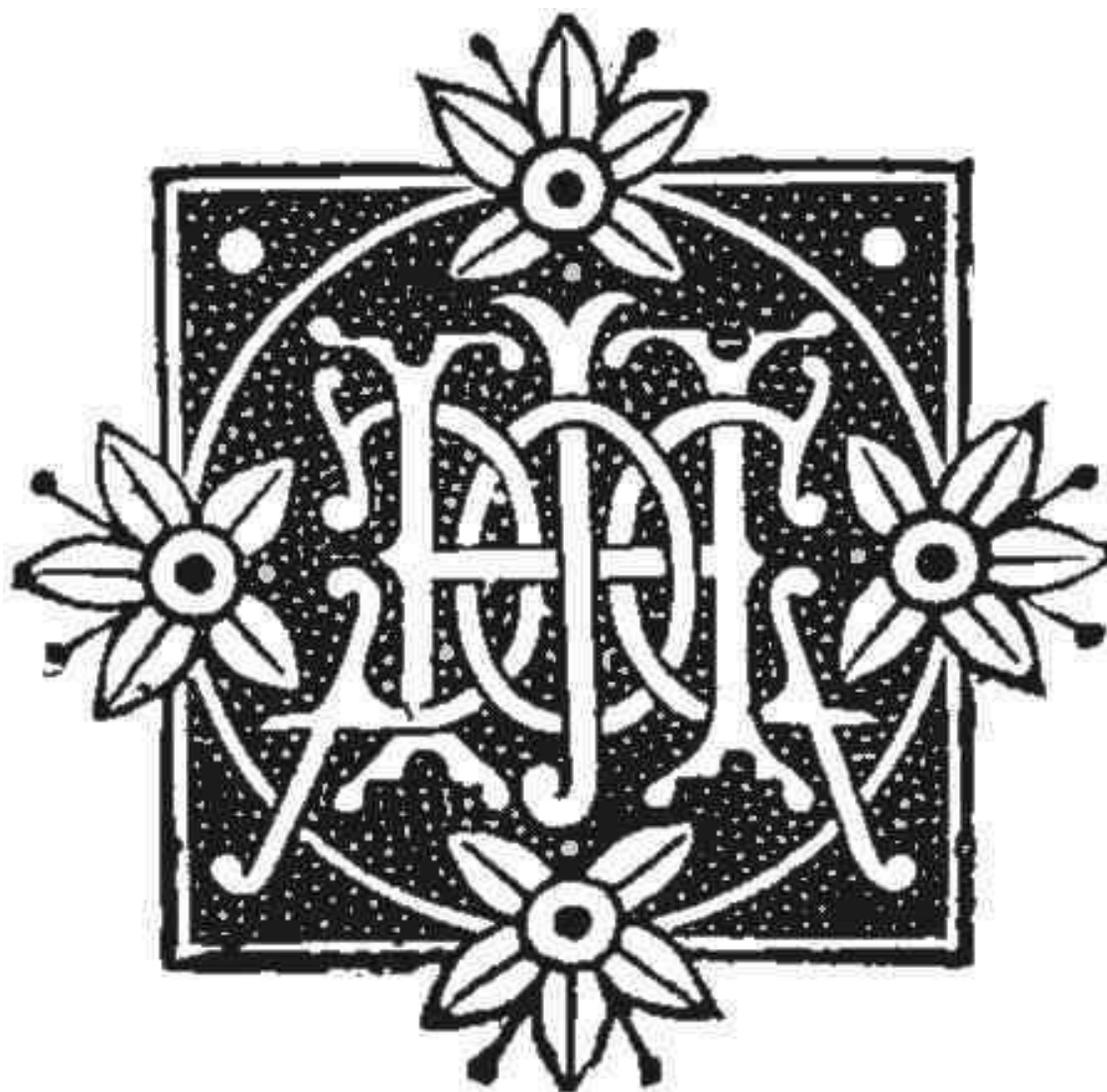
Г. Т. БЕТТАНИ, магистр (Camb.), B.Sc. (Lond.), F.L.S.

АВТОР КНИГ "ПЕРВЫЕ УРОКИ ПРАКТИЧЕСКОЙ БОТАНИКИ", "ЭЛЕМЕНТАРНАЯ ФИЗИОЛОГИЯ" И ДР. И ПРЕПОДАВАТЕЛЬ БОТАНИКИ В МЕДИЦИНСКОЙ ШКОЛЕ БОЛЬНИЦЫ ГАЯ.

“Для меня есть невыразимое очарование в жизни хороших, храбрых, образованных людей, единственной целью которых было и остается облегчение боли и спасение жизни”.

—Г. А. Сала.

В ДВУХ ТОМАХ.
ТОМ II.

ЛОНДОН:
ДЖОН ХОГГ, ПАТЕРНОСТЕР-РОУ.

[Все права защищены.]

СОДЕРЖАНИЕ ТОМА II.

ГЛАВА,	СТРАНИЦА
XI. АДДИСОН, БРАЙТ И БОЛЕЗНИ, НОСЯЩИЕ ИХ НАЗВАНИЯ	1
XII. ЛИСТОН, САЙМ, ЛИЗАРС И НОВЕЙШАЯ ХИРУРГИЯ	24
XIII. БЕЙЛИ, ХЭЛФОРД, ЧЕМБЕРС И ХОЛЛАНД, МОДНЫЕ И ПРИДВОРНЫЕ ВРАЧИ	51
XIV. СЭР УИЛЬЯМ ФЕРГЮССОН И КОНСЕРВАТИВНАЯ ХИРУРГИЯ	71
XV. СЭР ДЖЕЙМС СИМПСОН И АНЕСТЕЗИЯ	83
XVI. СЭР СПЕНСЕР УЭЛЛС И ОВАРИОТОМИЯ	105
XVII. СЭР УИЛЬЯМ ДЖЕННЕР, БАДД, МЕРЧИСОН И БРЮШНОЙ ТИФ	118
XVIII. СЭР ДЖОЗЕФ ЛИСТЕР И АНТИСЕПТИЧЕСКАЯ ХИРУРГИЯ	135
XIX. СЭР ТОМАС УОТСОН, СЭР ДОМИНИК КОРРИГАН, СЭР УИЛЬЯМ ГАЛЛ И КЛИНИЧЕСКАЯ МЕДИЦИНА	148
XX. СЭР ДЖЕЙМС ПЭДЖЕТ И ХИРУРГИЧЕСКАЯ ПАТОЛОГИЯ	167
XXI. УИЛЬЯМС, СТОУКС И БОЛЕЗНИ ГРУДНОЙ КЛЕТКИ	178
XXII. СЭР ГЕНРИ ТОМПСОН И КРЕМАЦИЯ	194
XXIII. ГРЕЙВС, ХЬЮЗ БЕННЕТТ И КЛИНИЧЕСКОЕ ПРЕПОДАВАНИЕ	201
XXIV. КОНОЛЛИ, МОДСЛИ И ПСИХИЧЕСКИЕ ЗАБОЛЕВАНИЯ	217
XXV. ВЫДАЮЩИЕСЯ СПЕЦИАЛИСТЫ: СЭР ЭРАЗМУС УИЛСОН И КОЖНЫЕ ЗАБОЛЕВАНИЯ; МОРЕЛЛ МАККЕНЗИ И БОЛЕЗНИ ГОРЛА; КОББОЛД И ВНУТРЕННИЕ ПАРАЗИТЫ	239
XXVI. ВЫДАЮЩИЕСЯ СПЕЦИАЛИСТЫ — <i>продолжение</i> : СЭР У. БОУМЕН, БРУДЕНЕЛЛ КАРТЕР И ГЛАЗНЫЕ БОЛЕЗНИ; ТОЙНБИ, ХИНТОН И УШНЫЕ БОЛЕЗНИ	260
XXVII. СЭР Р. КРИСТИСОН, СУЭЙН ТЕЙЛОР И ОБНАРУЖЕНИЕ ЯДОВ	285
XXVIII. ПАРКЕС, ГАЙ, САЙМОН И ОБЩЕСТВЕННОЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЕ	295
ИНДЕКС	307

ВЫДАЮЩИЕСЯ ВРАЧИ.

ГЛАВА XI.

АДДИСОН, БРАЙТ И БОЛЕЗНИ, НОСЯЩИЕ ИХ ИМЕНА.

Оперативная ловкость, как это естественно, достигала совершенства быстрее, чем медицинское лечение. На самом деле, никто не будет утверждать, что медицина еще далеко продвинулась по сравнению со своими будущими достижениями, когда физиология, патология и терапия станут более совершенными. Томас Аддисон - образец гениальных врачей, украсивших наше столетие. Он известен как первооткрыватель болезни, носящей его имя; но его истинная слава основана на его практическом таланте в диагностике болезней.

Доктор Лонсдейл в своем сборнике “Достойные Камберленда”, изданном в 1873 году, показывает, что Аддисон происходил из рядов камберлендских йоменов и что его предки проживали во времена Содружества в “Банках” в приходе Ланеркост. Томас Аддисон, родившийся в 1636 году, и его жена Мэри вырезали свои инициалы на старой дубовой скамье, все еще сохранившейся в Банке, с надписью “Когда Бог даст тебе припас, вспомни о бедных”. Одним из его потомков был Сэмюэл Аддисон, который стал доктором медицины, но умер в возрасте тридцати четырех лет. Томас Аддисон, его племянник, родился в апреле 1793 года в Лонгбентоне, недалеко от Ньюкасла-на-Тайне, где его отец занимался бизнесом, хотя он сохранил свою ферму в Бэнксе, где по большей части жила его жена. Молодой Аддисон очень привязался к дому предков и много лет спустя собрал там гостей на свою свадьбу. Он находится на том самом месте, где римляне разбили лагерь во время строительства стены в заливе Солуэй; из окон открывается вид на средневековый монастырь Ланеркост; рядом находится Наворт, старый пограничный замок “Опоясанного Уилла Говарда”.

Томас Аддисон получил образование в Ньюкаслской грамматической школе под руководством преподобного Э. Мойзеса и там стал виртуозным знатоком латыни, так что впоследствии он записывал свои лекции на латыни в Эдинбурге. Сразу после школы он поступил в Эдинбургский университет, отказавшись поступать в качестве ученика к эдинбургскому врачу, как того хотел его отец. Он не был обычным студентом. Независимый в мыслях и действиях, он вскоре был признан Королевским медицинским обществом и в 1814 году стал одним из его президентов - этой чести примерно в то же время удостоились Маршалл Холл и Ричард Брайт, его последующий коллега. Поразительным фактом является то, что трое из первых имен великих английских врачей этого столетия были эдинбургскими студентами и президентами того же Медицинского общества. Но пока лондонские медицинские школы находились лишь в зачаточном состоянии.

Аддисон получил степень доктора медицины в 1815 году, а затем, как полагают, посетил континентальные школы; но определенных свидетельств этому нет. Вскоре он поселился в Лондоне, на Скиннер-стрит, Сноу-Хилл, в одном из так называемых домов с привидениями. В Лондоне он знал только одного человека, старого сокурсника. Тем не менее, за первый год своей практики он получил почти шестьдесят гиней, что было весьма значительным успехом. Он стал домашним хирургом в больнице Локк, затем врачом общей диспансеризации, где изучал кожные заболевания у Бейтмена. Эту должность он занимал в течение восьми лет, и это оказало ему существенную услугу. Он проявил острый взгляд на общие различия и индивидуальные разновидности и, вероятно, мог бы занять место Бейтмана в области кожных заболеваний. Но из него не следовало делать специалиста. Как говорит доктор Лонсдейл, “для Аддисона исследование любой болезни означало полное проявление его способностей, пока он не

овладеет ею, а сделав это, он не мог успокоиться, пока не разберет свежую почву для обработки”. Он боялся стать специалистом; это отдавало шарлатанством. Он всегда считал, что настоящий врач должен хорошо разбираться в хирургии; и что хороший хирург должен знать принципы медицины.

В 1819 или 1820 году началось сотрудничество Аддисона с Guy's. Он рано привлек внимание энергичного и проникательного казначея мистера Харрисона, в то время благотельного деспота Гая, и в 1824 году был назначен им помощником врача. Это была победа нетрадиционной процедуры, поскольку в школе Гая всегда было принято назначать людей, которые были первыми учениками, а не принимать в круг зачарованных людей, которые уже имели квалификацию и практиковали. Вскоре стало очевидно, что к персоналу больницы присоединился выдающийся врач-практик, и в 1827 году он получил дальнейшее признание, получив звание лектора *Materia Medica*. Здесь его привлекательная сила стала очевидной благодаря большим аудиториям, которые он собирал вокруг себя, в тот период, когда студенты-медики записывались на отдельные курсы лекций и, как правило, не проходили все обучение в одной школе. За несколько лет он, должно быть, получил от 700 до 800 фунтов стерлингов за эти лекции. Мужчины чувствовали, что он тот человек, который поддержит и приумножит славу Guy's.

В 1829 году доктор Аддисон опубликовал совместно с Джоном Морганом, хирургом Guy's, эссе “Действие ядовитых веществ на живой организм”. Как ни странно, это было первое серьезное исследование в Англии феномена общего отравления. Авторы полагали, что быстрое действие некоторых из них объясняется прямым воздействием на нервные волокна, распределенные по кровеносным сосудам. В 1830 году Аддисон опубликовала брошюру о некоторых расстройствах у женщин, в которой решительно боролась с некоторыми общепринятыми представлениями и возражала против системы истощения. Завершая длинную лекцию перед своим классом по этому предмету, он продемонстрировал чувства, которые одушевляли его, следующими замечаниями: “Джентльмены, если вы требуете извинений за то, что задержали вас так надолго, я нахожу достаточный материал для этих извинений в живом интересе, который мы все должны испытывать к комфорту и счастью другого пола, поскольку они обречены, как по воле Провидения, так и по человеческим установлениям, испить до дна горькую чашу страданий. Какой бы ни была ее судьба в этом мире, мы, мужчины, должны, по крайней мере, признать, что, хотя Бесконечная Сила дала нам бытие, Бесконечное Милосердие дало нам, женщинам ”.

В 1837 году Аддисон был избран штатным врачом больницы и назначен совместным лектором с доктором Брайтом по медицине. Примерно в это же время он вместе со своим коллегой начал работу над “Элементами медицинской практики”, из которых появился только первый том, написанный в основном Аддисоном. Она была оценена очень высоко, но ни одного из авторов не удалось побудить завершить ее. Благодаря его богатому опыту появилось множество ценных монографий: две о пневмонии в 1837 и 1843 годах; Наблюдения над анатомией легких в 1840 году; патология чахотки, 1845 год, в которых он изложил принцип, согласно которому воспаление является первым инструментом разрушения при любой форме чахотки. Эта ранняя пропаганда доктрины, которая пролила много света на это заболевание, встретила решительное сопротивление врачей того времени и закрепила за Аддисоном репутацию могущественного новатора. Взгляды Лаеннека произвели на него большое впечатление, и он приобрел огромную способность ставить диагнозы по аускультации грудной клетки. Тем не менее, всегда откровенно признаваясь в невежестве, он прочитал доклад перед Физическим

обществом Гая в 1846 году “О трудностях и ошибках, связанных с физической диагностикой заболеваний грудной клетки”. Среди прочего, он занимался заболеваниями печени, поражениями кожи, расстройствами мозга, связанными с больными почками, и “Влиянием электричества как лекарственного средства при некоторых конвульсивных и спазматических заболеваниях”, в каждом случае объединяя факты, до сих пор разрозненные, и внося заметный вклад в развитие медицины как науки.

Однако достижением доктора Аддисона, которое привлекло самое широкое внимание, является его открытие заболевания надпочечных капсул, небольших органов, прилегающих к почкам, функция которых еще не была удовлетворительно установлена. Нам сообщили, что в одном случае, который поставил в тупик все расследования, был вызван Аддисон, и после тщательного опроса он положительно заявил, что пациент страдал заболеванием этих органов, которое вскоре могло привести к летальному исходу. Это мнение было воспринято с вежливым недоверием, но оно было оправдано результатом, и надпочечные капсулы были единственными органами, которые были признаны больными. Этот экстраординарный диагноз вскоре разнесся по всему миру, и на Континенте Аддисону было поставлено больше чести, чем в Англии. Приданое во Франции получило сердечную поддержку в названии этого заболевания “la Maladie d'Addison” (болезнь Аддисона), название, которое оно надолго сохранит. Но болезнь не была обнаружена таким, по-видимому, внезапным и поразительным образом, а стала результатом наблюдений, которые велись в течение многих лет, в которых наиболее ярко проявились его дедуктивные способности на основе нескольких случаев и несовершенных данных. Заболевание встречается редко, и было доступно очень мало подсказок или материалов для сравнения. Снова и снова наблюдалась форма истощающего заболевания без какого-либо явного органического повреждения — обескровленность, крайняя прострация и различные оттенки изменения цвета кожи были характерными симптомами. Определенное бронзовение кожного покрова было и остается необъяснимым сопутствующим заболеванием, и на это не было пролито никакого света, пока Аддисон, тщательно исследуя органы умершего пациента, когда не удалось обнаружить никакого другого заболевания, не обнаружил признаки заболевания в надпочечных капсулах. Он определил болезнь, и хотя он не выделил ее абсолютно среди всех других, он дал очень точный отчет о симптомах в случаях, с которыми он встречался, и показал, что никакая другая болезнь не может быть связана с ними — действительно, никакая другая болезнь, вызванная этими капсулами, не была обнаружена.

Как учитель Эддисон был впечатляющим и популярным. Его интерес к своему классу был искренним; он стремился раскрыть таланты своих учеников. Среди его учеников были доктор Голдинг Берд, слишком рано прервавший свою блестящую карьеру, сэр Уильям Галл, доктор Уилкс и многие другие известные люди. Его клиническое преподавание в палатах было особенно превосходным. Он мог наиболее ярко проиллюстрировать это на пациенте, наиболее четко определить и продемонстрировать его болезнь. Ему не нравилось что-либо вроде вмешательства в его методы со стороны других, и иногда он демонстрировал это несколько резко. Однажды, когда его несколько дней не было в палате, коллега счел нужным изменить его лечение в связи со случаем плеврита. Вернувшись, Аддисон сразу же поинтересовался причиной, и ему сказали, что лечащий врач считает, что это был случай пневмонии и затвердения легкого. “Ах, в самом деле!” - сказал Аддисон. “Дайте мне троакар”; и он немедленно погрузил маленький инструмент в грудную клетку и извлек несколько унций жидкости, доказав точность своего собственного диагноза. Он не терял времени на обдумывание или обсуждение вероятностей; он был уверен и доказал, что был прав.

Взгляд доктора Уилкса на характер Аддисона в сборнике его работ, опубликованном Нью—Сайденхемским обществом в 1868 году, настолько уместен, что должен найти место в любом адекватном описании Аддисона:-

“Его сильное, позитивное и постоянное использование термина ‘практичный’ применительно к болезни, действительно, является ключом к характеру Аддисона и его профессиональной карьере. Он был всегда готов обсуждать только что возникшие теории, но ни на минуту не позволял им вмешиваться в результаты его зрелого опыта. Обладая необычайно высокой способностью к восприятию, будучи проницательным человеком, превосходящим среднестатистических людей, стоявший перед ним пациент был окинут проницательным взглядом, от которого могли ускользнуть немногие болезни. Он никогда не исходил из полуоткрытого факта, но оставался у постели больного с упрямой решимостью выследить болезнь до самого ее источника в течение периода, который постоянно утомлял его класс и сопровождавших его друзей. Он так сильно нагружал свой разум мельчайшими деталями, имеющими отношение к точному изложению случая, что, как известно, среди ночи напугал "сестру" из палаты своим присутствием; после того, как он лег спать с этим случаем в голове, ему в голову пришла какая-то деталь, которую он считал важной в связи с ним, и он не мог успокоиться, пока не прояснил ее. Известно также, что он, осмотрев пациента в радиусе восьми или десяти миль, на близком подлете к Лондону вспомнил, обдумывая случай по дороге, что пропустил какой-то, казалось бы, важный запрос, и вернулся на несколько миль назад, чтобы разобраться в возникшем у него сомнении. Если бы, наконец, он смог дотронуться пальцем до болезни, его победа была бы достигнута, и его кропотливый труд был бы удовлетворительно вознагражден. Ибо для него точный диагноз был великой и слишком часто конечной целью индустрии поисков, сопоставлением фактов, выведенных из научных наблюдений, и концентрацией мысли, редко сочетавшейся в отдельном враче. Тем, кто знал его лучше всего, его способность проникать в сложную структуру тела и выявлять скрытую болезнь казалась непревзойденной; но мы опасаемся, что при достижении одной великой цели та же энергетическая мощь не была направлена на ее облегчение или излечение. Не обвиняя Аддисона в преднамеренном пренебрежении терапией, мы полагаем, что можем проследить за заигрыванием с лекарствами, которое было характерно для более поздних времен. ‘Я разобрался с болезнью; если она излечима, природа, действуя честно, излечит ее. Я не вижу ясного пути к прямому назначению специальных лекарств, но я должен прописать что-то пациенту, по крайней мере, такое, чтобы удовлетворить его или ее друзей”, - по-видимому, это часть привычки ума, который может удовлетворительно справляться только с наблюдаемым и доказанным и уклоняется от неопределенного и сомнительного”.

Аддисон не стремился добиться дурной славы. Действительно, он, похоже, старательно держался на заднем плане в том, что касалось общественной жизни. Он не прилагал особых усилий, чтобы добиться публикации своих исследований в медицинских журналах, и по большей части его превосходные статьи появляются в отчетах больницы Гая. Таким образом, его практика не соответствовала его великим заслугам, хотя он умер с состоянием в 60 000 фунтов стерлингов. В профессиональном общении он казался прямолинейным и даже временами грубым, создавая впечатление высокомерия и презумпции превосходства. Врач общей практики был склонен считать его неприступным и воспринимать как человека с большим чувством собственного достоинства. Однако под этим внешним подобием скрывался крайне нервный темперамент. Этот сильный, хорошо сложенный, энергичный, решительный человек скрывал физическую нервозность и восприимчивость, которые наиболее глубоко

затрагивали его в обстоятельствах судебного разбирательства. Он часто говорил: “Я никогда не вставал, чтобы выступить перед Юношеским физическим обществом этого Парня, не нервничая”; и все же в то же время аудитории казалось, что он говорит тоном, похожим даже на бахвальство. Его кажущаяся невежливость была настолько далека, насколько это было возможно, от выражения его истинных чувств. “Рассматриваемый с профессиональной точки зрения,” говорит доктор Уилкс, “ни один известный персонаж не проявлял в большей степени безупречных качеств настоящей профессиональной честности. Мы никогда не слышали ни единого случая, чтобы у него вырвалось хоть слово пренебрежения в адрес брата по профессии. Он всегда упорно и со всей своей природной энергией отстаивал то, что считал истиной, но никогда с целью недооценки мнения других. Все его отношение к профессии было в высшей степени благородным, и ему никогда не приходило в голову что-либо вроде ревности или недоброжелательства к другому профессионалу”.

Главной честью за пределами школы, выпавшей на долю Эддисона, было президентство в Королевском медицинском и хирургическом обществе. Но благосклонность двора не блеснула над ним, хотя никто не удостоился бы ее более достойно. На Континенте, как мы уже говорили, к Аддисону относились с величайшим почтением. Когда он посетил Париж, Нелатон, приданое и представители элиты профессии развлекли его на публичном обеде и оказали ему самый теплый прием. Эддисон произнес красноречивую речь на превосходном французском. Он был ревностным Тори, не одобрявшим модернизированную политику Дизраэли, но в равной степени не одобрявшим тираническое правление Элдона.

Музей патологии Гая, украшенный его замечательным бюстом работы Джозефа Тауна, является ярким свидетельством энергии и проницательности Аддисона. Он внес в нее очень большой вклад, и его раннее изучение кожных заболеваний привело к тому, что он предложил план иллюстрации кожных заболеваний восковыми моделями и тщательно раскрашенными рисунками с натуры и руководил его исполнением — впоследствии этот процесс широко распространился на весь спектр патологий.

“Каждая черта лица Аддисона,” говорит доктор Лонсдейл, “была четко очерчена и хорошо сочеталась с его массивной головой точных пропорций. У него были темные волосы, большие брови и глаза темно-орехового цвета; его нос был ярко выражен, губы полные и выразительные, с довольно особыми движениями, а подбородок твердый и широкий; и в целом на его физиономии читались энергия и безошибочный характер. У него был глубокий проницательный взгляд, который наполнялся жизнью и светом, когда он вступал в спор. Обладая властной осанкой и твердым значительным шагом, он обладал острой проницательностью, более того, особой проницательностью, которая никогда не подводила его в личной жизни и лишь изредка у постели больного. Он предстал перед вами олицетворением власти, достоинства и независимости”. Некоторые люди, которые хорошо его знали, считали, что он добился бы равного успеха в коллегии адвокатов, в сенате, на флоте или в Церкви. Что бы он ни предпринял, он бы справился и осуществил, не встречая сопротивления, не отклоняясь в принципе.

Доктор Аддисон женился, когда ему было на несколько лет за пятьдесят. Его женой была вдова У. У. Хэнксвелла, эсквайр. Свадьба состоялась в сентябре 1847 года в церкви Ланеркост, и на ней произошел необычный инцидент. Незадолго до церемонии, без ведома собравшихся, шторм снес часть крыши церкви на алтарный стол. Увидев обломки, Эддисон воскликнул своему биографу, нервно схватив его за руку: “Боже милостивый, Лонсдейл! разве это не

зловеще?” Но его друг, предположивший, что для церемонии подойдет любая часть здания, и невеста, улыбающаяся, не теряющая жизнерадостности, успокоили доктора, и все прошло хорошо. Миссис Аддисон, у которой было двое детей от первого мужа, но ни одного от второго, пережила доктора Аддисона на двенадцать лет. Ее описывают как чрезвычайно любезную и превосходную жену.

Весной 1860 года Аддисон был вынужден уйти в отставку из-за угрозы заболевания мозга. Он поселился в Брайтоне; но его болезнь прогрессировала и закончилась его смертью 29 июня 1860 года. Он был похоронен в Лэнеркосте 5 июля. Мраморная табличка в часовне больницы Гая свидетельствует о том, что он завоевал восхищение и доверие студентов больницы своими глубокими знаниями и искренним красноречием и что пациенты любили его за неустанное внимание и доброту к ним. Одно из медицинских отделений в новых зданиях больницы Гая названо в его честь “Эддисон Уорд”. Стоит отметить, что Эддисон, как и Джон Белл, был музыкантом и с готовностью осваивал новый инструмент. Будучи слегка глуховатым на одно ухо, он был соответственно острее на другое. Этим ухом он пользовался с непревзойденным мастерством при аускультации сердца и легких.

В предисловии к изданию "Клинических мемуаров доктора Брайта об опухолях брюшной полости", опубликованному Сайденхэмским обществом в 1861 году, доктор Барлоу хорошо замечает: “Со времен Харви не было ни одного английского врача — возможно, можно сказать, что ни в одной стране — который добился бы не только столь значительного прогресса в знаниях о конкретных заболеваниях, но и столь значительной революции в наших привычках мышления и методах исследования патологических явлений и прослеживания этиологии болезней, как покойный доктор Ричард Брайт. Тем, кто ознакомился с взаимосвязью водянки, белкового состава мочи и заболеваний почек среди первых зачатков медицины, факты, устанавливающие эту связь, могут показаться настолько простыми и легко устанавливаемыми, что количество труда, точность наблюдений и строгое следование индуктивному методу, которые характеризовали все исследования Брайта, вряд ли могли быть заподозрены, а тем более адекватно оценены”.

Ричард Брайт родился в Бристоле в сентябре 1789 года, его отец был сотрудником богатой банковской фирмы "Эймс, Брайт и Кейв", а его старший брат впоследствии представлял Бристоль в трех парламентах. Его раннее образование проводил доктор Эстлин, а позже доктор Карпентер, оба известных имени в Бристоле. В 1808 году он поступил в Эдинбургский университет, сначала посещая Дугалда Стюарта, Плейфера и Лесли, в математическом классе которых он получил премию в 1809 году, начав изучать медицину под руководством Монро Тертиуса, Хоуп и Дункана.

В 1810 году доктор Брайт вместе с доктором (впоследствии сэром Генри) Холланд сопровождал сэра Джорджа Маккензи в его путешествии по Исландии и написал заметки по ботанике и зоологии, а также другие отрывки из книги “Путешествия Маккензи по Исландии” (Эдинбург, 1811). Маккензи признает жизнерадостность Брайта, его готовность приложить усилия и неизменное добродушие во многих неприятных происшествиях, которые постигли вечеринку. Несколько раз два друга-медика подвергались неминуемой опасности, и мы не можем не быть благодарны за то, что эти светила медицины были спасены для выполнения дела своей жизни.

Вернувшись из Исландии, Брайт начал работу в клинической больнице Гая в Лондоне, где он два года прожил в доме офицера-резидента, предвкушая сорокалетнее пребывание, которое он практически провел в ее стенах. Эстли Купер был тогда в своей лучшей форме, и юного Брайта сразу привлекли патологоанатомия и *посмертные* наблюдения. В это раннее время он сделал рисунок зернистой почки - одного из патологических состояний, для выяснения которого ему впоследствии пришлось так много сделать. В 1812-1813 годах Брайт снова был студентом в Эдинбурге, где Грегори все еще был в полном расцвете сил: он окончил университет 13 сентября 1813 года, защитив диссертацию о заразной роже. Намереваясь окончить Кембридж, он поступил в Питерхаус, где его брат был мирянином, но проработал всего два семестра, обнаружив, что его учебе мешает дисциплина в колледже. В 1814 году Брайт был одним из множества английских путешественников на Континенте и овладел французским и немецким языками, посещая профессиональные лекции, особенно в Берлине и Вене. Весной 1815 года он много путешествовал по Венгрии, и результат его наблюдений, поскольку он был убежденным наблюдателем, был представлен миру в его большом томе объемом в quarto "Путешествия из Вены через Нижнюю Венгрию с замечаниями о состоянии Вены во время конгресса 1814 года", опубликованном в Эдинбурге в 1818 году. Это был ценнейший вклад в изучение социального положения, статистики и естественной истории этой страны, тогда столь малоизвестной в Англии. Из всего этого становится очевидным, насколько карьере доктора Брайта способствовали комфортные материальные условия, в которые он был поставлен: не то чтобы деньги дали ему талант, но то, что они не позволяли ему страдать от препятствий и невыгод, которые сопровождали карьеру стольких врачей.

Тем временем доктор Брайт зимой 1814 года изучал кожные заболевания под руководством доктора Бейтмана в Диспансере. Возвращаясь домой через Бельгию, примерно через две недели после Ватерлоо, он увидел много интересных случаев заболеваний среди больных и раненых из недавно сражавшихся армий. В декабре 1816 года он был принят в Лондонский колледж врачей и вскоре после этого был избран ассистентом врача Лондонской лихорадочной больницы, за что часто расплачивался тяжелыми приступами лихорадки, которые чуть не стоили ему жизни. Летом и осенью 1818 года он снова посетил Континент, проведя значительное время в Германии и Италии и возвращаясь через Швейцарию и Францию.

С 1820 года мы можем датировать полное начало профессиональной карьеры Брайта, поскольку теперь он снял дом на Блумсбери-сквер для частной практики. Его избрание в том же году помощником врача в больнице Гая привело к тому, что он оставил Лихорадочную больницу и сосредоточил свое внимание на работе в больнице Гая. Он быстро стал известен своим прилежным посещением палат и тем, что прослеживал причины симптомов у своих пациентов в *комнате для вскрытия*, когда они, к несчастью, поступали туда. В течение многих лет он проводил шесть часов в день на своем любимом месте исследования; и много лет спустя, когда частная практика поглощала все больше его времени, он с тоской оглядывался назад, на прошедшие годы веселых исследований и успешного труда. Его прогресс, к которому он был хорошо подготовлен, теперь был быстрым. В 1821 году он был избран Ф.Р.С.; в 1822 году он начал читать лекции по ботанике и *Materia Medica*; а в 1824 году он читал лекции по медицине, сначала совместно с доктором Чолмелеем, позже прослушав весь курс самостоятельно. Несколько лет спустя доктор Аддисон стал участвовать в этом чтении лекций, и два знаменитых человека на протяжении многих лет поддерживали и приумножали славу Guy's своим совместным участием.

Брайт не был теоретиком, был лишен особых доктрин и “взглядов”, но, как хорошо выразился доктор Уилкс[1], “он мог видеть, и мы поражены его наблюдательностью, когда он фотографировал картины болезней для изучения потомками”. Из этого доктор Уилкс делает вывод, что он не до конца осознавал ценность своей собственной работы и что болезням почек он придавал не больше значения, чем заболеваниям печени и головного мозга, которые он также описал. Доктор Уилкс даже считает многие наблюдения Брайта более новыми и оригинальными, когда они были опубликованы, чем наблюдения, касающиеся почек, но последние были более ценными, и их большее значение было сразу признано. Следует четко понимать, что Брайт был не просто специалистом по заболеваниям почек, но клиницистом редкого мастерства, который сопровождал своих пациентов в *комнату для вскрытия* и внимательно наблюдал не только за изменениями, произошедшими в органе, заболевание которого привело к смерти, но и за состоянием всех других органов тела. Он был одним из первых, если не первым, кто описал острую желтую атрофию печени, пигментацию мозга при меланемии (или пигментированной крови) из-за миазмов, уплотнение легких при коклюше, односторонние судороги без потери сознания при местных заболеваниях мозга, ушибы сердца при хорее, мелкие эхинококки на внутренней поверхности эхинококковых кист и т.д.

Действительно странно, что водянка существовала так долго, а ее причина так и не была открыта; и что заболевание почек, как мы теперь его понимаем, было почти неизвестно. Более чем за столетие до публикации работы Брайта было известно о наличии белка в моче людей, страдающих водянкой; были отмечены случаи, когда возникали судороги и заражение крови, когда после смерти почки были обнаружены маленькими и зернистыми. Доктор Блэкхолл написал трактат о водянке в 1813 году; но хотя он обнаружил, что моча содержит белок, он редко заходил в *комнату для вскрытия* и обследовал почки, которые действительно часто в то время могли оставаться нетронутыми. Но до появления первого тома Брайта в quarto “Отчетов о медицинских случаях” за 1827 год заболевание почек не признавалось важным заболеванием; его сразу же приветствовали как первооткрывателя, и болезнь назвали его именем. Он впервые показал, как распознать распространенную форму болезни, и систематизировал то, что было известно о ней, и далее он продемонстрировал, что существует три или четыре ее разновидности, точка зрения, которую последующие исследования наиболее полно подтвердили и развили в наиболее важных направлениях. Он доказал, что из крови не только постоянно выводятся наиболее важные белковые компоненты, но и что это часто сопровождается неспособностью почек выводить естественный продукт жизнедеятельности, а именно мочевины, которая, оставаясь в крови в избытке, становится ядовитой и часто вызывает судороги и воспаления на расстоянии от почек. Этот последний взгляд на последствия задержки секреции был принят не без значительного сопротивления, но более полное исследование только сделало его истинность более очевидной. И принятие новой истины имело свои рефлекторные последствия в других отделах расследования. Заболевания других выделительных органов, возможно, могли быть вызваны тем же способом; и таким образом, последствия заболевания печени, вызывающие задержку желчи и ее циркуляцию в тканях, были заново освещены; и отравление желчью и заражение крови были поставлены на новую основу.

Хотя большое количество времени в течение многих лет уделялось изучению случаев заболевания почек, многие другие области исследований были объектами пристального внимания доктора Брайта. Мы уже упоминали о некоторых из них. Возможно, одной из серий явлений, которая интересовала его не меньше, чем любая другая, были различные опухоли брюшной полости и способы диагностики между ними. Он опубликовал в журнале *Guay's Hospital Reports* расширенный набор монографий по этим предметам, которые были опубликованы в сборнике *New Sydenham Society*. Они в основном клинические, иллюстрируются хорошо сгруппированными случаями, наблюдаются и регистрируются с большой тщательностью и точностью и изобилуют важными предложениями относительно диагноза и функционирования.

Второй том “Отчетов о медицинских случаях” вышел в двух частях в 1831 году и содержал в основном описания случаев церебральных и спинальных заболеваний, включая паралич, эпилепсию, столбняк, гидрофобию и истерию, с наблюдениями за их природой и патологией. Многочисленные цветные иллюстрации в обоих томах отличаются большим мастерством и авторитетом, поскольку выполнены под личным руководством доктора Брайта. Впоследствии он был связан с доктором Аддисоном в подготовке первого тома “Элементов медицинской практики”. Первый том отчетов больницы Гая, опубликованный в 1836 году, содержит не менее восьми статей, написанных собственным пером Брайта. В 1832 году доктор Брайт был избран членом Королевского колледжа врачей, а в 1833 году прочитал в колледже гильдстоновские лекции о функциях внутренних органов брюшной полости с наблюдениями за диагностическими признаками заболеваний, которым подвержены внутренние органы. В 1836 году он был цензором, а в 1837 году читал ламлейские лекции о расстройствах мозга.

В ранние годы практика доктора Брайта была не очень обширной. Он не был склонен использовать какие-либо случайные средства для поддержания популярной репутации и был доволен своими неустанными исследованиями. Его публикации о заболеваниях почек постепенно привлекли всеобщее внимание, и профессия сделала его самым надежным и ценным консультантом, так что в последние годы жизни он руководил первоклассной практикой. За несколько лет до своей смерти он подал в отставку со своего поста в больнице Гая и был назначен почетным врачом-консультантом. Он умер 11 декабря 1858 года от последствий обширного и длительного окостенения аортальных клапанов сердца, в результате чего выход крови сократился до простой щели. Он долгое время очень сильно страдал, но никогда при жизни не подвергался тщательному обследованию. Тем не менее, он свято верил в ценность лекарств и принимал их в больших количествах. Он был похоронен в Кенсал-Грин.

Брайта описывают как человека с “удивительно ровным характером и веселым нравом: он был очень внимателен к недостаткам других, но суров в дисциплине собственного разума. Он был искренне религиозен, как в доктрине, так и на практике, и обладал настолько чистым умом, что от него никогда не слышали, чтобы он высказывал чувства или рассказывал анекдоты, которые не были бы достойны быть услышанными самым обыкновенным ребенком или самой утонченной женщиной. Он был любящим мужем и превосходным отцом, не только проявлявшим самый живой интерес к благополучию своих детей и к их занятиям, но и никогда не был так счастлив, как когда они были рядом с ним; так что половина удовольствия от долгих каникул была потеряна, если бы его не сопровождало как можно больше членов семьи”. Он женился, во-первых, на третьей дочери доктора Бабингтона-старшего; и, во-вторых, на сестре сэра Уильяма Фоллетта, от которой у него осталось в живых три сына: один - доктор Брайт из

Канн, а другой - преподобный Джеймс Франк Брайт, известный историк и магистр Университетского колледжа Оксфорда.

О Брайте говорят, что он был, пожалуй, более известен за границей, чем любой другой британский врач своего времени. Доверие, которое оказывали ему его собратья по профессии, во многом зависело от того пристального внимания, которое он уделял каждому делу. Он всегда делал тщательные заметки и часто делал рисунки, будучи хорошим рисовальщиком и большим знатоком офорт и гравюр.

СНОСКИ:

[1] Исторические заметки о болезнях Брайта, Аддисона и Ходжкина, в отчетах больницы Гая, серия 3d, том. xxii.

ГЛАВА XII.

ЛИСТОН, САЙМ, ЯЩЕРИЦЫ И НОВЕЙШАЯ ХИРУРГИЯ.

Среди оперирующих хирургов немногие имена занимают более высокое положение, чем имена Листона и Сайма, когда-то близких соратников по частной медицинской практике в Эдинбурге, в более поздний период ревнивых соперников и даже антагонистов, но, к счастью, снова теплых друзей перед внезапной кончиной старшего. Роберт Листон родился 28 октября 1794 года, его отцом был преподобный Генри Листон, министр епископии штата Линлитгоу, чьи достижения включали значительное знакомство с теорией музыки, и который написал трактат о совершенной интонации в дополнение к изобретению органа, рассчитанного на воспроизведение желаемой интонации. До четырнадцати лет он получал образование в основном у своего отца, а затем в течение двух сессий посещал классические и математические лекции в Эдинбургском университете, получив на втором приз за сочинение на латыни. В этот период своей жизни он проявлял большую любовь к морю, и отказаться от своего желания стать моряком его заставило только обещание, что если он будет изучать медицину, то со временем станет военно-морским хирургом, если захочет. Его вкус к морской жизни никогда не покидал его; и одним из развлечений, которым он больше всего наслаждался в течение нескольких недель после своей смерти, было плавание на яхте, которую он держал на Темзе. Он также очень любил полевые виды спорта.

В 1810 году Листон начал изучать медицину в качестве ученика доктора Барклая, известного преподавателя анатомии. Вскоре его наставник отметил его рвение и неутомимую усидчивость, и в конце концов он выбрал его своим помощником и прозектором, должность, которую он занимал до 1815 года. Именно так Листон приобрел фундамент своих замечательных знаний хирургической анатомии, которые укрепил его более поздний опыт и к которым он добавил ловкость в использовании хирургических инструментов, и особенно ножа, который был непревзойденным в его время.

В 1815 году Листон стал клерком хирурга или домашним хирургом в Королевском лазарете Эдинбурга, и в этом качестве он в полной мере воспользовался возможностями для проведения *посмертных* обследований, которые затем проводились домашними хирургами. В 1816 году он

отправился в Лондон и несколько месяцев проучился в больнице Святого Георгия, а также посетил несколько лекций Абернети. В 1817 году, получив дипломы Колледжа хирургов как в Лондоне, так и в Эдинбурге, он начал практиковать в Эдинбурге и снова помогал доктору Барклаю в его преподавании анатомии. Но из-за возникших между ними недоразумений Листон оставил Барклая и начал читать лекции самостоятельно в начале сессии 1818-19 годов, а Джеймс Сайм стал его ассистентом. В 1823 году Листон отказался от преподавания анатомии в пользу Сайма, чтобы полностью посвятить себя преподаванию хирургии; но Листон сохранил значительную долю доходов от анатомических лекций как основатель и более важный владелец объединенной школы. Это соглашение просуществовало недолго, Сайм переехал на Браун-сквер в 1824 году: и, похоже, Листон, по крайней мере наравне с Саймом, может быть обвинен в проявлении серьезной ревности в этом вопросе. Они неизбежно были серьезными соперниками, слишком близкими по силе и, возможно, слишком осознававшими свои индивидуальные притязания, чтобы быть способными хладнокровно наблюдать за действиями и продвижением друг друга.

Листон опубликовал небольшую книгу по хирургической анатомии грыжи голени (1819) и вскоре приобрел известность, проведя несколько блестящих операций, сложных ампутаций, перевязки артерий, литотомию и тому подобное. В то время в управлении Королевским лазаретом было много недостатков, и Листон, несмотря на свой юный возраст, принялся за работу, агитируя за их устранение. К сожалению, он не предпринимал никаких попыток примирить менеджеров при этом, и его откровенные жалобы были встречены ожесточенным противодействием со стороны некоторых хирургов, а также менеджеров. Он проникся духом полемики, для разжигания которой так много сделал доктор Грегори и на которую тогда было потрачено столько таланта и времени эдинбургцев. В 1821 году Листон записывает, что к нему почти ежедневно обращались пациенты из Лазарета, которым не удалось добиться помощи от хирургов, и его обвинили в том, что он заманивал оттуда пациентов. От него даже потребовали, под страхом вечного исключения из работы хирурга в Лазарете, чтобы он отказал в своей профессиональной помощи любому человеку, который был там пациентом. Естественно, он отказался выполнить любое подобное условие и не стал бы отлучаться от занятий в Лазарете, как также предлагалось. Справедливо будет сказать, что Листон добивался самого тщательного расследования своих действий и отрицал, что он когда-либо прямо или косвенно намекал кому-либо из пациентов Лазарета на то, что применяемая там практика была плохой, или что он сам знал лучше, или каким-либо образом пытался переманить пациентов. Но он действительно жаловался на утомительные и часто пагубные задержки, которые имели место перед операцией пациентов, и на неудовлетворительный результат многих операций; в то время как он сам, несомненно, вылечил многих, выписанных как неизлечимые или получивших неполное облегчение. Молодой хирург демонстрировал такую энергичность, что были приложены огромные усилия, чтобы максимально использовать любые допущенные им неосторожности и удержать студентов от посещения его занятий, особенно намеками на то, что в противном случае они очень плохо зарекомендуют себя в Колледже хирургов. Странно, что он, который теперь продолжал столь смелую атаку на условности и авторитет, должен был проявлять такую ревность к своему бывшему демонстратору Сайму и пытаться манерами, и более чем манерами, подавлять и обесценивать мастерство еще более молодого человека. Это было лишь одним из многих несоответствий и трудностей, к которым привело сознание Листоном своих собственных сил и его резкая и несколько грубоватая манера справляться с расхождениями во мнениях. Тем не менее резких обвинений в некомпетентности, которые Листон выдвинул против некоторых

хирургов, находившихся в то время в должности, и которые были подробно подтверждены, было достаточно, чтобы доказать менеджерам, что Листон не был обычным молодым человеком, но его талантам должно быть предоставлено полное поле для проявления; и, следовательно, приобретая все большую известность как лектор по хирургии и привлекая большое количество студентов, Листон в 1828 году стал одним из хирургов Королевского лазарета.

Но интереса Листона было недостаточно, чтобы получить должность профессора хирургии в университете, когда она стала вакантной, и он с радостью принял предложение стать хирургом в больнице Северного Лондона, а в 1834 году - профессором клинической хирургии в Университетском колледже. Его перевод в Лондон имел поразительный успех. В 1833 году он уже опубликовал свои "Принципы хирургии", которые выдержали несколько изданий. Его ясность, простота и домашний стиль сделали его популярным и хорошо рассчитанным на расширение его славы. Неорнаментальный почти до предела и, возможно, с недостатком иллюстраций, он дал много практической информации и определенно разъяснил свой предмет. Его "Практическая хирургия", опубликованная в 1837 году и содержащая в основном результаты его собственного опыта, пользовалась еще большей популярностью. Однако его блестящие таланты были талантами оператора. О нем говорили, что он обладал всеми необходимыми качествами для успеха в этой области: огромной физической силой и активностью, хладнокровием, расторопностью, энергией и непоколебимым мужеством, твердой рукой и острым глазом, решительностью, которая росла вместе с трудностями, с которыми он сталкивался, и основывалась на справедливом доверии к его полному знанию анатомии и патологии. И все же блестящий оператор не слишком стремился демонстрировать свои таланты; его часто считали удивительно осторожным. Его обдуманность была столь же заметна перед проведением операции, как и его бесстрашие при ее проведении. Его готовность и находчивость при самых разнообразных и сложных сочетаниях обстоятельств были удивительны. Он преуспел в нерегулярных операциях, в которых нельзя было придерживаться четко установленного порядка действий, но ему приходилось зависеть от решения момента в отношении конкретного случая. Он точно знал, что намеревался сделать и как это сделать, причем без промедления и колебаний. Таким образом, он завоевал репутацию самого ловкого оператора своего времени.

В дополнение к своей "Хирургии" Листон опубликовал множество ценных работ по ампутации, сложным случаям аневризмы, трахеотомии, литотомии и литотритии. Он наложил свой отпечаток на очень большое количество операций, либо изобретая новые методы преодоления старых трудностей, либо совершенствуя общепринятые способы борьбы с ними. Он изобрел улучшенную обувь для лечения косолапости и отлично справился с устранением вывихов. Однажды ему удалось вправить вывихнутый тазобедренный сустав после того, как вывих продолжался не менее двух лет. Он ввел метод вправления вывихнутых фаланг, особенно большого пальца, проводя кольцом от дверного ключа по этой части и прижимая его к выступающему концу кости, так что растяжение и давление могли осуществляться одновременно. После вывиха бедра назад он несколько раз воспользовался мгновенным бессилием мышц от шока и вправлял конечность на месте без использования шкивов или даже без помощи ассистента. Он изобрел или модифицировал шины для лечения сломанных конечностей. Его методы выполнения ампутаций с помощью лоскутов получили широкое распространение. Он добился большого успеха в так называемых пластических операциях, таких как восстановление носа путем взятия лоскута с верхней губы. Однако его имя едва ли больше ассоциируется с ампутациями, чем с литотомией и литотренингом, которым он уделял

большое внимание. Многие из его лекций по этим предметам были опубликованы в "Ланцете" и пользовались широкой известностью.

Большое значение придавалось личной силе Листона, поскольку она составляла важный элемент его оперативных успехов. Говорили, что его кисть и предплечье могли бы послужить образцом для Геркулеса, и их сила нередко проявлялась в операциях, требующих большого мышечного напряжения. Но он был столь же успешен в тех областях, где требовались самые тонкие манипуляции. Его решительность и сила характера были равны точному контролю над его мощными, но легко приспособляемыми мышцами. Он ампутировал бедро одной рукой, сжимал артерию левой рукой, не накладывая жгута, и делал все разрезы и распиливания правой, используя только домашнего хирурга, который удерживал конечность и перевязывал артерии лигатурами. Ему не нужно было времени на размышления; его действия были подсказаны своего рода интуицией, сродни гениальности; казалось, он с первого взгляда понимал требования любого конкретного случая. И все же он никогда не отказывался от своей привычки изучать анатомию, проводя как можно больше часов за фактическим вскрытием.

Одна из ярких демонстраций решительности и изобретательности Листона произошла во время ампутации бедра Расселом, в то время профессором клинической хирургии в Эдинбурге. Артерия в перерезанной кости сильно кровоточила, и из-за костного окружения ее нельзя было перевязать обычным способом. Листон сразу же отрезал ампутирующим ножом щепку дерева с операционного стола, придав ей форму конуса и ввел в кровоточащее отверстие, таким образом немедленно остановив кровотечение.^[2]

Общие принципы лечения Листона также заслуживают внимания, поскольку с их помощью он оказал значительное влияние на профессию. Он рано осознал неразумность чрезмерного лечения и все больше и больше склонялся к доверию к естественным восстановительным силам. Таким образом, он смог обойтись без множества принадлежностей, окружавших оперирующего хирурга, - многократных припарок, перевязок, бинтов, мазей, которые часто делали пребывание в хирургической палате почти невыносимым.

После смерти сэра Энтони Карлайла в 1840 году Листон был избран в Совет Королевского колледжа хирургов, но не становился одним из экзаменаторов до марта 1846 года. Нет никаких сомнений в том, что он вскоре стал бы президентом Колледжа, если бы его карьера не оборвалась. Его практика стала очень обширной, и нет сомнений, что он выполнял такой объем работы, который многие люди сочли бы невыполнимым. Тем не менее, он был известен своим вниманием к бедным и нуждающимся. После его смерти в "Таймс" было отмечено, что "его натура питала отвращение ко всему низменному, и ни один человек никогда не был так сильно впечатлен чувствами честного, щедрого и независимого практикующего. На каком бы уровне жизни ни произошел 'случай', был ли он трудным или интересным, этот мастер своего дела был наготове с помощью могущественных чар своей безошибочной биографии, и его наградой было сознание собственной силы и благородная гордость за то, что он способствовал облегчению страданий человечества. На его поведение в обычном обществе иногда жаловались как на грубое или отрывистое, и он, конечно, иногда пренебрегал простыми житейскими любезностями, а иногда пренебрегал утонченностью или щепетильностью. Он был человеком мысли больше, чем показухи. Он не выносил пустяков и не всегда избегал показывать свое отвращение. Он был страстным любителем правды и искренности и иногда, возможно, выражался слишком резко, когда думал, что за этим скрывается какая-то низость, обман или

притворство. Но в надлежащем и мучительном месте работы врача - в палате больного — он был столь же мягок, сколь и решителен. У него никогда не было пациента, который не стремился бы стать другом, и голос, который иногда диссонировал с мелкими неприятностями повседневной жизни, был музыкой для ушей больного. На сцене страданий он никогда не произносил ни резкого слова, ни недоброго взгляда, а рука, которая была твердой, как железо, и верной, как сталь, на театре военных действий была мягкой, как чертополох, вплоть до бьющегося пульса и ноющего лба. Можно также совершенно справедливо добавить, что при исполнении им своих трудных обязанностей среди людей самого высокого ранга и самых взыскательных симпатий его деликатность и снисходительность были столь же замечательны, как и здравый смысл, которым руководствовалось все его профессиональное поведение. Его сердце было отдано своему делу”.

Листон был теплым в дружеских отношениях, хотя и сильным в своих антипатиях. Он не очень-то ладил с незнакомцами. Следует отметить, что он откровенно примирился с Саймом после их серьезных разногласий. Наконец, в 1839 году он проявил инициативу, и между ними завязалась дружеская переписка. Они встретились еще раз осенью 1847 года, когда Листон посетил Эдинбург, и часто бывали вместе. Листон обедал с Саймом в Миллбанке на следующий день после своего прибытия в Эдинбург и еще раз за день до своего отъезда в Лондон. Однако вскоре Листона унесла аневризма аорты, которая, должно быть, существовала годами и была вызвана его большими физическими нагрузками, которые были характерны как для отдыха, так и для работы. Оказалось невозможным с уверенностью диагностировать его болезнь незадолго до его смерти, которая с поразительной внезапностью обрушилась на медицинский мир и общественность в целом. Он умер 7 декабря 1847 года в возрасте 53 лет и был похоронен на Хайгейтском кладбище. На его похоронах присутствовали 400 студентов и большое количество медиков. Он оставил вдову и семью из шести детей, двое из которых были сыновьями. Однако один из них умер вскоре после своего отца. В мае следующего года лорд Броэм произнес восторженную хвалебную речь в адрес Листона на церемонии вручения призов в Университетском колледже. Сумма в размере около 700 фунтов стерлингов была пожертвована на мемориал, который принял форму мраморной статуи, установленной в колледже, и золотую медаль, называемую медалью Листона, которая ежегодно вручается за хирургические операции в том же учреждении.

Джеймс Сайм, еще один из великих шотландских хирургов этого столетия, родился в Эдинбурге 7 ноября 1799 года. Его отец, писатель the Signet, был из хорошей семьи, но из-за неудачных спекуляций попал в затруднительное положение и ничего после себя не оставил. Молодой Сайм получил образование в Средней школе Эдинбурга и вскоре проявил характерные для него терпение и настойчивость, не проявляя блестящих качеств. Некоторая невнятность речи, почти мешающая говорить, усиливала впечатление застенчивости, которое он производил. Вместо деревенских видов спорта он увлекался ботаникой и изготовлением скелетов мелких животных. Аналогичная тенденция проявилась в его привязанности к химии и пристрастии к проведению химических экспериментов. Таким образом, у него была достаточная склонность к исследованиям, связанным с медициной, поэтому неудивительно, что он выбрал профессию врача.

С 1815 года Сайм посещал Эдинбургский университет, поначалу слушая лекции как по искусству, так и по естественным наукам. Между прочим, в ходе своих химических занятий он сделал оригинальное открытие процесса гидроизоляции и, впервые растворив каучук, смог сконструировать из него гибкие трубки и сделать различные вещества водонепроницаемыми, вливая в их промежутки тонкий раствор каучука. Чтобы не отвлекаться от своей медицинской работы, Сайм отказался от получения патента, но опубликовал свой метод. Мистер Макинтош из Глазго вскоре после этого запатентовал процесс, но Сайм не получил никакой выгоды от своего открытия.

Ранняя дружба Сайма с Листоном привела его во внеклассные занятия Баркля зимой 1817-18 годов. Однако следующей зимой Сайм последовал за Листоном, когда тот стартовал самостоятельно, и помогал ему демонстрировать с самого начала. Он настойчиво продолжал учиться и в 1822 году отправился в Париж, чтобы совершенствоваться как в анатомии, так и в оперативной хирургии, извлекая особую пользу из операций и инструкций Лисфрана и Дюпюитрена.

Во время демонстрации для Листона Сайм продолжал свои медицинские исследования в Королевском лазарете и в других местах и был впечатлен неразумностью повторяющихся и жестоких кровопусканий, которые были тогда в моде. В 1823 году, став квалифицированным хирургом и начав практиковать в Эдинбурге, Сайм провел свою первую поразительную операцию, которую он сам назвал “величайшей и кровопролитнейшей в хирургии”, а именно ампутацию тазобедренного сустава. Его успех стал залогом его будущих триумфов. В том же году Листон оставил преподавание анатомии, чтобы полностью посвятить себя хирургии, и его место занял Сайм. Лето 1824 года было потрачено на изучение хирургии, практикуемой в Германии. В том же году растущая холодность между Листоном и Саймом привела к прекращению сотрудничества последнего с Листоном и открытию им новой школы на Браун-сквер в партнерстве с доктором Макинтошем. Здесь Сайм преподавал анатомию и хирургию, доктор Макинтош - медицину и акушерство, а доктор Флетчер - физиологию. Класс хирургии насчитывал до пятидесяти студентов. Но трудности и скандалы, связанные с надлежащей поставкой предметов для вскрытия, постепенно внушили Сайму отвращение к анатомической части его работы, а ссора с доктором Макинтошем в конце концов привела к тому, что он бросил школу Браун-сквер и полностью посвятил себя хирургии. Это был смелый ход, учитывая, что в Эдинбурге у него было четыре или пять грозных конкурентов, включая Листона, Лизарса и Фергюссона (впоследствии сэра Уильяма). И все же это событие настолько убедительно оправдало его, что в 1828-9 годах его класс увеличился до 250 человек, что стало самым большим количеством, когда-либо собранных преподавателями чистой хирургии в Эдинбурге. К нему потекла практика, стимулированная в 1826 году важной работой по лечению ран, в которой он настаивал на важности обеспечения свободного выхода всех выделений вместо почти герметичной их заделки, как это часто делалось. В 1827 году он еще раз продемонстрировал свое замечательное хирургическое мастерство, успешно удалив огромную опухоль, затронувшую часть кости нижней челюсти, - операцию, на которую не решился бы ни один другой хирург. Шестнадцать лет спустя мы встретились с пациентом, чье уродство было хорошо скрыто густой бородой.

Естественно, что мистер Сайм остро ощущал отсутствие места в больнице и обратился за ним, когда в Королевском лазарете появилась вакансия; но его действия, когда ему было отказано в этом, ввиду соперничества, существующего между ним и Листоном, были в высшей степени

энергичными и похвальными. Он открыл небольшую больницу на двадцать четыре пациента в Минто-Хаусе под свою личную ответственность; но хотя он укрепил себя влиятельным комитетом и получил определенную сумму ежегодных взносов, основная часть расходов легла на него самого. Таким образом, за первый год публика пожертвовала 217 фунтов стерлингов, а мистер Сайм - 779 фунтов стерлингов, включая 400 фунтов стерлингов, которые он получил в качестве студенческих взносов. Примерно в это же время он женился на сестре своего старого школьного товарища Роберта Уиллиса, впоследствии биографа Сайденхэма, и обзавелся собственным экипажем. Эти расходы привели его к финансовым затруднениям, которые поначалу было нелегко преодолеть, но через несколько лет его положение улучшилось благодаря быстрому расширению практики.

Клинические лекции Сайма стали замечательными благодаря новизне применяемого им метода. В Эдинбурге было принято читать лекции об определенном количестве случаев, в чем-то похожих друг на друга, без присутствия пациентов или чего-либо еще, что подчеркивало бы важность инструкции. Молодой новатор приводил пациентов одного за другим в аудиторию, расспрашивал их, демонстрировал основные особенности их жалоб, а затем объяснял принцип своего лечения в присутствии или в отсутствие пациента, в зависимости от обстоятельств, и, наконец, оперировал, когда это было необходимо, в присутствии учеников. Сайм был немногословным человеком с серьезными манерами; он иллюстрировал свои замечания немногочисленным, но хорошо подобранным личным опытом, но не сообщил ничего лишнего; и неудивительно, что его успех был замечен.

Ревность Листона усилилась по мере того, как успех Minto House стал гарантирован. В 1830 году Листон записал в абонементной книге больницы своего соперника: "Не поддерживайте шарлатанство и надувательство". Это побудило Сайма возбудить против Листона иск о клевете, который последнему пришлось урегулировать, извинившись. Однако в 1831 году его усилия увенчались успехом и он получил должность профессора хирургии в Эдинбургском колледже хирургов для своего друга Лизарса большинством в один голос против Сайма. В 1832 году, когда появился практический трактат Листона "Элементы хирургии", Сайм также выступил со своими более теоретическими "Принципами хирургии". В 1833 году Сайм воспользовался шансом, которого он так жаждал, и договорился с уходящим на пенсию профессором клинической хирургии Университета (Расселлом) о выделении ему 300 фунтов стерлингов в год пожизненно, если он станет его преемником. Это было после того, как Листон отказался идти на какое-либо подобное соглашение. Когда он был введен в действие в 1833 году, руководители Лазарета посчитали, что они должны разрешить новому профессору-клиницисту иметь палаты для клинического преподавания, несмотря на активное противодействие Листона.

Успех Сайма как учителя привел его в лазарет, и ученики переполняли его палаты. Он регулярно присутствовал при операциях Листона, но никогда не принимал в них никакого участия. Говорят, что появление Сайма часто вызывало явное презрение Листона, хотя открытых враждебных действий не происходило. Напряженное положение дел было смягчено переездом Листона в Лондон в 1835 году. Отрадно обнаружить, что ссора была окончательно урегулирована в 1839 году, когда Листон написал Сайму: "Вы позволите мне прислать вам экземпляр моей последней книги? Напиши и скажи мне, что ты хочешь, чтобы наши обиды и язвы не залеплялись, а прочно зарубцевались". Последовала доброжелательная переписка.

Мы хотели бы, чтобы о Сайме можно было сказать, что все его споры были столь же счастливо завершены. Его близкий друг доктор Белфредж, министр Слейтфорда, к которому он обращался во всех своих затруднениях, сказал ему, что “он всегда был прав в вопросе, но часто ошибался в манере ведения своих ссор”; и это должно быть частично объяснено количеством и серьезностью споров, в которые он был вовлечен, немногие из которых, однако, нуждаются в упоминании здесь. Может возникнуть вопрос, не лучше ли было бы мистеру Сайму во многих случаях, когда он защищался от нападков или возбуждал иски о возмещении ущерба, довольствоваться апелляцией к своему хорошо известному характеру и достижениям и смириться с клеветой. Но Грегори и другие жители Эдинбурга оставили в воздухе дурную привычку к спорам; и хотя Сайм был более умеренным, чем его предшественники, у него часто было полно дел. Хотя он сам был великим усовершенствователем профессиональной практики, на самом деле он был консерватором в своем отношении к другим людям и новым методам. Примером этого является его противодействие открытию Симпсоном анестезии и введению им точечного массажа для закрытия перерезанных кровеносных сосудов без использования лигатуры. Следует, однако, отметить, что многочисленные споры Сайма не произвели негативного впечатления на публику и не умалили теплоты привязанности, которую проявляли к нему множество друзей.

Переезд Листона в Лондон оставил Сайма практически во владении ведущей хирургической практикой Шотландии в возрасте тридцати пяти лет. Его прогресс был настолько заметен, что вскоре после восшествия на престол королевы он был назначен ординарным хирургом королевы Шотландии. Чуть позже дядя оставил ему значительное состояние, и с тех пор он наслаждался легкостью обстоятельств, которая, хотя и делала его действия независимыми, нисколько не вредила его профессиональному успеху. О хорошей работе, которой он занимался в дополнение к оперативным успехам, можно судить по названиям статей, содержащихся в подборке из его опубликованных трудов, опубликованных в 1848 году. Эти “Вклады в патологию и практику хирургии” включали, среди прочего, статьи о старческой гангрене, о способности надкостницы формировать новую кость, о язвах голени, об ампутации голеностопного сустава, о лечении подколенной аневризмы, об иссечении голеностопного сустава, о сократительной или раздражающей стриктуре уретры и о литотомии. Во всех этих случаях он ввел новые методы лечения или операции или выдвинул новые взгляды, и многие из его усовершенствований получили всеобщее признание. В 1847 году внезапная смерть Листона привела к тому, что Сайму была предложена его кафедра в Университетском колледже Лондона. После тщательного взвешивания вопроса он решил принять этот пост. Когда он покидал Эдинбург, его приглашали на ужин более сотни представителей медицинской профессии. Доктор (впоследствии сэр Роберт) Кристисон, который председательствовал, сказал, что ни один человек никогда так рано в жизни не получал должности хирурга-консультанта для целой нации, как Сайм; и этим он полностью обязан своим внутренним достоинствам. Он упомянул о побочных занятиях, с помощью которых многие врачи воссоздавали себя заново. У доктора Каллена было свое сельское убежище; у доктора Грегори - латынь и полемика; у сэра Чарльза Белла - карандаш и удочка; у мистера Листона - охотник; у мистера Джона Белла - тромбон. Мистер Сайм сделал свой сад и оранжереи заметными в стране садоводов.

Мистер Сайм прибыл в Лондон в феврале 1848 года и поселился на Брутон-стрит. Забавный случай произошел во время его первой лекции в Университетском колледже. Привыкший читать клинические лекции в операционной в Эдинбурге, где были предусмотрены места, он предположил, что аналогичная договоренность была достигнута в Лондоне, и объявил о своем

намерении читать лекции в операционной, не посещая ее предварительно. Войдя в аудиторию, чтобы прочесть свою лекцию, он обнаружил, что студенты неэлегантно расселись на перилах, которые поднимаются друг за другом в амфитеатре. Поначалу такое отношение шокировало его, но вскоре сменилось на более подобающее.

Трудности, однако, возникли в связи с кафедрой систематической хирургии, которую его попросили возглавить совместно с кафедрой клинической хирургии. Это, по его мнению, заняло бы слишком много времени и потребовало бы преданности теоретической хирургии и патологии, что не соответствовало его наклонностям. 7 мая некоторые невежливые демонстрации при раздаче призов Колледжа по отношению к двум своим коллегам глубоко ранили его; и он написал, “что малейший намек на любое оскорбление подобного рода, будь то нанесенное в сравнительном уединении лекционного зала или публично с молчаливого разрешения руководства Колледжа (лорда Броэма), фактически лишит его возможности когда-либо обращаться к своим ученикам с удовлетворением для себя или с пользой для них”. Через три дня после этого, отказавшись от предложенной ему новой должности, он подал в отставку с той, ради которой покинул Эдинбург. К счастью, его прежняя должность в Эдинбурге еще не была занята, и он с готовностью вернулся в свой знакомый театр и любимый дом, его эксперимент обошелся ему в 2000 фунтов стерлингов. Он был хорошо принят руководителями этой профессии в Лондоне и быстро набирался практики. Его собственный краткий комментарий по поводу переезда из Эдинбурга в Лондон сводился к тому, что честолюбие заставило его пожертвовать счастьем и что в Университетском колледже он обнаружил такой дух безразличия, что не допускал никакой разумной перспективы на комфорт.

В последующие годы появилось множество свидетельств о почестях, оказанных профессору Сайму, и выдающихся успехах в операционной деятельности. В 1848-9 годах он был избран президентом Медико-хирургического общества Эдинбурга и значительно повысил характер его деятельности; в 1850-1850 годах он был президентом Эдинбургского колледжа хирургов. В течение многих лет мало какие номера Ежемесячного медицинского журнала выходили без его важной лекции, клинического случая или наблюдения. Одной из его самых поразительных операций было удаление всей кости верхней челюсти путем выполнения одного разреза на щеке, причем с совершенным успехом; рана зажила без единой царапины, и впоследствии было трудно проследить линию разреза. Артикуляция пациента оставалась совершенно отчетливой. Две из его самых сложных операций в 1857 году были связаны с перевязкой артерий для лечения аневризм — одной сонной, другой подвздошной артерий. Ужасающие риски и превосходная процедура, с помощью которой они были успешно преодолены, еще больше укрепили великую репутацию мистера Сайма. В 1856-1857 годах вышло четвертое издание его “Принципов хирургии”. Его лаконичный стиль и ясное изложение сделали его очень любимым среди практических хирургов. Поразительной чертой в нем является постоянная ссылка на фундаментальные принципы. В тот период о нем говорили: “Мистер Сайм никогда не виноват. Может произойти что-то непредвиденное, но значение этого сразу же становится понятным и непредвиденные обстоятельства предусмотрены”.

На Большой выставке 1862 года Сайм был выбран председателем жюри по хирургическим инструментам. В 1863 году он еще раз посетил Дублин и изложил свои принципы ведущим хирургам, будучи принят там как человек с европейской репутацией. Его операции по удалению подмышечных и каротидных аневризм, а также смелое удаление всей лопатки по поводу опухоли, безопасное и без большой потери крови, постоянно приумножали его славу. В

1864 году он опубликовал свою работу об иссечении лопатки и доказал, что рана может заживать быстро и прочно, а рука оставаться сильной и полезной. Грандиозная операция по облегчению тяжелой болезни путем удаления значительной части языка в ноябре 1864 года прошла с поразительным успехом. Это был последний случай, который Сайм успел опубликовать. В августе 1865 года он выступил с речью по хирургии на собрании Британской медицинской ассоциации в Лимингтоне. В ней он дал наглядный отчет о современных достижениях в хирургии, в которых он сам внес большой вклад, и сравнил это с положением вещей в начале своей профессиональной карьеры. Это был самый ценный обзор истории хирургии за последнее столетие. Сайм был первым представителем в Медицинском совете университетов Эдинбурга и Абердина и, возможно, был бы его президентом, если бы не его болезнь и смерть. Его последним великим спором было то, что в Эдинбурге было известно как “Битва за места”. Требовалась новая больница, и сначала, в 1866 году, Сайм решительно выступал за строительство нового здания на старом месте. Но дальнейший опыт лечения рожистого воспаления и пиемии в старой больнице убедил его в необходимости строительства совершенно нового здания, в котором отсутствовали бы старые недостатки. Впоследствии он изменил свою точку зрения и решительно выступал за новый план, который в конечном итоге был принят в 1869 году. Но он не дожил до начала новой работы.

В личной жизни Сайм был добродушен и счастлив, отбросив все профессиональные заботы, ссоры и тревоги в домашнем кругу. Его ненавязчивая религиозность была существенной чертой его характера. Он был предан истине и серьезно отстаивал ее, и отсюда проистекали многие из его споров; но он не любил споры как таковые. Его семейная жизнь была очень счастливой, хотя и прерывалась в разное время смертью. Его первая жена умерла в 1846 году: из ее многочисленной семьи до совершеннолетия дожили только две дочери, одна из которых сейчас является женой сэра Джозефа Листера. Его второй женой была сестра архитектора Берна: этот союз был столь же счастливым, как и с первой; но вторая миссис Сайм также умерла раньше него. Ее младшим ребенком был мистер Джеймс Сайм, нынешний владелец Миллбанка. Этот дом и поместье профессор Сайм украсил и усовершенствовал со всем, что только могли изобрести садоводство и превосходный вкус, и оно стало под его властью одним из самых очаровательных курортов близ Эдинбурга. Его общественные собрания с участием восьми, десяти или двенадцати избранных были восхитительны, а его гостеприимство было одновременно обширным и разборчивым.

Приятно отметить, что мистер Сайм приветствовал величайшее хирургическое усовершенствование современности, предложенное профессором Листером, его зятем. В 1868 году он опубликовал ценную статью в Британский медицинский журнал “Об антисептическом методе лечения в хирургии”, которой он в значительной степени способствовал ее прогрессу. Это был его последний год полноценной практики. В апреле 1869 года его разбил паралич, вскоре после этого он подал в отставку с должности профессора и хирурга, но осенью достаточно поправился, чтобы получить свидетельство в Сент-Джеймс-холле в Лондоне (10 ноября 1869 г.) на публичном обеде, на котором лидеры профессии соперничали друг с другом в его честь. Свидетельство приняло форму присуждения стипендии хирурга в Эдинбургском университете в дополнение к установке мраморного бюста в лазарете или университетской библиотеке. Впоследствии в обеих этих ситуациях был установлен бюст. Сайм, наконец, умер после неоднократных приступов паралича 20 июня 1870 года.

Профессор Гудсер хорошо сказал, что немногие люди приходят к своим принципам в таком раннем возрасте, как мистер Сайм. Его лаконичность письма во многом способствовала их распространению, и его практика распространилась повсюду благодаря заверению, что “он никогда не тратил впустую ни слова, ни капли чернил, ни капли крови”. Он также был великолепен в сохранении всех частей тела, которые могли бы пригодиться при любой ловкости и терпении. Примером этого является его возрождение операций по удалению суставов, а не ампутации конечностей. Операция Сайма по ампутации голеностопного сустава всегда будет оставаться в моде как наименее фатальная и наиболее полезная в хирургии.

Профессор Листер таким образом подытожил характер Сайма как хирурга: “Практический хирург, мистер Сайм представлял собой замечательное сочетание качеств; и мы не знали, восхищаться ли нам больше основательностью его патологических знаний, его мастерством в постановке диагноза, напоминающим интуицию, хотя на самом деле это результат острого и точного наблюдения и кропотливого опыта, хорошо накопленного и методизированного; быстротой и обоснованностью его суждений, его изобилием ресурсов как оператора в сочетании с простотой используемых средств, его мастерством и быстротой исполнения, его бесстрашным мужеством или единством цели с другими людьми”. все его действия были направлены на благо его пациентов”.

Хотя его слава была омрачена более выдающимися достижениями Листона и Сайма, Джон Лизарс заслуживает упоминания не только как блестящий оператор, но и как учитель, лектор и автор. Ему повезло со своим инструктором, поскольку он был учеником Джона Белла. После получения квалификации в 1808 году Лизарс стал военно-морским хирургом и хорошо служил на побережье Испании и Португалии во флоте лорда Эксмута. Он уволился из военно-морского флота в 1815 году и поселился в Эдинбурге, присоединившись к Аллану, который читал лекции по хирургии, и сам завел кафедры анатомии и хирургии. Позже, когда это партнерство было расторгнуто, Лизарс продолжил читать лекции, вскоре добавив хирургию в свою программу, и, следовательно, был почти непрерывно занят во время затянувшейся зимней сессии своими ежедневными лекциями по каждому предмету. Его рвение и метод привлекали и удерживали в течение многих лет классы, часто насчитывающие сто пятьдесят человек. Через некоторое время ему пришлось ограничить свою работу, когда Эдинбургский колледж хирургов решил признавать лекции только по одной кафедре от любого конкретного лектора; и он передал свои анатомические лекции своему брату Александру, впоследствии профессору анатомии в Эдинбургском университете, и с тех пор читал лекции только по хирургии. В 1831 году Джон Лизарс был назначен профессором хирургии в Колледже хирургов, должность, которую он занимал в течение восьми лет. Ранее он работал хирургом в лазарете и был значительно старше Листона. Эти двое не были недостойными соперниками в плане блестящего управления. Легкость и хладнокровие ящеров в сложных обстоятельствах были замечательными. Говорят, что он был первым, кто выполнил операцию по удалению нижней челюсти.

Лизарс опубликовал “Систему практической хирургии”; но, пожалуй, наиболее известен своей большой серией цветных фолиантов “Анатомические таблички” с сопутствующим объемом текста (октаво). Гравюры на пластинах были по большей части сделаны им самим по оригинальным вскрытиям. Они составили огромную серию иллюстраций, занявшую 110 листов-фолиантов, и некоторые из них, особенно те, которые посвящены мозгу и нервной системе, едва

ли можно превзойти по художественному совершенству. Это была действительно великолепная работа для своего времени, и она имела очень большие продажи; а что касается большей части содержания, то, поскольку они отражают реальные факты, они не могут быть заменены. После ухода с преподавательской работы Лизарс посвятил себя частной практике, как хирургической, так и общей. Он умер в Эдинбурге 21 мая 1860 года.

СНОСКИ:

[2] Автор обязан этим анекдотом книге доктора Патерсона “Воспоминания о жизни Джеймса Сайма”, в которой приводится ряд случаев, связанных с Листоном, с интересной параллелью между карьерами двух великих хирургов (глава xii, стр. 210-216). Вызывает большое сожаление тот факт, что биография Роберта Листона до сих пор не написана.

ГЛАВА XIII.

БЕЙЛИ, ХЭЛФОРД, ЧЕМБЕРС И ХОЛЛАНД - МОДНЫЕ И ПРИДВОРНЫЕ ВРАЧИ.

Невозможно более разительно подчеркнуть перемены, произошедшие за нынешнее столетие во взглядах и практике медиков, чем процитировав биографические заметки сэра Генри Хэлфорда о Бейли, племяннике Уильяма и Джона Хантеров и брате Джоанны Бейли. Здесь мы видим, как Хэлфорд признает сложившееся мнение против физического обследования пациента. “Он (Бейли), по-видимому, придавал большое значение информации, которую он мог извлечь из внешнего осмотра своего пациента, и эта практика оказала большое влияние на формирование его мнения о характере жалобы. Первоначально он перенял эту привычку из-за особого поворота в своих ранних исследованиях, и, несомненно, такой метод, применяемый не без разбора, а разумно, как он его применял, является ценным вспомогательным средством к другим обычным средствам, используемым врачом для получения знаний о представленной ему болезни. Но столь же верно и то, что, несмотря на кажущуюся механическую точность, на такое исследование не следует полагаться дальше определенного предела. Сильное неупорядоченное действие может преобладать в части, еще не вызвавшей такой дезорганизации, которую можно ощутимо ощутить; и сомневаться в существовании болезни из-за того, что ее нельзя обнаружить на ощупь, не только нефилософски, но и, несомненно, во многих случаях должно приводить к необоснованным и ошибочным выводам. Одним из неизбежных последствий такой системы является частое разочарование в предсказании исхода болезни, что наиболее важно из всех указывает на репутацию врача, и хотя такой способ исследования может оказаться небезуспешным в умелых руках доктора Бейли, следует признать, что это пример опасной тенденции для тех, кто не имел его средств приобретения знаний, не пользовался преимуществами его большого опыта и не научился на предыдущих этапах образования и хорошей дисциплины правильно рассуждать и судить”. Затем Хэлфорд ссылается на быстроту, с которой хороший врач принимает решение о природе болезни; в то время это чаще было предположением, чем процессом рассуждений. Бейли был одним из первых, кто изучил патологию и внедрил в практику физикальное обследование.

Мэтью Бейли родился 27 октября 1761 года в поместье Шоттс, Ланаркшир, его отец был профессором богословия в университете Глазго, а мать, Доротея, была сестрой Уильяма и Джона Хантеров. После двух сессий в Глазго Бейли в 1779 году поступил в Баллиол-колледж в Оксфорде, где в 1789 году получил степень доктора медицины. Проживая во время каникул с Уильямом Хантером, он стал для него почти как сын и много помогал ему в анатомических приготовлениях и руководил его анатомическим кабинетом. После смерти своего дяди в 1783 году он и Крукшенк с большим успехом продолжили лекции. Бейли читал лекции до 1799 года. Один из его учеников сказал о нем, что его стиль, хотя и не был красноречивым, неотразимо привлекал внимание; он казался полным мастером своего предмета, был чрезвычайно ясен, сжат и никогда не затруднялся подобрать подходящее слово. Он всегда был скромнен и ненавязчив. Оставшись единственным наследником своего дяди Уильяма, он сразу же передал Джону Хантеру фамильное поместье Лонг-Калдервуд, на которое, по его мнению, тот имел право.

Основная работа Бейли - патологическая. В 1793 году он опубликовал “Патологическую анатомию некоторых наиболее важных частей человеческого тела”, и хотя патология сейчас сильно отличается от того, что было в его время, и его классификация сейчас бесполезна, его факты, при правильной интерпретации, по-прежнему считаются превосходными. Произведение имело очень большой успех и было переведено на многие европейские языки, помимо того, что при жизни автора выдержало пять английских изданий.

Бейли постепенно приобрел хорошую практику, будучи назначен врачом в больницу Святого Георгия в 1787 году, избран членом Коллегии врачей в 1790 году, цензором в 1791 и 1796 годах и членом Королевского общества в 1789 году. После ухода доктора Питкэрна с практики в 1798 году Бейли преуспел во многом, и его практике еще больше помог брак с дочерью доктора Денмана, чья обширная акушерская практика позволила ему очень часто рекомендовать Бейли. Он уволился с работы в больнице в 1799 году и с тех пор имел, пожалуй, ведущую практику в Лондоне, заработав за несколько лет десять тысяч фунтов. С ним консультировались по поводу болезни Георга III, и в 1810 году его назначили королевским врачом и предложили титул баронета, от которого он отказался. В 1814 году он также был назначен ординарным врачом принцессы Шарлотты и посещал многих членов королевской семьи. Его обращение с коллегами-практиками было таким же приятным, как и его поведение с пациентами. Обоим он тщательно объяснял, насколько это было возможно, свои взгляды на природу случая и необходимое лечение, и ему чрезвычайно удавалось успокоить опасения своих пациентов. Его скромность была очевидна. Он говорил своим друзьям: “Возможно, я знаю лучше, чем кто-либо другой, благодаря моим знаниям анатомии, как обнаружить болезнь, но когда я это сделал, я не знаю лучше, как ее вылечить”. Из этого никто не удивляется, узнав, что он не был изобретателем в средствах, но если простейшие средства не помогали, он часто терялся в догадках, что делать дальше, и не был склонен менять свои рецепты.

Бейли был не лишен раздражительности, в чем мы видим некоторое сходство с Джоном Хантером; но в глубине души у него было самое доброе сердце. Он часто говорил после вспышки болезни: “Я грубо разговаривал с этим беднягой; я должен пойти и навестить его, пусть и очень поздно”; “у этого пациента здоровье лучше, чем у меня самого, но я был слишком строг с ним, я должен загладить свою вину”. Было много примеров его большой и деликатной щедрости по отношению к своим пациентам. Переутомление, вплоть до того, что он посвящал практике шестнадцать часов в день, ослабило его организм, и в возрасте до шестидесяти лет он

был вынужден в значительной степени отойти от практики. Он умер в своем поместье Дантисборн-хаус, недалеко от Сайренчестера, 23 сентября 1823 года, оставив состояние в 80 000 фунтов стерлингов. Он завещал значительную сумму Колледжу врачей вместе со своими рукописями и другими интересными диковинками, такими как трость с золотым набалдашником, которой пользовались Рэдклифф, Мид и другие, чьи гербы выгравированы на ней. Он был похоронен в церкви Дантисборн, но его друзья-профессионалы почтили его память прекрасным бюстом работы Чантри в Вестминстерском аббатстве. Его превосходные качества и сильные религиозные принципы были хорошо изложены сэром Генри Хэлфордом в обращении к Коллегии врачей.

Сэр Генри Хэлфорд долгое время был современником Бейли, но пережил его более чем на двадцать лет. Он был вторым сыном доктора Джеймса Воана, успешного врача в Лестере, чей третий сын стал судьей Суда общей юрисдикции; четвертый сын был деканом Честерского университета и старостой Мертон-колледжа в Оксфорде; пятый - чрезвычайный посланник в Соединенных Штатах; а шестой был отцом дина Воана, хорошо известного Мастера Храма. Старший сын умер на двадцать третьем году жизни. Отличия, которых достигли сыновья Воана, показывают, что его суждения превосходно применялись в их образовании. Фактически, он тратил весь свой профессиональный доход на то, чтобы обеспечить их самыми лучшими учебными пособиями. Генри, как и остальных, отправили из Регби в Оксфорд (младший поступил только в Кембридж); и, восхваляя отношение к ним своего отца, он отмечает, что ни один из них не просил и не получал от него дальнейшей денежной помощи после того, как он закончил свое образование и начал самостоятельно обеспечивать себя.

Генри Вон родился 2 октября 1766 года. Поступив в Крайстчерч, Оксфорд, он получил степень бакалавра в 1788 году, степень доктора медицины - в 1791 году. Несколько месяцев он изучал медицину в Эдинбурге, а также некоторое время практиковал со своим отцом в Лестере. Примерно в 1792 году он приехал в Лондон и, получив хорошую вакансию через своих оксфордских друзей, набрался смелости занять 1000 фунтов стерлингов под собственное обеспечение, чтобы закрепиться на лондонской практике. Здесь его хорошие манеры и очевидная образованность сослужили ему хорошую службу, и в 1793 году он был избран врачом больницы Миддлсекса, а в 1794 году стал членом Коллегии врачей. В марте 1795 года он еще больше продвинулся по службе, женившись на третьей дочери лорда Сент-Джона, и быстро приобрел известность. Однако, при всех его талантах, то, что Воана назначили экстраординарным врачом при короле в 1793 году, в возрасте двадцати семи лет, выглядит как каприз фортуны; и что его практика должна была настолько увеличиться, что в 1800 году он был вынужден отказаться от назначения в больницу. Но фортуна уготовила ему еще больше благосклонностей. Он унаследовал большое состояние после смерти леди Денби, вдовы двоюродного брата его матери, сэра Чарльза Хэлфорда; и, следовательно, в 1809 году Актом парламента он сменил свою фамилию с Воана на Хэлфорд. Георг III. в том же году пожаловал ему титул баронета.

Король действительно отдавал большое предпочтение сэру Генри Хэлфорду, каким он теперь стал. Он заручился обещанием сэра Генри перед началом его последнего длительного помешательства, что тот не оставит его и что в случае необходимости он вызовет также доктора Хебердена и доктора Бейли. Перечислять количество королевских особ, у которых сэр Генри

был врачом, было бы утомительно; достаточно упомянуть, что он лечил, помимо Георга III, Георга IV, Вильгельма IV и королеву Викторию, будучи, таким образом, врачом четырех английских государей.

Нет сомнений, что Хэлфорд обладал талантами высокого порядка. Говорят, что он уступал Бейли в точности постановки диагноза, но превосходил его в излечении и облегчении течения болезни. Он обладал быстрым восприятием, здравым смыслом и большими знаниями о действии лекарств. В течение многих лет после болезни и смерти Бейли он бесспорно возглавлял лондонскую практику. В Колледже врачей его правление продолжалось бесконтрольно, если не сказать бесспорно, более двадцати лет, поскольку он был президентом с 1820 года до своей смерти 9 марта 1844 года. Он сыграл важную роль в обеспечении переноса колледжа с Уорик-Лейн в сити в нынешнее просторное здание на Пэлл-Мэлл-Ист. Его бюст работы Шантри был подарен колледжу несколькими стипендиатами. Его портрет кисти сэра Томаса Лоуренса находится в Уистоу, Лестершир, где он был похоронен в приходской церкви.

Ранний успех Хэлфорда не способствовал ни проведению им оригинальных исследований, ни публикации многого важного. Его основные публикации сначала были представлены в виде обращений к собраниям Коллегии врачей. В них он проявил мастерство и приятное литературное искусство. Он писал о климактерической болезни, о необходимости осторожности при оценке симптомов на последних стадиях некоторых заболеваний, о тике Дуло, о шекспировском испытании на безумие ("Гамлет", акт iii. Sc. 4), о влиянии некоторых болезней Тела на Разум, о подагре, о Долгой флегмоне, о лечении безумия и о смерти некоторых выдающихся личностей Древности — и, опять же, о смерти некоторых выдающихся личностей современности. Возможно, следует сожалеть, что человек с такими достижениями оставил после себя так мало; но он был полезен своему времени и поколению; а что касается знаний, которых он достиг, это послужило ему лишь для того, чтобы прикрепить к медицине термин "предположительный", говоря о доверии, которое внушал Бейли. По крайней мере, он, казалось, не скрывал от самого себя, как мало медицина его времени могла претендовать на полную информированность.

Уильям Фредрик Чемберс, сын государственного служащего Ост-Индии, чья семья принадлежала к Нортумберленду, родился в Индии в 1786 году. Привезенный в Англию в 1793 году из-за смерти своего отца, он получил образование в Бате, Вестминстер, и Тринити-колледже в Кембридже, где получил степень бакалавра в 1808 году. Он надеялся на стипендию, намереваясь принимать заказы; но, разочаровавшись, он обратился к медицине и поступил в школу на Грейт-Уиндмилл-стрит, впоследствии провел год в Эдинбурге и вернулся учиться в больницу Святого Георгия, глазной лазарет в Мурфилдсе и в знаменитую аптеку Бейтмана. Его усердие, как в изучении практической медицины, так и в вскрытии, привлекло внимание врачей больницы Святого Георгия, и после отставки доктора Пелхэма Уоррена, в то время одного из руководителей лондонской практики, он был выдвинут вперед и избран врачом больницы в 1816 году, когда ему было всего тридцать лет. Его связи в Ост-Индии обеспечили ему в 1819 году должность врача-экзаменатора в Ост-Индской компании, после того как он некоторое время был помощником врача. Несмотря на его раннюю известность, его профессиональный доход рос, но медленно, показывая, что ни способности, ни покровительство не принесут большой пользы в конкуренции с признанными фаворитами. Только в 1825 году практика Чемберса

достигла 2000 фунтов стерлингов; и его превосходство не было отмечено до смерти доктора Матона в 1835 году и преклонного возраста сэра Генри Хэлфорда (который умер в 1844 году), что оставило его бесспорным владельцем ведущей лондонской практики. Примерно с 1836 по 1851 год он получал гонорары от семи до девяти тысяч гиней в год. В 1836 году с ним консультировалась королева Аделаида, а в 1837 году он был назначен ординарным врачом Вильгельма IV, склонявшегося к рыцарскому званию, хотя и ставшего командором Гвельфийского ордена. Он продолжал работать обычным врачом королевы Виктории, и его успешная карьера не прерывалась, если не считать довольно частых недомоганий. Примерно в 1851 году из-за ухудшения состояния здоровья он оставил практику и поселился недалеко от Лимингтона, где и умер 17 декабря 1855 года.

Чемберс не добился своего успеха ни писательством, ни преподаванием, ни открытиями. В дополнение к высокой властной фигуре и самым приятным, но прямолинейным манерам, он обладал поразительной решительностью и разрабатывал смелые и успешные планы лечения острых заболеваний. Он был хорошо знаком с достижениями других и рано отличился тем, что взял на вооружение стетоскоп. Как и многие выдающиеся люди, в глубине души он был чрезвычайно застенчив и остро ощущал ответственность, которую брал на себя. Он постоянно боялся сделать что-нибудь не так или совершить ошибку. Таким образом, он, несомненно, был самым добросовестным врачом, и следует опасаться, что он причинил себе много страданий из-за кропотливой системы, которую он принял. Как в больнице, так и в частной практике он лично записывал подробности каждого наблюдаемого им случая вместе со всеми своими рецептами — поразительный пример кропотливых усилий. Таким образом, в его частной практике было подготовлено шестьдесят семь томов заметок размером в quarto, которые каждый день полностью переписывались и тщательно индексировались, так что он мог с предельной легкостью обратиться к любому делу, с которым когда-либо сталкивался. Более того, в очень многих случаях он делал наброски карт пораженных органов параллельно с описанием. Он был так упорен в этом добросовестном труде, что часто продолжал его далеко за полночь и даже до рассвета, снова возобновляя работу к девяти часам. Плохое самочувствие было неизбежным следствием, но его надежность, несомненно, сказывалась на практике. Он едва ли мог рассчитывать на один регулярный прием пищи в день, настолько велик был спрос на его услуги. Он буквально мчался по улицам со скоростью десяти миль в час. После серьезной болезни в 1834 году, когда он впитал ядовитое вещество от пациента, умершего от плеврита, его правая рука была деформирована в результате абсцессов; и поэтому вульгарно сообщалось, что его пальцы искривились из-за постоянной привычки принимать сборы. Об уважении, которое он завоевал у других, может свидетельствовать тот факт, что сэр Бенджамин Броуди в течение нескольких недель ежедневно навещал его во время его болезни в Танбридж-Уэллсе, когда это повлекло за собой гораздо большую потерю времени, чем сейчас. Его щедрость была хорошо известна, и это, учитывая его частые болезни, не привело к накоплению им большого состояния.

Что касается сэра Генри Холланда, то мы с сожалением признаем, насколько сравнительно незначительны его притязания на место в галерее великих медиков. Он был совершеннее большинства людей, но каждый вынужден спросить, чего он достиг, используя свои огромные возможности? Кого он учил? чему он научил? что он открыл? Его путешествия охватывали почти весь земной шар, за исключением Австралии. Более полувека он был близок со многими

известными мужчинами и женщинами на обоих континентах. Он хорошо знал президентов и государственных деятелей Соединенных Штатов; выписан для шести премьер-министров Англии, а также для ее суверенов и принцев. Но даже в том, что касается важной информации, которую он мог бы по праву сообщить о них, он был поразительно сдержан в своих “Воспоминаниях о прошлой жизни”.

Генри Холланд, сын Питера Холланда, весьма уважаемого практикующего врача, родился в Натсфорде в графстве Чешир 27 октября 1788 года. Его бабушка по материнской линии была сестрой Джосайи Веджвуда, выдающегося гончара, и дедушкой Чарльза Дарвина. Холланд также приходился двоюродным братом миссис Гаскелл, автору романа “Мэри Бартон” и биографу Шарлотты Бронте. Он получил первое образование в Ньюкасле-на-Тайне под руководством преподобного У. Тернера и рано проявил свою склонность к путешествиям, совершая длительные пешие экскурсии по окрестностям. В 1803 году он отправился на год в школу доктора Эстлина недалеко от Бристоля, где сразу же занял должность старосты, оставленную вакантной Джоном Кэмом Хобхаусом, впоследствии лордом Бртоном, и где он также начал свою долгую дружбу с Ричардом Брайтом, который уже упоминался в этой работе. Здесь развились его классические и литературные вкусы, которым еще больше способствовали каникулы, проведенные у доктора Эйкина в Сток-Ньюингтоне и в обществе его сестры миссис Барбо и дочери Люси Эйкин. Тем не менее, молодой Холланд тяготел к коммерческой жизни и поступил в контору ливерпульского коммерсанта с условием, что он проведет две сессии в Университете Глазго. Это спасло его от того, чтобы быть прикованным к письменному столу торговца, ибо после своего второго сеанса, 1805-1806 гг., он добился освобождения и занялся медициной. В Глазго он сблизился с Уильямом Гамильтоном (впоследствии сэром Уильямом), беседы с которым, несомненно, оказали значительное влияние на его умственное развитие. Литературный талант Холланда уже начал проявляться, поскольку в возрасте восемнадцати лет он был выбран для составления статистического отчета о сельском хозяйстве Чешира для правительства и получил за это 200 фунтов стерлингов, что вдвое больше предложенной суммы.

В октябре 1806 года Холланд поступил в Эдинбургскую медицинскую школу; но он не ограничился исключительно одной школой, поскольку провел две последующие зимы в городских школах Лондона, Guy's и St. Thomas's, а также в частных кабинетах. Вернувшись в Эдинбург, он получил ученую степень в 1811 году. Путешествия уже сделали его способным к путешествиям; в 1810 году он отправился в Исландию с сэром Джорджем Маккензи и Ричардом Брайтом и внес значительный вклад в повествование об экспедиции. Холланд рано стал ассоциироваться с секцией вигов эдинбургского общества, но он видел большую часть ее общих аспектов и был знаком с Вальтером Скоттом, Дугалдом Стюартом, Фрэнсисом Джеффри, Генри Эрскином и многими другими известными людьми. Он уже познакомился с Марией Эджворт во время визита в Ирландию; и ее письма к нему сами по себе заняли бы целый том. Везде встречали яркую, приятную, интеллигентную молодежь. Поскольку он еще не мог быть принят в Колледж врачей из-за нехватки лет, он предпринял обширные путешествия по Континенту, посещая малоизвестные регионы, и опубликовал свои “Путешествия по Португалии, Сицилии, Ионическим островам и Греции” в 1815 году, работа, которая еще больше укрепила его репутацию в моде. Миссис Пьюцци, писавшая из Бата в 1815 году, пишет: “У нас здесь был прекрасный доктор Холланд. Он видел Ионические острова и написал об этом, и теперь намеревается практиковать как врач — променять Киклады, как говорят у нас острововы, на больных дам. Мы сделали из этого человека настоящего льва. Меня приглашали

в каждый дом, который он посетил за последние три дня. Так что я встал в очередь льва, отчаявшись в *le curur*.

Во время своих путешествий Холланд провел много времени в военных госпиталях Португалии и приобрел ценный опыт. В Турции он вступил в контакт с Али-пашой, через которого у него отобрали большую часть его документов, касающихся Албании, что было для того времени унижительной потерей. После возвращения домой у него быстро завязались дружеские отношения с лордами Лэнсдауном, Абердином и Холландом, которые продолжались непрерывно, за исключением смерти, и, конечно, привели к его близости со многими другими известными людьми, черты характера которых описаны в “Воспоминаниях”. Мы не можем здесь проследить за событиями блестящей общественной жизни, в которую Генри Холланд включился с таким энтузиазмом. Достаточно упомянуть, что он был избран членом Королевского общества в 1816 году и принят в тот же день, что и лорд Байрон, который по этому случаю нанес свой единственный визит. Генри Холланд был почти постоянным гостем в Холланд-Хаусе. Летом 1814 года он стал домашним врачом принцессы (впоследствии королевы) Кэролайн, чтобы сопровождать ее в течение первого года ее путешествия по Континенту. Эта ситуация приобрела чрезвычайную деликатность, и ее важность была очень очевидна на суде над ней много лет спустя, где показания доктора Холланда, заявившего, что он никогда не видел ничего неподобающего или уничижительного в ее поведении по отношению к Бергами или любому другому лицу, оказались чрезвычайно весомыми в ее пользу.

Человек с такими связями не мог не набраться практики почти столько, сколько ему хотелось. Его визиты в Спа в течение четырех лет подряд, после лондонского сезона, укрепили его профессиональные перспективы, и практика за четвертый год принесла ему более 1200 фунтов стерлингов. Через несколько лет он смог решить, что его профессиональный доход никогда не должен превышать 5000 фунтов стерлингов и что все свое свободное время он будет посвящать учебе, отдыху или путешествиям. Оказавшись в таком счастливом положении, Генри Холланд стал другом каждого известного человека, покровителем науки в Королевском институте, президентом которого он долгое время был, но не врачом больницы, преподавателем клинической практики, оригинальным писателем, сторонником медицинской реформы или завсегдатаем медицинских обществ. Он обедал вне дома и никогда не упрекал своих пациентов за те отклонения от физиологической осмотрительности, которые наблюдал за столом. “Частые получасовые дружеские беседы” были тем, чем он одаривал своих пациентов и что больше всего был способен одарить. Возможно, таким образом он утешал их в дни скуки или ипохондрии, а также других людей, которые, возможно, стремились искоренить свои привычки или придать тон своему сознанию с более безжалостной энергией. “Когда леди Пальмерстон страдала от болезни, которая вызвала некоторую тревогу у ее друзей, - писала “Таймс” в некрологе о Холланде, - один из них, встретив покойного доктора Фергюссона, с тревогой спросил, как она себя чувствует. “Я не могу дать вам лучшего представления о ее выздоровлении, - был ответ, - чем сообщить вам, что я только что получил свой последний гонорар и что теперь она полностью предоставлена Голландии”. Когда это было повторено лорду Пальмерстону, его светлость немного поразмыслил, а затем сказал: “Ах! Я понимаю, что он имеет в виду. Когда вы доверяете себя Холланду, у вас должен быть избыточный запас здоровья, над которым он мог бы работать”. У самого Холланда был этот избыточный запас здоровья. Когда ему перевалило за восемьдесят, он пишет: “Частым источником моего веселья

является моя неспособность ходить медленно; и своего рода принуждение, которое я даже сейчас испытываю, проходить мимо тех, кто находится непосредственно передо мной на улице, и идти по диагонали вместо двух сторон квадрата, всякий раз, когда это является альтернативой. Когда я перестану ходить по диагонали (часто грязной) вместо боковых тротуаров, я буду считать, что сделал шаг вниз на жизненном пути”. Почти все свои экскурсии он совершал в одиночку; но он, очевидно, редко выходил за пределы досягаемости общего общества, насколько это позволяло соседство. Он не был отшельником, но, по-видимому, не был человеком с несколькими теплыми и крепкими личными дружескими отношениями. Если он и был, мы не находим никаких записей об этом. Судя по его крайней сдержанности в отношении своих современников-врачей, мы должны судить, что в глубине души он не ценил их так, как они того заслуживали.

Чтобы кратко назвать несколько наиболее заметных дат в жизни Холланда, в 1822 году он женился сначала на мисс Колдуэлл, которая умерла в 1830 году, оставив двух сыновей, нынешнего сэра Генри Холланда и преподобного Ф. Дж. Холланда; и, во-вторых, в 1834 году на Саббе, дочери Сиднея Смита. Он был назначен экстраординарным врачом королевы в 1837 году; Ординарным врачом принца-консорта в 1840 году; был предложен, но отклонен, титулом баронета лордом Мельбурном в 1841 году; был назначен ординарным врачом королевы в 1852 году и принял титул баронета в 1853 году. В более поздние годы он полностью отошел от практики, но продолжал активно участвовать в жизни общества и настойчиво путешествовать. В своем последнем путешествии в Россию его сопровождал его сын, преподобный Ф. Дж. Холланд; на обратном пути он присутствовал на суде над маршалом Базеном в Версале 24 октября 1873 года, обедал в тот же день в британском посольстве, вернулся в Лондон на следующий день, не выходил из дома в воскресенье 26-го и тихо скончался в постели 27-го, в 85-ю годовщину своего рождения.

До этого необыкновенного возраста дожил человек, которого видели во всех климатических условиях, за Полярным кругом или в Тропиках, в Прериях или у Пирамид, в том же черном фраке, в котором он почти бегал от дома к дому. Сидни Смит сказал о нем, что он начинал два месяца подряд с коробочкой таблеток в одном кармане и чистой рубашкой в другом, иногда забывая о рубашке. Пусть сэр Генри сам расскажет о своем удовольствии. “Я почти без перерыва проследовал по Дунаю от его предполагаемых истоков в Донау-Эшингене до Черного моря — Рейна, ставшего теперь таким привычным для обычных путешественников, от зарождающегося ручья в Альпах. Я непрерывно преследовал "Святого Лаврентия" на протяжении почти двух тысяч миль по его озерному и речному руслу. Недавно я проплыл по водам Верхнего течения Миссисипи на несколько сотен миль ниже водопада Святого Антония. Вдоль рек Огайо, Саскуэханна, Потомак и Коннектикут я прошел долгий путь до их истоков; и Оттава, величественная своими водопадами, озерами, лесами и горными ущельями, простирается на триста миль выше Монреаля. Мне также доставляло удовольствие прикасаться к какому-нибудь отдельному месту реки и наблюдать за течением вод, которые берутся из неизвестных источников или находят свое исток в каком-нибудь отдаленном океане. Я чувствовал это на Ниле во время его наивысшего разлива, при переправе через Волгу, когда она едва ли шире Темзы у Оксфорда, и еще сильнее, когда находился вблизи истоков рек, питающих Евфрат, к югу от Трапезунда”. В общей сложности, по подсчетам сэра Генри, он провел двенадцать лет своей жизни в заграничных путешествиях.

Литературная работа была для Холланда любимым занятием, и как в "Quarterly", так и в "Edinburgh Reviews" он с удовольствием демонстрировал свою обширную начитанность и свои просвещенные, но очень нереволюционные взгляды. Его наиболее интересные обзоры были опубликованы как "Научные очерки" и "Главы по психической физиологии", в то время как его "Медицинские заметки и размышления" составляют почти весь его практический вклад в медицинскую науку. Интересные "Фрагментарные статьи" были опубликованы посмертно. В "Медицинских записках" некоторые актуальные вопросы философски обсуждались в самом приятном стиле, а некоторые вопросы практики трактовались с некоторой оригинальностью, если не со смелостью. Особенно ценными можно назвать две главы, а именно, "О злоупотреблении слабительными лекарствами" и "О кровотечениях при поражениях мозга". Многие из его глав по психической физиологии демонстрируют широкую наблюдательность и доброжелательное понимание взаимоотношений разума и тела. Но, в конце концов, именно благодаря его "Воспоминаниям о прошлой жизни" Холланд будет наиболее известен, его зарисовки выдающихся личностей, политиков, остроумцев, ученых и литераторов отличаются очаровательной живостью и правдивостью, заставляя каждого сожалеть о том, что автор наложил на себя так много ограничений, в то время как он мог бы легко предоставить гораздо больше материала для истории.

Холланд был среднего роста, худощавый на вид, но очень подвижный; лицо его не свидетельствовало о высшей умственной силе.

ГЛАВА XIV.

СЭР УИЛЬЯМ ФЕРГЮССОН И КОНСЕРВАТИВНАЯ ХИРУРГИЯ.

Ассоциация слова "консервативный" с оперативной операцией, столь прочно отождествляемая в массовом сознании с удалением частей тела, нуждается в некотором объяснении для непрофессионального читателя. В прежние времена считалось, что воспаление с обнажением кости требует ампутации; а больные суставы, особенно локтевые, коленные и голеностопные, с изъязвлением хрящей, как правило, считались неизлечимыми, за исключением удаления конечности. Как сказал Фергюссон, способы хирургического вмешательства совершенствуются; по мнению некоторых, они являются священными. Человек, который выходит за рамки дозволенного, считается опрометчивым и привлекается к ответственности. Насколько это было так, можно судить по тому, как восприняли консервативную хирургию, которая стремилась покончить со многими радикальными процедурами прошлого.

Термин "консервативная хирургия", впервые использованный сэром У. Фергюссоном в 1852 году, означал операции по сохранению какой-либо части тела, которая в противном случае была бы неоправданно принесена в жертву. Была проведена меньшая и более ограниченная операция по удалению просто неизлечимо дезорганизованной части тела, такой как больной сустав, а не всей конечности. Таким образом, Фергюссон сказал: "Может быть достигнут компромисс, при котором первоначальная конституция и каркас, созданные рукой Создателя, могут быть сохранены, насколько это возможно, в их нормальном состоянии целостности". "Никто не может лучше меня оценить хорошо проведенную ампутацию, но я, безусловно, более высоко ценю операцию, которая устраняет необходимость в этом увечье".

Таким образом, два великих хирурга свидетельствуют о Фергюссоне: “Усовершенствования, которые он внес в литотерапию и в лечение расщелины неба, можно считать почти типичными, - говорит сэр Спенсер Уэллс, [3], - для школы современной консервативной хирургии, и они еще долго будут признаваться триумфами британской хирургии в правление Виктории”. Он был, по словам сэра Джеймса Пейджета, “величайшим мастером своего дела, величайшим практическим хирургом нашего времени”.

Уильям Фергюссон родился 20 марта 1808 года в Престонпансе, Восточный Лотиан, и получил образование сначала в Лохмабене в Дамфришире, а затем в Средней школе Эдинбурга. В пятнадцать лет он по собственному желанию поступил в адвокатскую контору, но вскоре обнаружил, что юриспруденция ему не подходит, и в семнадцать лет сменил юриспруденцию на медицину, профессию, которую хотел, чтобы он выбрал его отец. Его рано привлекло учение Роберта Нокса, знаменитого анатома, который быстро разглядел, из какого материала сделан его ученик. Фергюссон часто проводил в анатомическом кабинете от двенадцати до шестнадцати часов в день. Одно из его рассечений лицевых нервов, хранящееся в музее Эдинбургского колледжа хирургов, остается замечательным примером манипулятивного мастерства и ловкости, и подставка, на которой оно установлено, также является образцом его работы. В двадцать лет Нокс сделал его демонстратором в своем классе, который тогда насчитывал четыреста человек. Ранее он ассистировал Джону Тернеру, профессору хирургии в Колледже хирургов. В раннем возрасте двадцати одного года Фергюссон после экзамена стал членом Колледжа хирургов. Затем Нокс повысил его до участия в своих лекциях по общей анатомии, и молодой лектор также провел демонстрации по хирургической анатомии, которые оказались весьма ценными. Вскоре он начал проявлять свое мастерство в оперативной хирургии, и в 1831 году он был избран хирургом Эдинбургского королевского диспансера и продемонстрировал свою смелость, выполнив важную операцию по перевязке подключичной артерии, которая до сих пор проводилась в Шотландии всего дважды. В 1833 году он женился на мисс Ранкен, наследнице поместья Спиттлхоф в Пиблшире. Этот брак, хотя и избавил его от финансовых трудностей, никак не повлиял на снижение его трудолюбия. В 1839 году он стал хирургом Королевского лазарета и членом Королевского общества Эдинбурга и уже делил с Саймом высочайшую хирургическую практику. На самом деле в Эдинбурге едва ли хватило бы места для двух таких людей. Листон перебрался в Лондон. В 1840 году Фергюссон последовал его примеру, приняв приглашение в Королевский колледж, который в настоящее время открывал свою больницу. На прощальной презентации Лизарс сказал, что он не видел, чтобы кто-либо, даже сам Листон, превзошел Фергюссона в самых сложных и ответственных операциях. Человек, о котором это можно было сказать в возрасте тридцати двух лет, имел все шансы на успех в Лондоне, даже несмотря на то, что он приехал туда почти без поддержки личных друзей. Профессор Партридж, его старый друг, тепло представил его, и он обосновался на Довер-стрит, Пикадилли, но обнаружил, что его годовая частная практика не превышала 100 фунтов стерлингов. И все же нельзя отрицать, что Фергюссон приехал в Лондон в удачный период. В течение нескольких лет смерть или выход на пенсию вывели из практики многих наиболее способных операторов, таких как Листон, Астон Ки и Этли Купер. Таким образом, его успех был действительно стремительным, поскольку третий год обучения принес ему 1000 фунтов стерлингов, и в 1847 году он переехал в большой дом на Джордж-стрит, Ганновер-сквер. Его стиль работы вскоре привлек всеобщее внимание как среди студентов, так и среди

практикующих врачей, и операционная Королевского колледжа стала пристанищем для всех студентов-медиков и практикующих врачей, которые могли втиснуться в нее.

Как оператор Фергюссон был необычайно искусен, и, по-видимому, у него была природная ловкость в манипуляциях, которую он усердно культивировал. Подобно сэру Чарльзу Беллу и другим выдающимся хирургам, он был великолепным ловцом рыбы на муху; и его манипуляции сослужили ему хорошую службу в приобретении мастерства игры на самом сложном из инструментов - скрипке. Плотницкое дело и обработка металла давались ему легко и давали большую готовность к импровизации шин или других приспособлений, необходимых для особых обстоятельств его пациентов. Тем не менее, обладая такой силой и ловкостью, он не хотел демонстрировать это при всех возможных случаях, а скорее выделялся своим частым воздержанием от оперативного вмешательства, считая большей славой спасение конечности, чем ее отсечение, и прилагая бесконечные усилия для сохранения части, когда ампутация была бы намного проще.

Хотя соперничество между Фергюссоном и Саймом часто приводило к открытым разногласиям, все же ни один человек не признавал большие заслуги Сайма более свободно, полно и неоднократно, чем Фергюссон. Таким образом, он всегда приписывал Сайму главную заслугу в возрождении "консервативной" операции по удалению локтевого сустава. Первоначально предложенная Паком и впервые выполненная Моро, она привлекла серьезное внимание только после того, как за операцию взялся Сайм. Фергюссон последовал за ним и развил те же принципы до тех пор, пока не осталось почти ни одной части, которую можно было бы сохранить, к которой он не приложил бы руки с этой целью. Чтобы взять пример из частей небольшого размера. У джентльмена с активными привычками, управляющего крупным заведением, для которого владение пером имело огромное значение, был сильный порез на кончике большого пальца правой руки. Абсцесс был вскрыт своевременно, и кость была обнаружена обнаженной. Требовалась ампутация, но пациент воспротивился, и после консультации с Фергюссоном ему посоветовали подождать, а затем, через несколько недель после этого, омертвевшая часть кости была удалена через первоначальное отверстие для абсцесса. Вскоре большой палец, по-видимому, целый, стал таким же полезным, как и прежде. "Мнения могут быть разными, - говорит Фергюссон, - но я, со своей стороны, считаю великим делом, когда благодаря предвидению можно спасти даже кончик большого пальца".

К смелости и быстроте Листона Фергюссон добавил большую осторожность и самоконтроль. В литотомии оба были одинаково выдающимися и достигли своей цели с помощью простейших инструментов. Анекдот, опубликованный в "Медикал Таймс энд газетт" (17 февраля 1877 г.), иллюстрирует это. Некоторые практикующие врачи обсуждали относительные достоинства некоторых ведущих хирургов больницы и затронули тему литотомии. "Я видел, как мистер ... сегодня сделал литотомию за полминуты". "О, " ответил Б., - я видел, как... однажды извлек камень за двадцать секунд". "Вы когда-нибудь видели, как Фергюссон выполняет литотомию?" - "Нет". "Ну тогда идите; и смотрите внимательно, потому что, если вы только моргнете, вы вообще пропустите операцию".

В 1845 году Фергюссон возродил план удаления головки бедренной кости при неизлечимом заболевании тазобедренного сустава, и эта операция зарекомендовала себя как ценная, несмотря на яростное сопротивление Сайма. В 1847 году мистер Фергюссон вырезал всю лопатку, где в противном случае была бы пожертвована вся рука. В 1850 году его внимание было

сосредоточено на заболеваниях коленного сустава, и вскоре он удалил сустав из-за тяжелого заболевания. Хотя результат был неблагоприятным, Фергюссон, не растерявшись, успешно повторил операцию, и, несмотря на резкую критику и противодействие, продолжавшуюся по меньшей мере пятнадцать лет, она прочно вошла в историю. Сила чувств, вызванных этим вопросом, была настолько велика, что однажды, когда Фергюссон собирался удалить коленный сустав в больнице Королевского колледжа, хирург, некогда его коллега, публично протестовал против проведения операции. Более ранние пациенты Фергюссона не всегда были хорошо отобраны для операции, и у него было много обескураживающих неудач. Но он упорствовал и совершенствовался в выборе случаев и добился того, что считал величайшим триумфом консервативной хирургии.

Некоторые из величайших триумфов Фергюссона были связаны с заячьей губой и волчьей пастью. Его первая официальная операция в хирургии была проведена по поводу заячьей губы в 1828 году. До 1864 года он прооперировал почти четыреста пациентов, и только три человека умерли. Принятие в 1850 году пружины или стержня для выдавливания уголков губ вперед, изобретенного Джеймом Хейнсби (бывшим санитаром анатомического кабинета в больнице Гая) и отцом ребенка-пациента, имело большое значение для защиты подвижных частей тела детей от нежелательных движений. В отношении волчьей пасти труды Фергюссона имели еще большую ценность, поскольку путем тщательного вскрытия он обнаружил причину, по которой краям раны так часто не удавалось соединиться, и, разделив соответствующие мышцы, в дополнение к другим ценным практическим улучшениям, он позволил многим пациентам получить превосходное неразделенное небо. До 1864 года он прооперировал 134 пациента, из которых 129 были успешными, и только два полностью провалились. Нет необходимости перечислять длинный список успехов, достигнутых Фергюссоном; но нелишне упомянуть, что, когда он находил существующие инструменты непригодными для своей цели, он никогда не успокаивался, пока не изобретал более совершенные. Щипцы для бульдогов, кляп для операций на небе, различные изогнутые ножи и многие другие инструменты и приспособления несут на себе отпечаток его изобретательского мастерства.

При всем его оперативном блеске, это не составляло главной претензии Фергюссона на восхищение, и не было главной причиной его успеха. Больше всего его отличало безупречное планирование операции от начала до конца, вплоть до мельчайших деталей, и готовность к любой возможной чрезвычайной ситуации с точным методом ее решения. Следовательно, он не торопился, не уставал и не колебался, когда начинал. Все было так идеально спланировано, его помощники так хорошо обучены, что не нужно было произносить ни слова, и временами это производило странное впечатление, так что часто замечали, что он, должно быть, в плохих отношениях со своими помощниками. Он не оставил без присмотра ни одной детали и полностью выполнил операцию самостоятельно, даже наложив бинты и пластыри. Его хладнокровие в трудных ситуациях, вероятно, было связано с его предусмотрительностью; он часто мог самым хладнокровным образом прикрывать свои или чужие ошибки, и это ставило его в наилучшее положение для их исправления. Он гордился тем, что никогда не опаздывал. Он ненавидел ненужную трату времени, и однажды, когда друг, намеревавшийся перевязать крупную артерию, обнажил ее с помощью тонкого разреза и с естественным удовольствием показывал это, Фергюссон подвел его к делу, заметив: “Просто обмотайте это ниткой”. Итак, когда крупная артерия была повреждена, и ассистент нетерпеливо пытался остановить кровотечение пальцем, Фергюссон сказал: “Просто убери палец, приятель, и давай посмотрим, что это”, - и удовлетворительно перевязал сосуд.[4] Он также был удивительно аккуратен при

завершении операции и терпеть не мог оставлять после себя никаких следов ни в больнице, ни в частном доме.

В предметах, которые он тщательно изучил и по которым имел практический опыт, Фергюссон был мастером. Это видно из его “Практической хирургии”, вышедшей пятым изданием в 1870 году, и из его лекций о прогрессе анатомии и хирургии, прочитанных в Колледже хирургов в 1864 и 1865 годах. Но как систематический лектор он не добился больших успехов и не был замечен как ночной учитель из-за своей сдержанности. Больше всего он блистал в работе и в своих замечаниях об операциях; увидеть, как он работает, было для студента или практикующего врача уже инструкцией, что такое наблюдать, уроком, полным практической ценности. По некоторым важным вопросам он был недостаточно информирован, и это было доказано, когда он выступил против движения за обеспечение снабжения крупных городов чистой водой и поддержал антививисекционистов некоторыми замечаниями и доказательствами, которые свидетельствовали о значительном невежестве в отношении физиологических открытий и прогресса. Опять же, его отношение к практикующим гомеопатам в свое время в значительной степени подорвало его влияние.

Социальные инстинкты Фергюссона, а также его личные симпатии снискали ему расположение всех слоев общества, и его пациенты как мужского, так и женского пола глубоко ощущали его доброе внимание, в то время как дети просто боготворили его. В его практике всегда было относиться к пациентам больницы с таким же вниманием, как и к пациентам наедине. Мистер Генри Смит описывает глубокое впечатление, произведенное на него, когда он был молодым студентом, его замечательной добротой и нежностью по отношению к маленькому хрому мальчику. Неудивительно, что он внушал своим пациентам величайшее доверие - искусство, которого не хватало многим столь же умным людям. Джентльмен, приехавший в Лондон для удаления огромной опухоли нижней челюсти, обратился к нескольким выдающимся хирургам, но без колебаний выбрал Фергюссона в качестве оператора. “Как только он положил на меня руки, - сказал этот джентльмен, - чтобы осмотреть мою челюсть, я почувствовал, что это тот человек, который должен сделать мне операцию; настолько велик был контраст между его осмотром и осмотром других”. Как говорит мистер Генри Смит, “Фергюссон не только блистал как хирург, но и обладал глубокими знаниями в своем искусстве и с непревзойденным мастерством пользовался всеми его средствами”. Его наблюдательность была замечательной; его память была очень цепкой; его проницательность, здравый смысл, такт и знание людей и того, как с ними обращаться, были признаны всеми; и заметной среди них была та способность находить выход во всех трудных ситуациях, которая, в сочетании с его необычайным механическим мастерством, сделала его тем, кем он был, и привела к успеху, которого редко удаивался какой-либо хирург”.

Фергюссон стал M.R.C.S., Англия, в 1840 году, а в 1844 году - научным сотрудником. Он был назначен хирургом принца-консорта в 1849 году, экстраординарным хирургом королевы в 1855 году и сержантом-хирургом в 1867 году. В 1861 году и снова в 1868 году он был избран в Совет Колледжа хирургов, несмотря на решительное противодействие существующего совета в первый раз. В 1867 году он стал экзаменатором по хирургии, а в 1870 году президентом колледжа. Его лекции в качестве профессора уже упоминались. Мы можем добавить, что он был президентом Патологического общества в 1859 и 60-х годах, а также Британской медицинской ассоциации на ее блестящем Лондонском собрании в 1873 году. О многих других его

назначениях и отличиях следует умолчать, за исключением титула баронета, который он получил в 1866 году.

Фергюссон никогда не уставал от работы. Его прекрасная энергия поддерживала его всегда свежим. Он мог энергично петь или танцевать хайленд рил еще долго после достижения среднего возраста и только что вернувшись из длительного и утомительного путешествия. Он был щедрым покровителем литературы и драматургии; посещал многих авторов без гонорара и нередко оплачивал их проживание рядом с ним в тех случаях, когда это было желательно. Его гостеприимство было безграничным, как в Лондоне, так и в его резиденции в Спиттлхофе в Пиблсшире. Он всегда был готов проявить добрые чувства даже к тем, кто сурово осуждал его, и его всепрощающая натура часто проявлялась наиболее ярко. Всякий раз, когда у него возникало какое-либо сознание того, что он сделал или сказал что-либо, рассчитанное на то, чтобы ранить чувства другого человека, старого или молодого, он никогда не успокаивался, пока каким-либо образом не возместил ущерб. Он по-настоящему скромно оценивал себя, был неиспорчен популярностью и никогда не становился властным. Он был верным другом, особенно для старых учеников, и щедрым помощником представителей профессии в целом. Многие хирурги, которые выросли, обязаны ему существенной помощью. Действительно, он проявлял лучшие христианские качества и был, по словам мистера Генри Смита, “истинным типом джентльмена-христианина”. Он умер в Лондоне после изнурительной болезни Брайта 10 февраля 1877 года и был похоронен в Уэст-Линтоне, Пиблсшир, где в 1860 году уже была похоронена его жена. Его портрет работы Леманна был подарен по подписке Лондонскому колледжу хирургов в 1874 году, а точная копия находится в Эдинбургском колледже хирургов. Его лучший памятник - в жизни и творчестве множества его учеников, на которых он повлиял и стимулировал так, как это удавалось немногим.

СНОСКИ:

[3] Хирургия, прошлое, настоящее и будущее, 1877.

[4] Генри Смит, Биографический очерк сэра У. Фергюссона.

ГЛАВА XV. *СЭР ДЖЕЙМС СИМПСОН И АНЕСТЕЗИОЛОГИЯ.*

Будущие века не увидят в истории медицины и хирургии девятнадцатого века более знаменательного события, чем открытие и внедрение средств для облегчения и временного устранения боли. И хотя имя Симпсона ни в коем случае не единственное, с честью связанное с этим открытием, его достижение в области введения хлороформа возносит его на завидную вершину величия.

Джеймс Янг Симпсон, седьмой сын и восьмой ребенок мелкого пекаря, родился в Батгейте, Линлитгошир, 7 июня 1811 года. Его рождение произошло, когда обстоятельства его отца были наихудшими. Несколько членов семьи, включая его мать, только что оправились от лихорадки. Матери пришлось преодолеть свою материнскую боль, чтобы принять активное участие в бизнесе, которым она занималась наиболее энергично и успешно. Ее религиозный характер и

бережливые привычки произвели глубокое впечатление на маленького мальчика, и спустя годы он с удовольствием вспоминал ее наставления, когда она только что заштопала большую дыру в его чулке: “Мой Джейми, когда твоей мамы не будет дома, ты вспомнишь, что она была великой штопальщицей”. Она умерла, когда Джеймсу было всего девять лет, оставив его на попечение его единственной сестры Мэри, на одиннадцать лет старше, которая оказалась нежной приемной матерью. Уже в детстве Джеймс Симпсон стал известен как “мудрый уин”, “юный философ”, а его голос был нежным и серебристым. Его трудолюбие и цепкая память рано обещали выдающиеся достижения, которые, по убеждению всей семьи, выпадут на его долю. И он с готовностью, с книгой в руках, какое-то время держал лавку или бегал с булочками в дом лэрда. “Я помню, - говорит его брат Александр,[5], “ как нашел его сидящим на улице в очень пыльный день, горько рыдающим, слезы текли по его покрытым пылью щекам. ‘ Что тебя беспокоит, Джейми? ”Я сломал пони колени”, - сказал я, и он ответил, рыдая так, как будто его сердце вот-вот разорвется: “Я сломал пони колени”. ” Оказалось, что Александр сам объехал пони, так что он не мог не споткнуться.

Отец семейства по-особому доверял своим детям. Считалось, что все они одинаково заинтересованы в процветании семьи, и касса в магазине была открыта и доступна для всех; каждый обычно думал в первую очередь об общем благе. Таким образом, семья процветала с момента рождения Джеймса, и лично ему уделялось неослабное внимание.

В возрасте четырнадцати лет Джеймс Симпсон поступил в Эдинбургский университет, “очень-очень молодым и очень одиноким, очень бедным и почти не имеющим друзей студентом”, как он сам сказал сорок лет спустя. В течение двух лет он изучал классику и математику, получив небольшую стипендию перед второй сессией. Одной из его первых покупок была небольшая книга “Экономика человеческой жизни”, за которую он отдал девять пенсов. Отрывок из него, который он записал в свою кассовую книгу, красноречиво свидетельствует о его настроении: “Пусть твои развлечения не будут дорогими, иначе боль от их приобретения превысит удовольствие, которое ты получаешь от них”. Однако, несмотря на то, что он изучал экономику, его литературные вкусы были широкими, поскольку он рано купил “Гяура и Чайльд Гарольда” Байрона и “Естественную теологию” Пейли. Он поселился у доктора Макартура, бывшего билетера в Батгейтской школе, вместе с Джоном Ридом, старым школьным товарищем, впоследствии профессором анатомии в Сент-Эндрюсе, в верхней квартире высокого дома на Адам-стрит. Увлечение Рида анатомией, по-видимому, впервые вдохновило Симпсона выбрать медицину в качестве профессии.

Зимой 1827 года Джеймс Симпсон поступил студентом-медиком в университет и, посещая занятия Листона по хирургии, вскоре стал заметен. Он полностью конспектировал лекции и открыто критиковал своих учителей. Он стал костюмером под руководством Листона и получил от него отличные отзывы. Но он уклонялся от хирургического вмешательства, обладая исключительной нежностью сердца, которая едва не вынудила его уйти из профессии. Однажды став свидетелем агонии бедной женщины при ампутации груди, он сразу же отправился искать работу писательского (или адвокатского) клерка. Однако вскоре он вернулся, преисполненный желанием сделать что-нибудь, чтобы операции были менее болезненными. Летние каникулы Симпсона проходили в Батгейте, а свободное время он посвящал естественной истории и антиквариату. В январе 1830 года, как раз перед тем, как он должен был получить лицензию на врачебную практику, его отец умер после нескольких недель болезни, во время которой Джеймс постоянно находился у его постели. Такой перерыв в учебе в

критический момент мог бы расстроить столь чувствительный ум. Но Симпсон сдал экзамен в апреле и стал членом Эдинбургского колледжа хирургов, не достигнув девятнадцатилетнего возраста. Его брат Александр, который вместе с остальными членами семьи оказывал верную и настойчивую помощь младшему брату, от которого так многого ожидали, приютил его в доме, пока он искал какую-нибудь должность, которую можно было бы занять, ожидая получения степени в Эдинбурге, которую из-за молодости он пока не мог получить. Одной из должностей, которую он искал, была должность приходского врача в маленькой деревушке под названием Инверкип на реке Клайд. “Когда меня не выбрали, - пишет он много лет спустя, - я почувствовал, возможно, более глубокую досаду и разочарование, чем когда-либо испытывал с тех пор. Если бы меня выбрали, я, вероятно, до сих пор работал бы там сельским врачом”.

В 1831 году Симпсон вернулся к учебе в университете, его брат Дэвид открыл бизнес в Стокбридже, Эдинбург, и смог приютить молодого врача. Он помогал поддерживать себя в форме, став ассистентом доктора Гайрднера. Таким образом, он смог закончить университетский курс и получить степень доктора медицины в 1832 году, представив в качестве своей первой диссертации эссе на тему “Смерть от воспаления”. Это привлекло большое внимание, особенно со стороны доктора Джона Томсона, профессора патологии, который сразу же попросил его стать его ассистентом с зарплатой в 50 фунтов стерлингов, которой молодому человеку хватало на все его нужды. В этом качестве он подготовил каталог музея патологического отделения. Его первый опыт изучения акушерства, полученный при посещении лекций профессора Гамильтона, не оставил у него желания углубленно изучать этот предмет, но доктор Томсон увидел, что его ассистент, мягкотелый, но полный решительной активности, был именно тем человеком, который преуспеет в акушерской практике, и поэтому посоветовал ему посвятить себя этому делу. Другой замечательной чертой была его способность завоевывать доверие других и особенно заставлять своих пациентов рассказывать ему о том, что ему было наиболее важно знать. Но он сразу же принялся за работу, чтобы стать знатоком своего предмета, а затем прокручивать в уме все, что он выучил, пока это не приобрело новый аспект. Он всегда искал новые и лучшие пути, и если какой-либо раздел практики или теории казался ему ущербным, он неустанно напрягал свой ум, чтобы изобрести или вообразить какое-нибудь улучшение. И у него было всепоглощающее желание доставить удовольствие своей семье, добившись успеха. Когда в 1834 году его сестра Мэри сказала ему, что переутомление вредит его здоровью, он серьезно ответил: “Ну, я уверен, это просто для того, чтобы доставить вам всем удовольствие”.

Первая важная статья Симпсона, посвященная заболеваниям плаценты, представленная Королевскому медицинскому обществу в 1835 году, сразу же продемонстрировала руку мастера. Она была переведена на французский, немецкий и итальянский языки. Он начал с исчерпывающего изучения предшествующей истории каждого предмета, которым он занимался, а затем проверил мнения и факты других людей своими собственными наблюдениями. Одна из его ранних работ включает почти сотню ссылок на предыдущую литературу, включая множество авторитетных источников, что свидетельствует о необычном диапазоне чтения. Если он не мог читать на языке автора, он находил кого-нибудь, кто мог бы это сделать, и давал ему материал, имеющий отношение к его теме исследования. Но хотя ни один человек так высоко, как он, не ценил терпеливые достижения прошлого, ни один человек не относился более свободно к традициям и условностям.

В 1833 году Симпсон стал членом Королевского медицинского и физического обществ Эдинбурга. Вскоре он стал президентом первого. Автор статьи в "Скотсмен" за 10 мая 1870 года так описал его появление в этом качестве. Рассказав о его длинных спутанных волосах и очень большой голове, он говорит: "С тех пор поэт описал его как человека 'львиного облика'. Не таким мы его помним. Бледное, крупное, несколько плоское лицо, массивные, сросшиеся брови, из-под которых сияли глаза, то как бы проникающие в самую глубину души, то тающие в почти женской нежности, и грубоватый нос с расширенными ноздрями, тонко очерченный рот, который казался самой выразительной чертой лица и мог по желанию стать выразителем любой страсти и эмоции. Кто мог бы описать эту улыбку? Когда даже солнце пыталось это сделать, оно терпело неудачу, и все же кто может вспомнить эти черты и не осознать их, когда они играли вокруг тонких линий верхней губы, где твердость странным образом сочеталась с другими, очевидно противоположными качествами? Затем его необычное, округлое, мягкое тело и конечности, как будто он сохранил инфантильную форму в подростковом возрасте, представили *великолепный ансамбль*, который, даже если бы мы никогда больше его не увидели, остался бы неизгладимым впечатлением в нашей памяти".

В 1832 году Александр и Мэри Симпсон поженились. Жена Александра, однако, привязалась к Джеймсу так же, как и его сестра, и семейная помощь не прерывалась. Когда в Батгейте разразилась холера, Александр составил завещание, предусматривающее содержание Джеймса в случае его смерти. "Я верю, " писал этот верный брат, - что каждый из вас позаботится о нем. Но я осмелюсь сказать, что каждый из вас получает удовольствие от того, что тайком делает ему добро, как это было у меня самого. Братья Александр и Джон позволили Джеймсу посетить Лондон и Континент в 1835 году, чтобы ознакомиться с разнообразной практикой; его спутником в путешествии был доктор Дуглас Маклаган, впоследствии профессор медицинской юриспруденции в Эдинбурге. По возвращении Симпсон приобрел некоторую практику, но в основном среди тех, кто мог платить ему мало или вообще ничего. В мае 1836 года он получил должность домашнего хирурга в стационаре, которой он руководил в течение года. Вскоре это привело к увеличению практики среди более высокооплачиваемых пациентов. Теперь он читал несколько курсов лекций по акушерству во Внешкольной школе, которые были хорошо приняты, кроме того, его назначили временным лектором по патологии, когда его друг доктор Томсон ушел в отставку. Он уделял много внимания подготовке своих лекций, помимо того, что продолжал публиковать оригинальные статьи по акушерству. В то время он неоднократно вставал в три часа ночи, когда не сидел всю ночь. Но при всей своей работе он находил время для общения, для семейных интересов, для посланий старым школьным товарищам по скромной жизни.

Ни сейчас, ни когда-либо еще Симпсон не утратил своей привычки говорить просто. Он не всегда умел примирять других своими откровенными высказываниями и не любил облекать неприятные истины в сладкие слова. В 1839 году несколько поспешных слов, которыми обменялись Симпсон и доктор Левинс из Лейта по поводу анонимного письма, написанного последним, чуть не привели к дуэли; но, к счастью, друзья смогли убедить их, что виноваты оба, и было достигнуто мирное примирение. В том же году, когда он также начал вести домашнее хозяйство за свой счет, Симпсон стал кандидатом на кафедру акушерства, освободившуюся после отставки доктора Гамильтона. Борьба была очень суровой, у доктора Эвори Кеннеди из Дублина были серьезные претензии. Симпсон напряг все нервы, чтобы заручиться свидетельствами и повлиять на избирателей, опубликовав октаво свидетельств объемом более 200 страниц. Наконец, 4 февраля 1840 года он был избран профессором большинством всего в

один голос, в возрасте двадцати восьми лет, без каких-либо преимуществ социального положения или большого опыта, которые могли бы его поддержать. Несколькими неделями ранее (26 декабря 1839 г.) он женился на своей троюродной сестре мисс Джесси Гриндлей из Ливерпуля, к которой он давно был привязан.

Но трудности еще не закончились, когда состоялись выборы. Денежная стоимость полотна составила около 500 фунтов стерлингов, главным образом на печать и почтовые расходы; а денег у Симпсона было меньше, чем совсем не было; он был в большом долгу перед своими родственниками. Его новые коллеги в значительной степени выступали против него, предпочитая доктора Кеннеди; они продолжали выступать против него, не желая иметь дела с сыном маленького пекаря. Начала появляться практика, но это потребовало снять дом побольше, содержать экипаж и гораздо больших расходов; и прошло некоторое время, прежде чем молодая пара смогла свести концы с концами. Просьбы о помощи от старых друзей или от бедных людей обрушивались на Симпсона быстрее, чем гонорары; и его доброе сердце делало для них больше, чем требовало трезвое суждение. Он часто не спал всю ночь, работая для прессы. На удивление рано его окружили филантропические прожекторы, корыстолюбивые промоутеры, молодые стремящиеся к славе и люди, стремящиеся представить пиллюлю, рассчитанную на то, что люди доживут до возраста Мафусала, или желающие в интересах Доктора получить разрешение ловить рыбу в одном из ручьев его пациентов. Нервные головные боли и обострения начали отбрасывать свои ужасные тени на его жизнь; но работа почти никогда не прекращалась. Его лекции сразу же имели большой успех; у него была самая большая аудитория в университете. Пришлось поставить дополнительные места, и тогда не хватило места для всех. Тем временем его заботы усилились из-за рождения дочери за две недели до начала сессии.

Однако неутомимая деятельность Симпсона не могла ограничиться исключительно профессиональными темами. Еще до окончания своего первого курса профессиональных лекций он начал работать над мемуарами, которые получили название “Антикварные заметки о проказе и лепрозориях в Шотландии и Англии”. В нем он приводит почти пятьсот ссылок на местные власти, а в приложении приводится список и уведомления о ста девятнадцати лепрозориях, которые он выследил в Британии. Эти мемуары - кладезь ценной антикварной информации.

К концу 1842 года его материальное положение было обеспечено вне всяких сомнений, хотя его доброжелательность затруднила бы это, если бы его мастерство не стало столь знаменитым. Его успех, когда ему было немногим больше тридцати лет, был поразительным; отели были заполнены его пациентами, и говорили, что его практика приносит этим учреждениям много тысяч фунтов в год. Его дом пришлось расширить, чтобы принять тех, кто настаивал на том, чтобы оставаться в непосредственной близости к великому врачу. Но в круговороте практики стал замечен один недостаток. Методичный и исчерпывающий в своих литературных изысканиях, обладавший мощной памятью, он не мог заставить себя систематически записывать свои визиты и, казалось, был неспособен так спланировать свое время, чтобы потратить его с наибольшей пользой для своих пациентов. Нередко он забывал о назначенной встрече, и иногда его переубеждали, подталкивая людей или друзей-профессионалов заниматься делами вне очереди. То, что он когда-либо сознательно причинял кому-либо несправедливость за плату или без таковой, совершенно неверно. Но его обвиняли так, как если бы он это сделал. Он действительно был слишком беспечен в отношении денег и часто

слишком пренебрегал своими собственными интересами, чтобы требовать надлежащего гонорара. Его квитанции сразу же рассовывались по карманам, которые опустошались ночью, раньше он ничего не знал об их содержимом. Иногда гонорар получали в письме, но не забирали и не подтверждали. Однажды он получил таким образом 10 фунтов стерлингов, хотя можно было ожидать гораздо большего гонорара, и последовало несколько упреков в том, что он не подтвердил его получение. Однажды ненастной ночью Симпсона сильно потревожил во сне стук окна. Он встал, нащупал в кармане клочок бумаги и вытащил 10-фунтовую банкноту, которая была потрачена на то, чтобы затянуть оконную раму. Когда миссис Симпсон утром узнала, что это за клочок бумаги, он просто ответил: “О, это *те* 10 фунтов”. Примером нелепых обвинений является случай, когда в неоднократных письмах спрашивалось мнение доктора Симпсона о том, не следует ли поставить на тазобедренный сустав три пиявки вместо двух, как рекомендовал семейный врач.

В разгар практики и лекций он находил время написать или продиктовать множество кратких или пространственных статей об акушерской практике или женских болезнях, всегда практичных, всегда изматывающих предыдущие авторитеты. Именно в этом направлении постоянно работал его ум. Затем, когда он пришел к заключению, он не утаил ни одного пункта из него. “Стремясь постичь истину”, - говорит шотландец,[6] он был столь же энергичен в своем провозглашении ее и мало заботился о том, какому уважаемому мнению могут противоречить его утверждения. Отсюда и возникли конкурсы, в которых давалось или получалось мало четвертаков. Он был опасным противником, с которым можно было встретиться на рыцарском турнире, и хотя он умел пользоваться острым лезвием стали, чаще всего он расправлялся со своим противником тяжелой булавой фактов или цифр, которые те, кто не обладал ни его трудолюбием, ни его памятью, не могли ни опровергнуть, ни отбросить в сторону. Отсюда у него появилось много врагов, ибо он шел вразрез со многими предрассудками, и старый дух, который противодействовал его избранию на профессорскую кафедру, время от времени проявлялся, показывая, что он был подавлен, а не угас.

Следует всегда помнить, что величие Симпсона было установлено еще до того, как он ввел хлороформ, и зависело от его непревзойденного мастерства в акушерстве и женских болезнях, в то время как он был самым опытным врачом общей практики. Уже в январе 1847 года, когда он только начинал изучать анестезию, его сделали одним из королевских врачей Шотландии. Мы не можем здесь пытаться описать предыдущие попытки обеспечить иммунитет или облегчение боли, но очевидно, что Симпсон в этом отношении не был человеком, на удивление опередившим свой возраст; тема витала в воздухе; предпринимались непрерывные усилия по улучшению. До конца прошлого столетия блестящие химические открытия Пристли привели к его предположению, что лекарства можно вводить в определенных количествах путем вдыхания через легкие. Кислород был первым газом, вдыхаемым в медицинских целях; и в 1795 году доктор Пирсон из Бирмингема прописал вдыхание эфира при чахотке, за ним десятью годами позже последовал доктор Уоррен из Бостона, США. В 1800 году сэр Хамфри Дэви, когда руководил Пневматическим институтом Беддоуза в Бристоле, основанным главным образом для лечебного вдыхания кислорода, начал изучать действие закиси азота, которую он использовал, после того как познакомился с ее опьяняющим действием, для облегчения боли при сильном воспалении собственных десен. Публикуя свой отчет об успешном вдыхании, он сказал: “Поскольку закись азота при ее обширном действии, по-видимому, способна устранять физическую боль, ее, вероятно, можно с пользой использовать во время хирургических операций, при которых не происходит большого кровоизлияния”. [7] Таким образом, мы должны

отдать должное сэру Хамфри Дэви за самое оригинальное наблюдение и эксперимент в области анестезии: еще один пример, когда исследователь, стремящийся продвинуть науку, сделал наблюдение и предположение, имеющие отношение к благополучию всего человечества. Его ученик и преемник Фарадей в 1818 году объявил, что пары сернистого эфира при вдыхании оказывают действие, аналогичное действию закиси азота. На этом история анестезии заканчивается на многие годы, практически, как мы полагаем, потому, что медицина и хирургия еще не стали достаточно научными, чтобы осознать их ценность.

В 1835 году Роберт Коллиер, американский студент-медик, вдохнул эфир на химической лекции профессора Тернера в Университетском колледже Лондона, будучи сам лишенным чувств, в компании других студентов; он отметил, что его сокурсники под его воздействием стали нечувствительными к боли. В декабре 1839 года Колльер, недалеко от Нового Орлеана, вправил вывих бедра одному из негров своего отца, который упал без чувств, вдохнув пары рома. Негр не выказывал никаких признаков боли. Колльер вскоре после этого отождествил это наркотическое состояние с состоянием, вызываемым месмеризмом, при котором также безболезненно выполнялись некоторые операции. Колльер читал лекции по этим предметам в 1840 году и последующие годы в Филадельфии, Бостоне, Ливерпуле и других местах. Он проводил месмерические и наркотические эксперименты, последний со смесью, в которой вдыхались пары спирта с маком и кориандром, пропитанные им. В 1842 году он утверждает, что ввел свою алкогольную смесь пациенту в Филадельфии во время удаления зуба с безболезненным результатом. В 1844 году американский преподаватель химии по имени Коултон продемонстрировал свойства закиси азота на лекции, прочитанной в Хартфорде, штат Коннектикут, на которой присутствовал практикующий там дантист Гораций Уэллс. Имея зуб, который он сам хотел удалить, Уэллс попросил Коултона ввести ему закись азота. Это было успешно сделано, и во время бесчувственного состояния Уэллса его друг, доктор Риггс, удалил ему зуб. Придя в сознание, Уэллс воскликнул: “Новая эра в вырывании зубов!” - и сразу же попытался внедрить эту практику в Хартфорде и Бостоне; но, не используя газ в чистоте и не будучи достаточно искусным в его применении, его попытки часто проваливались, и в Бостоне на него осмивали, и он в отчаянии бросал свои попытки. Позже, когда анестезия прочно утвердилась, он снова безуспешно пытался ввести закись азота и в конце концов покончил со своей жизнью. Грустно думать о такой судьбе человека, который, будь у него чуть больше образования и чуть больше настойчивости, мог бы собрать большой урожай славы.[8]

Мы не можем вдаваться в споры о том, кому из американцев принадлежит наибольшая заслуга во введении серного эфира в качестве анестетика. Достаточно упомянуть, что Чарльз Джексон, химик из Бостона, который присутствовал на демонстрации Уэллса в 1840 году, сначала экспериментировал на себе, вдыхая чистый серный эфир, и, добившись потери чувствительности, сообщил о своем открытии У. Т. Г. Мортону, дантисту, присутствовавшему на демонстрации Уэллса, и убедил его применить его. Впоследствии Мортон утверждал, что этот шаг был предпринят независимо с его стороны.

30 сентября 1846 года Мортон с полным успехом ввел эфир Эбену Фросту для удаления зуба, а в октябре следующего года он был использован в важной операции доктором Дж. К. Уорреном в Массачусетской больнице общего профиля. Новость дошла до Англии до конца 1846 года, и 19 декабря Джеймс Робинсон, дантист с Гауэр-стрит в Лондоне, был первым в этой стране, кто провел операцию по удалению зуба под действием эфира. 21 декабря Роберт Листон наиболее успешно применил его в больнице Университетского колледжа при ампутации бедра и

удалении большого ногтя на большом пальце ноги - одной из самых болезненных операций. Его всеобщее применение последовало в первые несколько месяцев 1847 г. Доктор Симпсон уже 9 января 1847 г., предварительно вдохнув его сам, использовал его для облегчения боли при родах и обнаружил, что его обезболивающий эффект не приводил к остановке или заметному изменению мышечных сокращений матки. Этот и другие его случаи были быстро опубликованы и оправдывают его утверждение о том, что он применил эфир в акушерской практике.

Неудобства, вызванные запахом серного эфира, значительные дозы, которые требовалось вводить, и его склонность раздражать бронхи побудили Симпсона поискать и попробовать другие аналогичные жидкости. Среди прочих доктор Грегори порекомендовал ему попробовать хлороформ, открытый Субейраном в 1831 году и Либихом в 1832 году и тщательно исследованный Дюма в 1835 году. После долгих трудов и затрат нескольких сотен фунтов он пришел к выводу, что хлороформ, не имеющий неприятного запаха эфира, дает более быстрый эффект при меньших дозах, и очень скоро он начал использовать его в акушерстве и знакомить с ним своих друзей-хирургов при операциях. Он был представлен Эдинбургскому медико-хирургическому обществу 10 ноября 1847 года; и стал настолько известным и пользующимся популярностью, что за очень короткое время эдинбургские химики Симпсона производили 7000 доз в день. Здесь мы могли бы почти остановиться на этом отчете, если бы не две вещи: во-первых, разногласия Симпсона относительно неуместности и нерелигиозности снятия боли, которое считалось одним из предписаний Создателя, которое не должно смягчаться; и во-вторых, смерти, которые начали происходить при введении хлороформа. Что касается первого, то образец возражений представлен священнослужителем, который написал, что “хлороформ был приманкой сатаны, по-видимому, предлагающей себя для благословения женщины; но в конце концов он ожесточит общество и лишит Бога глубоких искренних криков о помощи, которые раздаются в трудную минуту”. Даже облегчение боли при хирургических операциях многие считали неоправданным. Но был найден мощный контраргумент - гораздо большая легкость и уверенность в успехе, с которыми хирурги теперь могли выполнять свои операции, когда прекратились крики и корчения пациента. Однако последовавшая полемика заняла бы целую книгу, и Симпсон в ней проявил себя, как всегда, жестким нападающим.

В течение многих лет для обезболивания практически ничего, кроме хлороформа, не использовалось; но постепенно многочисленные неожиданные смерти при его применении заставили многих думать, что он оказывает слишком угнетающее действие на работу сердца, по крайней мере в некоторых случаях, и привели к испытанию других средств, включая двуххлористый метилен, повторное введение эфира и закиси азота. Два последних очень широко используются в настоящее время, а также смесь, состоящая из одной мерной части спирта к двум частям хлороформа и трем частям эфира, также известная как смесь АСЕ, по первым буквам трех составляющих. Сейчас многие считают, что это безопаснее хлороформа. Мы не можем претендовать на то, чтобы решать, каков будет результат будущего опыта.

Мы не можем подробно описывать последующие события жизни доктора Симпсона. С годами она становилась более насыщенной и активной, более доброжелательной и более отчетливо религиозной. Он отказался от выгодных предложений поселиться в Лондоне, и вместо этого пациенты приезжали со всех концов света, чтобы проконсультироваться с ним в Эдинбурге. Его гостеприимство было безграничным. Его ежедневные завтраки и ленчи были наглядно описаны

известным поэтом. “Бесцеремонно собравшись в комнате средних размеров, у которых было мало общего, кроме желания познакомиться с хозяином, вы обнаружили компанию, собравшуюся вместе со всех широт и долгот, социальных и географических. Из всей этой разношерстной компании, вероятно, вряд ли найдется хоть один, кто не был бы примечателен, и ранги и разряды выдающегося положения охватывают всю гамму социальных различий - от герцогинь, поэтов и графов до автора последней успешной книги по кулинарии, изобретателя самого странного нового патента, греческого придворного, русского дворянина или немецкого графа. Рядом с вами последний выживший после какого-то ужасного кораблекрушения рассказывает свою историю жене этого северного посла, которая на мягчайшем скандинавском диалекте знакомится с сильным морским датским языком умного государственного секретаря напротив. Позади вас группа только что прибывших американских врачей громко обсуждают речь в Конгрессе или соглашаются *вполголоса* по конкретной профессиональной теме, по которой они пришли проконсультироваться с великим авторитетом. Оторвитесь на мгновение от этого скульптора, который ждет, чтобы спросить мнение разносторонне развитого профессора о эскизах, которые он сейчас показывает портретисту, и узнать, какие из них следует выполнить в мраморе для аристократа, чье внимание доктор нашел время обратить на подающего надежды молодого художника, и вы сможете уловить кое-что из той бурной дискуссии между прибывшими из Австралии, которые прибыли из золотой страны в поисках того, чего нельзя купить за золото”.

Но Симпсон ввел новую практику отнюдь не только в связи с эфиром и хлороформом. Помимо бесчисленных предложений и новаторских идей в акушерстве, он выдвинул (в 1859 году, после нескольких лет изучения) совершенно новый метод закрытия артерий после операций и замены лигатур, которые так часто являются причиной воспаления. Задолго до этого Джон Хантер указал, что иглы и булавки, вводимые в живое тело и вживляемые в него, редко или вообще никогда не оказывают никакого воспалительного действия. Симпсона поразила идея, что тонкие остроконечные иглы или булавки из неокисляемого железа, чем-то похожие на иглы для заячьей губы, можно использовать для сращивания стенок или клапанов ран, в то же время сохраняя кровеносные сосуды закрытыми. Эти штифты можно было бы извлечь очень рано, и это в значительной степени способствовало бы заживлению в кратчайшие сроки. Новый метод, названный точечным массажем, конечно, встретил большое сопротивление, и Симпсон подвергся суровому порицанию за вмешательство в сферу, доступ к которой строго ограничен хирургом. Но помощь абердинских хирургов Кита и Пирри оказала большую услугу в продвижении справедливого судебного разбирательства в этой клинике. Его атака на господствующую больничную систему в 1869 году была одним из его более поздних крестовых походов, и он, безусловно, собрал огромное количество фактов, свидетельствующих о нездоровости существующих условий содержания в переполненных больницах. Его пропаганда отдельной системы в строительстве больниц и ограничения количества пациентов, находящихся близко друг к другу, конечно, вызвала у него дальнейшее ожесточенное сопротивление. Мы не можем здесь ссылаться на его решительное разоблачение ошибочности гомеопатии, на его энергичные действия в связи с Эдинбургским университетом или на многочисленные антикварные статьи, опубликованные его плодовитым пером. Каждый год в него вкладывалось в три раза больше исследований, чем мог бы провести очень трудолюбивый человек, в десять раз больше споров и в два раза больше практики. На него обрушились почести. В 1856 году он был очень рад присуждению Французской академией премии Монтюна

в размере 2000 франков за “наиболее важные блага, оказанные человечеству”. В начале 1866 года он получил титул баронета. В 1869 году ему была подарена свобода Эдинбурга.

Время от времени к нему приходили тяжелые невзгоды и отравляли его жизнь. У него забрали нескольких детей в расцвете сил, включая его старшего сына, который подавал большие надежды на блестящее медицинское будущее, но был лишен жизни в течение двух недель после того, как его отец получил титул баронета. Позже он стал ревностным церковным работником, присоединившись к Свободной церкви Шотландии, когда произошел перелом. 1870 год застал жизненно важную машину сильно вышедшей из строя. Боли в сердце — *стенокардия*, которая так часто была бичом медиков, — возникали чаще из-за ужасного напряжения. Но он никогда не ослаблял свою работу в перерывах, пока не был абсолютно вынужден. В одной из своих более поздних бесед он сказал: “Сколько мне лет? Пятьдесят девять. Что ж, я проделал кое-какую работу. *Хотел бы я быть более занятым.*” Одно из выражений его лица свидетельствовало о его отвращении к теологии. “Мне нравится простая евангельская истина, и я не хочу вдаваться в дальнейшие вопросы”. Почти в свою последнюю ночь он был невыразимо утешен тем, что рядом с ним был его брат Александр, который с такой нежностью присматривал за ним с детства. Он сидел на подушке, положив голову сэра Джеймса себе на колено, и страдалец снова и снова медленно произносил слова: “О, Сэнди, Сэнди!” Он умер 6 мая 1870 года. Он был бы похоронен в Вестминстерском аббатстве, если бы не его собственное явное желание быть похороненным на кладбище Уорристон в Эдинбурге. Говорят, что его похороны были такими, каких Эдинбург никогда раньше не видел, поскольку бизнес, как правило, был приостановлен. Его вдова пережила его всего на несколько недель и умерла 17 июня следующего года. Его старший сын, Уолтер Гриндлей, унаследовал титул баронета.

СНОСКИ:

[5] Мемуары сэра Джеймса Ю. Симпсона, автор Дж. Данс. Эдинбург, 1873.

[6] Шотландец, 9 мая 1870г.

[7] Химические и философские исследования, главным образом касающиеся закиси азота и ее дыхания. Хамфри Дэви. Лондон, 1800 год.

[8] Журнал "Ланцет", 1870, История открытия анестезии.

ГЛАВА XVI.

СЭР СПЕНСЕР УЭЛЛС И ОВАРИОТОМИЯ.

Томас Спенсер Уэллс, чья карьера по возрождению операции овариотомии привлекла очень широкое внимание и интерес, родился в 1818 году, будучи старшим сыном мистера Уильяма Уэллса из Сент-Луиса. Альбан, Херц.

Не будучи формально учеником, он пользовался многими преимуществами старой системы ученичества под руководством способного сельского практика Майкла Томаса Сэдлера из

Барнсли, Йоркшир. Впоследствии он провел год у приходского врача в Лидсе, посещая Лидский лазарет и лекции Хея и Тила. Сессия 1837-8 проходила в Дублине, и там Грейвс и Стоукс оказали большое влияние на молодого хирурга. Продолжая изучать культуру в различных областях, он поступил в колледж Святого Томаса в Лондоне и был ревностным учеником Дж. Х. Грина, Трэверса и Тиррелла. Здесь он получил приз за лучшие отчеты о *посмертных* экспертизах. Став членом Коллегии хирургов в 1841 году, он поступил на военно-морской флот в качестве ассистента хирурга и провел шесть лет в Военно-морском госпитале на Мальте.

В 1853 году сэр Спенсер Уэллс обосновался на практике в Лондоне, а в 1854 году стал работать в Самаритянской больнице, в то время диспансере для женских болезней. В то время сэр Спенсер утверждал, что знал об этой отрасли профессии меньше, чем о любой другой. В молодости он присутствовал при необычно большом количестве акушерских случаев, но в последнее время его практика была почти исключительно хирургической, с сильной тенденцией к офтальмохирургии. Именно в это время он впервые заинтересовался предметом, который сделал его имя столь широко известным.

С незапамятных времен яичники женщин были подвержены болезненным разрастаниям и скоплениям жидкости, от которых едва ли существовало лекарство, за исключением случаев, когда жидкость удавалось откачать через один или несколько проколов, и фатальные результаты были почти неизбежным следствием этих заболеваний. Ближе к концу семнадцатого и началу восемнадцатого веков несколько врачей предложили удалить пораженный орган путем разреза в передней стенке брюшной полости. Уильям Хантер в 1762 году предложил метод, с помощью которого эта операция, в противном случае полная опасностей, могла бы быть осуществима; а Джон Хантер, читавший лекцию в 1785 году, поддержал идею удаления, считая, что отверстие не обязательно будет представлять собой очень опасную рану. В 1798 году Шамбон в книге о женских болезнях, изданной в Париже, решительно высказался в пользу этой операции. Хотя не похоже, что он когда-либо проводил это сам, он говорит: “Я убежден, что придет время, когда эта операция будет считаться осуществимой в большем количестве случаев, чем я перечислил, и что возражения против ее проведения прекратятся”. Джону Беллу также принадлежит доля заслуги в этом вопросе, поскольку в своих лекциях по хирургии в Эдинбурге в 1794 году он с большой силой остановился на целесообразности оперативного удаления опухолей яичников. Однако его ученику Эфраиму Мак-Дауэллу из Вирджинии было поручено провести первую современную операцию по удалению яичников по поводу этого заболевания. Он обосновался на практике в Кентукки в 1795 году, а в 1809 году осуществил эту новую операцию женщине средних лет, которая дожила до семидесяти восьми лет в 1841 году. Таким образом, американцу выпала слава первому смело вступить на новый путь.

Было трудно начать новую операцию в Англии. “Следует помнить, - говорит сэр Спенсер Уэллс, - что в то время смертность от всех операций была намного выше, чем сейчас; что больные были более пассивны в отношении своих недугов и менее терпимы к любым хирургическим предложениям, точно так же, как мы сами наблюдаем среди необразованного населения отдаленного сельскохозяйственного района; что они не воодушевлялись, как современные женщины, историями и обещаниями безболезненной экстирпации с помощью хлороформа или метилена; и что, без всякого приторного сентиментализма, хирургам самим пришлось

столкнуться с *сильной стороной и длительностью* своего подавленного сочувствия и набраться смелости для проведения самой преднамеренной и утомительной эвисцеративной вивисекции. Болезнь рассматривалась как загадка, а ее окончание смертью - как нечто само собой разумеющееся; и вместо того, чтобы сопровождаться, как мы это видим сейчас, раздражительным сопротивлением и попытками спастись, она приводила только к стойкому терпению или религиозной покорности, а со стороны представителей профессии - к жалости и попыткам облегчить неизбежные страдания. Но Мак-Дауэлл был свободным человеком в новой стране, свободным от обычных оков практики старого света, находил своих пациентов в наиболее благоприятных условиях жизни животных, похоже, испытал одну из тех непостижимых полос везения, от которых так часто зависят судьба и репутация человека, если у него хватает проницательности и энергии, чтобы обратить такие счастливые случайности во внимание, и был счастлив, как обычно бывают счастливы те, кто может позволить себе ждать или заставить себя ждать, найдя подходящее время, место, людей и возможность воплотить в жизнь идеи своего наставника Белла. Он проиграл только последний из своих первых пяти случаев овариотомии и, таким образом, как бы с самого начала установил то, что до недавнего времени самодовольно считалось удовлетворительным стандартом смертности для столь серьезной операции”.[9]

Как хирург Макдауэлл был “осторожен, спокоен и тверд, уделяя большое внимание деталям своих операций и лечения, а также с большой тщательностью отбирая и тренируя своих ассистентов”. В 1879 году в его память был установлен гранитный обелиск на кладбище, где он был похоронен, недалеко от его дома, в память о его мужественной и важной работе.

Спустя много времени после того, как стало известно об операциях Мак-Дауэлла, еще в августе 1701 года был обнаружен случай, когда Роберт Хьюстоун, хирург из Глазго, прооперировал женщину по поводу большой опухоли способом, несколько предвосхищающим современную овариотомию. Она выздоровела и прожила шестнадцать лет спустя. Так часто предвосхищаются великие улучшения, которые можно найти, что кажется, что заслуга, как и трудность реального воплощения чего-либо в жизнь, столь же велика, как и трудность открытия.

Несколько американских хирургов последовали примеру Мак-Дауэлла, но операция не вошла быстро в моду, отчасти потому, что тогда еще не было введено обезболивание. У Лизарса из Эдинбурга был один успешный и один неудачный случай в 1825 г. Доктор Грэнвилл предпринял такую попытку в Лондоне в 1827 г., но от операции отказались из-за возникших трудностей: к счастью, пациент выздоровел. В 1836 году доктор Джеффресон из Фрамлингема впервые успешно прооперировал с помощью короткого разреза, рекомендованного Уильямом Хантером; пациентка выздоровела и впоследствии обзавелась семьей. В том же году несколько других провинциальных хирургов добились такого же успеха. В 1840 году мистер Бенджамин Филлипс безуспешно прооперировал в больнице Мэрилебона. В 1842 году доктор Чарльз Клей из Манчестера начал длинную серию операций, проводя их четыре раза в год, причем три раза успешно. Первый успешный случай в Лондоне был зарегистрирован мистером Уолном в ноябре 1842 года. Начиная с этого времени операции не были редкостью. В сентябре 1846 года мистер Сезар Хокинс впервые доказал, что успех возможен в лондонской больнице; его меры предосторожности и указания были самыми лучшими. В июне 1848 года доктор Чарльз Клей опубликовал серию из 32 случаев со всего 10 смертельными исходами, и он продолжал оперировать в течение многих лет, пока не провел 395 операций со всего 101 смертельным исходом, что составляет чуть более 25 процентов. Он использовал длинные лигатуры. В 1850 году мистер Даффин в Лондоне применил важное усовершенствование процедуры.

Медицинское образование сэра Спенсера Уэллса за все эти годы не привело к тому, что он обратил какое-либо внимание на этот предмет. Очевидно, что это выходило за рамки преобладающих представлений большинства медицинских школ. Его мнение в 1848 году, безусловно, было против оправданности этой операции. В 1853 или 1854 году он познакомился с мистером Бейкером Брауном, а в последний год ассистировал ему в больнице Миддлсекса в восьмом случае овариотомии. Это был первый раз, когда он видел попытку операции, но пациент умер. Несколько неудачных случаев вынудили Брауна полностью отказаться от своих попыток с марта 1856 по октябрь 1858 года.

Когда началась Крымская война, сэр Спенсер Уэллс отправился в армию на Востоке. Там он многое узнал о свободе, с которой может быть поврежден живот, и все же происходит выздоровление, если конституция хорошая и другие обстоятельства благоприятны. Он видел ужасные случаи рваных ранений осколками снаряда, которые заживали после тщательного очищения и аккуратного закрытия ран. Он вернулся в Лондон гораздо менее напуганным, чем раньше, ранениями в живот. Возобновив свою работу в Самаритянской больнице, он поначалу очень мало сталкивался с заболеваниями яичников, и только в декабре 1857 года предпринял свою первую попытку выполнить овариотомию, которую, однако, по совету Бейкера Брауна, не довел до конца. Его вторая попытка была завершена с помощью Брауна, но последний возобновил операцию самостоятельно только через промежуток времени, длившийся более двух с половиной лет.

Сэр Спенсер Уэллс дал наглядный отчет о своем раннем опыте.^[10] “Трудно было бы представить, ” говорит он, - положение более удручающее, чем то, в которое я попал, когда проводил свои первые испытания овариотомии. Первая попытка, как я уже сказал, потерпела полный провал и укрепила не только в умах других, но и в моем собственном сознании страх, что я, возможно, вступаю на путь, который приведет скорее к незавидной славе, чем к прочной профессиональной репутации. И если бы я не видела растущее число бедных женщин, безнадежно страдающих, почти жаждущих смерти, стремящихся к облегчению при любом риске, я, вероятно, согласилась бы с общим убеждением — удовлетворилась бы паллиативным постукиванием или дальнейшими попытками разрезания и дренажа, или инъекции йода, или давления, а не рискнула бы на что-либо еще в виде овариотомии. Сейчас об этом, возможно, забыли, но это правда, что в то время все было против этого предприятия. Медицинская пресса осудила операцию, как в принципе, так и на практике, в самых решительных выражениях. В медицинских обществах спикеры самого высокого уровня осудили ее самым решительным образом. Примеру людей, которые практиковали это, никто не последовал; некоторые из них отказались от этого. Только однажды был получен успешный результат в любой из наших крупных столичных больниц, это было сделано Сезаром Хокинсом в больнице Святого Георгия в 1846 году, и он никогда не брался за это во второй раз. Все остальные попытки — в больнице Гая Моргана, Ки и Брэнсби Купера, в больнице Святого Томаса Солли - закончились смертью.” В 1858 году было предпринято три случая, и все они увенчались успехом, что во многом утвердило мистера Уэллса в его новой практике. Четвертую он проиграл и, чтобы объяснить причину, провел несколько экспериментов на животных, которые привели к важным усовершенствованиям методов, однако в течение 1859 года пять из одиннадцати операций привели к летальному исходу.

Перевод в 1860 году мистером Джоном Клеем из Бирмингема книги Кивиша “Болезни яичников” с его ценными таблицами, показывающими результаты всех зарегистрированных случаев, имел

огромное значение для прогресса овариотомии. С тех пор были внедрены значительные усовершенствования, исправлены ошибки предыдущих операторов, бихлорид метилена использовался с удовлетворительными результатами вместо хлороформа, были приняты меры предосторожности для предотвращения попадания любых инфекционных заболеваний, каждый медик, присутствовавший на операции, был подвергнут строгому допросу на предмет того, не был ли он в последнее время в комнате для вскрытия или *вскрытия*, и была проведена максимально возможная уборка дома, комнаты, постельных принадлежностей, одежды и инструментов. Действительно, на некоторых мерах предосторожности настаивали настолько строго, что порой они были весьма обидными. От старого растительного материала для лигатур и наложения швов, грубой веревки или шпагата, отказались, и после многих испытаний металлической проволоки был остановлен выбор на чистом шелке как наиболее надежном. Фактически, он полностью впитывается, и его не нужно вытаскивать снова. Множество задействованных сложных деталей не позволяет нам дать отчет об этапах, с помощью которых было достигнуто нынешнее совершенство. В 1864 году мистер Уэллс, выполняя данное им обещание записать и опубликовать весь свой опыт, благоприятный и неблагоприятный, опубликовал полный отчет о своих первых 114 случаях. С тех пор были опубликованы два расширенных отчета, один в 1872 году, содержащий отчет о 500 случаях, и второй в 1882 году, содержащий 1071 случай. Самое замечательное в истории - постепенное снижение смертности. В первой сотне случаев смертей было тридцать четыре; в последней они сократились до одиннадцати; в семидесяти одном случае, следующем за первой тысячей, умерло только четверо, в то время как шестьдесят семь выздоровели. И это несмотря на тот факт, что сэру Спенсеру Уэллсу часто приходится лечить пациентов, отвергнутых другими хирургами как неблагоприятные случаи. Недавний рекорд Томаса Кейта, хирурга из Абердина, согласно которому смертность составила всего три с половиной процента, даже превосходит этот удивительный результат. Нет необходимости рассказывать о том, как эта операция была принята большинством континентальных хирургов Великобритании и принесла отличные результаты.

Мы можем отметить, что уже в 1864 году мистер Уэллс рассматривал больничную атмосферу, органические микробы как причины чрезмерной смертности и прокомментировал исследования Полли с серой и сульфитами, еще до того, как антисептическое лечение получило заметное распространение. Когда система мистера Листера утвердилась, мистер Уэллс с радостью внедрил все ее необходимое в свою деятельность — спрей, карболизированные губки, инструменты и тому подобное. Он убежден, что благодаря этим мерам предосторожности те пациенты, которые выздоровели, гораздо меньше страдали от лихорадки, в то время как выздоровление проходило более быстрыми темпами, чем это было раньше. Фактически, общий результат овариотомии за последние двадцать пять лет таков: “тысячи погибающих женщин были спасены от смерти; еще много тысяч лет человеческой жизни, здоровья, наслаждения и полезности были даны человечеству и всем будущим жертвам болезни, прежде чем наступит неизбежное в своей фатальности утешение, надежда и почти уверенность в излечении”.

Благотворное влияние этого успеха, по словам сэра Джеймса Пейджета, распространилось на все отделения оперативной хирургии и всегда будет ощущаться. Это привело к расширению всей области перитонеальной хирургии, заставляя хирургов пытаться и упорствовать до тех пор, пока многие операции, которые ранее считались совершенно недоступными, не увенчаются успехом.

Сэр Спенсер Уэллс ни в коем случае не довольствуется продвижением прогресса оперативной хирургии; он возлагает большие надежды на профилактику и выступает за меры, рассчитанные на содействие точным исследованиям в области патологии. Он является решительным сторонником любых возможных действий Колледжа хирургов в этом направлении. Он говорит: "В то время как мы, современные хирурги, поздравляем нашу науку с ее освобождением от оков традиции; с тем, что она работает в атмосфере, очищенной от тумана суеверий; с изменением ее способа действия от слепой борьбы с фантомными проявлениями болезни к изучению и манипулированию переизбытком питания или дегенерирующими тканями; с тем, что у нее есть законы, которые можно понять, и правила практики, которым можно следовать, мы не должны упускать из виду один факт, который, возможно, более очевиден для посторонних, чем для нас, стоящих сейчас в пыли и суматохе арены нашей работы". . Я имею в виду, что эта работа, какой бы хорошей и полезной она ни была, слишком сильно напоминает то, что технически называется "спасением" — слишком сильно коррелирует с тем, что делает служба спасения на шлюпках".

Мистер Уэллс долгое время был членом Совета Колледжа хирургов, когда в 1882-3 годах он стал его президентом. В 1882 году ему присвоили титул баронета. Он ни в коем случае не ограничивался вопросами оперативной хирургии. Его общественные усилия часто были направлены на решение важных вопросов государственной и муниципальной политики, вопросы санитарии, борьбу с вредом от дыма, охрану здоровья пассажиров на борту судна, гигиеническое состояние больниц и, возможно, самое важное из всего, на способ захоронения умерших. Его взгляды на пороки нынешней системы хорошо изложены в письме, которое он направил в "Таймс" 3 марта 1885 года, из которого мы приводим следующую выдержку:

"В этом столичном округе за двадцать пять лет, 1859-1883, зарегистрировано 1896 314 смертей. Конечно, мертвые были похоронены, и почти без исключений, в Лондоне и его окрестностях. Допустим, что через десять лет тело может стать безвредным — хотя я вовсе не верю, что в нашей почве и климате это происходит в течение двадцати лет, — может ли какое-нибудь воображение представить себе огромную массу разлагающегося животного вещества, которым мы окружены? Может ли кто-нибудь удивляться вспышке какого-нибудь опустошительного мора, в сто раз более разрушительного, чем чума или черная смерть средневековья? И разве не должен каждый санитарный реформатор способствовать возрождению древней практики, которая превратила бы существующие кладбища, так быстро становящиеся источниками опасности для общественного здоровья, в постоянно красивые сады, вместилища для ваз и погребальных урн, что способствовало бы развитию скульптуры, настенного декора и цветного стекла; в то время как в наших деревенских церквях прах людей мог бы снова покоиться после смерти недалеко от места их работы при жизни совершенно безвредным, вместо того, чтобы загрязнять землю церковного двора и воду, которую пьют выжившие люди, или быть унесенным далеко от их домов и мест захоронения? поклонение какому-нибудь отдаленному кладбищу, которое вскоре должно стать переполненным и чумным. Общественное мнение может на какое-то время воспротивиться нововведению, но даже самое незначительное размышление заставит большинство людей согласиться с частью обращения епископа Манчестерского об освящении нового кладбища. Он сказал:—

"Вот еще сто акров земли, навсегда изъятых из зоны производства продовольствия в стране.... В том же смысле, в каком "Суббота была создана для человека, а не человек для субботы", я считаю, что земля была создана не для мертвых, а для живых. Ни одна разумная вера не может

предположить, что на какую-либо христианскую доктрину влияет то, каким образом или за какое время наше бренное тело рассыпается в прах”.

Сэр Спенсер Уэллс в своих частых сообщениях на эту тему особо подчеркивает тот факт, что Общество кремации требует таких несомненных доказательств естественной смерти перед кремацией тела, что ни одному убийце или отравителю не пришло бы в голову заполнить бланки. В Миланском крематории таким образом была фактически обнаружена смерть от яда, хотя считалось, что имела место только естественная смерть.

СНОСКИ:

[9] Опухоли яичников и матки: 1882.

[10] Обращение к Медицинскому обществу Мидленда, Бирмингем, 5 ноября 1884г.

ГЛАВА XVII.

СЭР УИЛЬЯМ ДЖЕННЕР, БАДД, МЕРЧИСОН И БРЮШНОЙ ТИФ.

Ни в одной области медицинских знаний в последнее время прогресс не был более заметным, чем в распознавании и прослеживании естественной истории болезней, известных как зимозные: и ни один человек не занимает более высокого положения в этой области исследований, чем сэр Уильям Дженнер. Он родился в Чатеме 30 января 1815 года в семье мистера Джона Дженнера и получил образование в Университетском колледже Лондона. Получив квалификацию врача общей практики, он начал практику и получил назначение хирургом-акушером в Королевскую благотворительную организацию по охране материнства. Вскоре он получил степень доктора медицины в Лондонском университете (1844) и ушел из общей практики. Его исследования в области патологии становились все более и более обширными, и его заслуги были настолько признаны, что в 1849 году он был избран профессором патологической анатомии в Университетском колледже и ассистентом врача в больнице Университетского колледжа.

В течение нескольких лет доктор Дженнер усердно учился в Лондонской больнице по борьбе с лихорадкой, стремясь найти прямой путь во многих запутанных вопросах, которые тогда обсуждались. В апреле 1849 года он начал публикацию в Ежемесячном журнале медицинской науки своей классической статьи “Брюшной тиф и тифозные лихорадки: попытка определить вопрос об их идентичности или неидентичности путем анализа симптомов и проявлений, обнаруженных после смерти в шестидесяти шести смертельных случаях продолжающейся лихорадки, наблюдавшихся в Лондонской лихорадочной больнице с января 1847 по февраль 1849 года”. В этом он заявляет, что “за немногими исключениями британские врачи пытались доказать, что брюшной тиф и тифозная лихорадка идентичны. Результаты, полученные в результате этого анализа, подтверждают утверждение о том, что это, по сути, разные заболевания.... В течение двух лет при различении двух заболеваний по одному только извержению не было допущено ни одной ошибки, насколько это могло быть доказано обследованием после смерти в случаях со смертельным исходом или прогрессом в несмертельных случаях после постановки диагноза ”.

История предыдущих исследований и колебания мнений превосходно изложены доктором Мерчисоном в его великой работе “Продолжающиеся лихорадки Великобритании”, 1862, 2-е изд. 1873. Доктор Х. К. Ломбард из Женевы, по-видимому, был первым, кто положительно заявил (в 1836 году), что “в Великобритании были две отчетливые и отдельные лихорадки; одна из них идентична заразному тифу, другая была спорадическим заболеванием, идентичным брюшному тифу Франции”. Однако он не указал на характерные высыпания и другие характеристики двух лихорадок. В тот же период доктор Дж. Герхард и Пеннок из Филадельфии пришли к более определенным выводам и определили, что филадельфийский тиф - это то же самое, что британский тиф, старая тюремная, лагерная и корабельная лихорадка, столь ужасно заразная и смертельная; в то время как определенные кишечные явления неизменно обнаруживались при другом типе брюшного тифа, который редко был заразным. Характерные высыпания и многие симптомы также были точно определены. За этими наблюдателями последовали другие, которые с большим или меньшим успехом и акцентом настаивали на тех же взглядах. Среди них были доктора Х. К. Барлоу и А. П. Стюарт, оба из которых прочитали важные доклады на эту тему перед Парижским медицинским обществом в 1840 году. В 1841 году знаменитый Луи во втором издании своего великого труда о брюшном тифе согласился с мнением, что английский сыпной тиф сильно отличается от лихорадки, которую он так подробно описал. Тем не менее, многие авторитетные врачи твердо придерживались своей идентичности, и большинство медицинских школ преподавали эту доктрину, которая не могла не замедлить прогресс. Очевидно, насколько неопределенное и вредное лечение должно было существовать в течение длительного периода из-за смешения этих двух заболеваний.

В своих сериях статей, опубликованных в 1849 и 1850 годах, доктор Дженнер подтвердил и расширил различия между симптомами двух лихорадок, сравнив выбранные случаи наиболее детально с точки зрения предшествующего состояния здоровья, цвета лица, пола, возраста, способа приступа, продолжительности, высыпаний, выражения во время болезни, манер, оттенка лица, наличия головной боли, бреда, потери мышечной силы, чувствительности, внешнего вида языка, боли, аппетита, жажды, пульса, кашля и легочных симптомов, а также многих других деталей, и наиболее тщательно описал *посмертные* проявления лихорадки. болезненное действие в каждом органе.

Что касается возраста пациентов, он показал с помощью расчетов, что брюшной тиф обычно поражал гораздо более молодых пациентов, чем сыпной тиф, средний возраст одного из его пациентов составлял 22 года, другого - 42 года. При сыпном тифе смерть наступала в среднем на четырнадцатый день, в то время как при брюшном тифе средний показатель приходился на тридцать второй день пребывания в больнице. Розовую сыпь при брюшном тифе, полностью исчезающую при надавливании и возобновляющую первоначальное появление при снятии надавливания, четко отличали от шелковичной сыпи при сыпном тифе. Можно считать, что его *посмертные* наблюдения нанесли смертельный удар идее о том, что брюшной тиф был просто сыпным тифом с абдоминальными осложнениями. В заключение серии статей (апрель 1850 г.) доктор Дженнер заметил по поводу предположения, что он сделал общие выводы из слишком ограниченного числа фактов: “Несколько фактов, беспристрастно замеченных, детально записанных и тщательно проанализированных, я полагаю, с большей вероятностью дадут правильные результаты, чем множество общих наблюдений; и более того, я полагаю, что большинство людей были бы удивлены, если бы у них были в наличии все случаи какого-либо заболевания, которые они когда-либо видели, но относительно которых они сделали обобщения. Принятый мною метод — каким бы пространным он ни был, как бы трудно ему ни

соответствовал, как бы утомительны ни были детали, к которым он приводит, — имеет то преимущество, что, если наблюдатель честен и способен замечать то, что находится перед ним, мыслящие люди могут судить о ценности его фактов, силе его рассуждений и правильности его выводов; тогда как общие наблюдения, хотя они и совершенно неспособны что-либо доказать, подвержены всем ошибочностям определенных утверждений, потому что одно, как и другое, в конечном счете основывается на точности наблюдаемых фактов. Если наблюдения, на которых основано любое рассуждение, ошибочны, никакое облекание этих наблюдений в общие термины не может сделать выводы правильными. Против определенных числовых утверждений были выдвинуты возражения, что они вводят читателя в заблуждение *ап видимостью* точности в случаях, когда в наблюдениях была большая неточность. Это возражение, как мне кажется, направлено против состояния ума читателя, а не против метода.... Чем сложнее задача, которую необходимо решить, тем тщательнее мы должны следить за тем, чтобы *каждый* шаг в ее решении был сделан правильно. Я затрудняюсь представить, каким образом обычные люди могут решать сложные вопросы, подобные тем, которые возникают в медицине, мысленно — *то есть*, без помощи цифр. И все же врачи думают решать с помощью мысленных мечтаний проблемы, по сравнению с которыми самые сложные из когда-либо решенных самыми известными вычислителями были детской забавой; и они не только думают решить эти проблемы, но и годами хранят в своих умах сложные материалы, с помощью которых они должны быть решены”.

Другая важная ветвь исследования доктора Дженнера касалась вопроса о том, является ли конкретная причина этих заболеваний различной или одной и той же, причем последнее было преобладающим мнением. В статье на эту тему, переданной Королевскому медико-хирургическому обществу 11 декабря 1849 г., он показал, что в 1847-8-9 годах при анализе всех случаев, когда двое или более больных лихорадкой поступали из одного дома, едва ли был зафиксирован хоть один случай, когда сыпной и тифоидный тиф поступали в одно и то же время из одного и того же дома. Почти во всех случаях эти две болезни происходили из совершенно разных местностей. Переходных случаев между ними не было; сыпь при брюшном тифе не переросла в сыпной тиф. Несколько раз было замечено, что, когда череда случаев происходила из одной и той же местности или, по-видимому, была вызвана одной и той же причиной, они удивительно совпадали по симптомам или другим признакам. Таким образом, доктор Дженнер считал, что он определенно доказал, что сыпной тиф и пародонтит возникают по совершенно разным причинам, результат, который современная медицинская наука принимает безоговорочно.

Хотя вклад этого выдающегося врача был столь велик, а его последующий успех на практике столь велик, он далек от мнения, что любой значительный шаг вперед в медицине был прямым результатом трудов одного человека. Спустя много времени после своих ранних статей, выступая перед Британской медицинской ассоциацией в 1869 году, сэр Уильям Дженнер сказал: “Молчаливые работники оказывают наиболее эффективную помощь, результаты их невысказанного опыта подтверждают или опровергают опубликованные утверждения немногих”. Он считает, что ни одна наука в нынешнюю эпоху не продвинулась так далеко, как медицина, и что она в равной степени продвинулась и как практическое искусство.

Назначения доктора Дженнера включают, среди множества других, должности врача больницы Университетского колледжа (1854), профессора клинической медицины (1857) и принципов и практики медицины (1862), врача больницы для больных детей (1852), ассистента врача

Лихорадочной больницы (1853). В 1864 году он был избран членом Королевского общества, а в 1881 году стал президентом Колледжа врачей. В 1861 году он был назначен чрезвычайным врачом королевы и сопровождал принца-консорта во время его последней болезни. В 1862 году он стал обычным врачом королевы и часто посещал ее Величество. В 1868 году он получил титул баронета, а в 1872 году был повышен до королевского звания за свои услуги во время болезни принца Уэльского от брюшного тифа.

Сэр Уильям Дженнер опубликовал чрезвычайно ценные клинические систематические лекции в медицинских журналах и небольшой трактат о дифтерии (1861). Его обращения к Британской медицинской ассоциации (1869) и Эпидемиологическому обществу (1866), опубликованные вместе, превосходны как резюме современного прогресса медицины и как указание на направления, в которых могут быть достигнуты будущие успехи. Он самым решительным образом настаивает и горячо желает предотвращения болезней и демонстрирует поразительную готовность приветствовать новые открытия.

Среди провинциальных врачей наших дней можно было встретить несколько более ярких личностей, чем Уильям Бадд из Клифтона. Он был одним из младших сыновей мистера Сэмюэля Бадда, успешного практикующего врача в Северном Тотоне в Девоншире, который, обладая очень высокой культурой и дальновидностью, воспитал большую часть своей большой семьи дома и в конечном итоге смог приобщить семерых из девяти сыновей к медицинской профессии, отправив семерых в Кембридж, где пятеро стали рэнглерами. Один из старших братьев, Джордж Бадд, долгое время был профессором медицины в Королевском колледже Лондона, автором превосходного трактата о болезнях печени и самым успешным лондонским врачом. Уильям Бадд родился в сентябре 1811 года; его медицинское образование продолжалось в Лондоне, Эдинбурге и Париже, в последнем из которых он провел четыре года. Получив степень доктора медицины в 1838 году в Эдинбурге, он некоторое время после этого помогал своему отцу в его практике в Северном Таутоне, и здесь в 1839 году начал свои пожизненные исследования брюшного тифа, поскольку сам уже страдал этим недугом. У него были особые преимущества в этом исследовании, поскольку он был лично знаком с каждым жителем деревни, и поскольку как практикующий врач он почти полностью владел этой областью, почти каждый, кто заболел, не только в самой деревне, но и на большой территории вокруг нее, немедленно попадал под его опеку. На момент вспышки лихорадки население в одиннадцать или двенадцать сотен человек было практически не подвержено лихорадкам. Однако канализационной системы не было; преобладали выгребные ямы; свинарники располагались рядом с домами; и были обнаружены все условия разложения; но лихорадка не возникала до тех пор, пока она не была специально введена. В июле 1839 года произошел первый случай заболевания тифом, и к началу ноября от него пострадали более восьмидесяти жителей. Молодой Бадд вел точный и подробный учет каждого существенного факта и не жалел сил на выяснение всех посторонних фактов, которые ему требовалось знать. Он был чрезвычайно поражен тем фактом, что три человека покинули Северный Таутон после того, как заразились, и все трое сообщили о болезни одному или нескольким людям, которые их окружали. Рассказ, который доктор Бадд изложил много лет спустя в своей книге “Брюшной тиф: его природа, способы распространения и профилактики” (1873), похож на роман из-за его интересных деталей, хотя и печален своей историей боли и смерти. Он показывает, что, очевидно, существует специфический яд, который размножается в живом человеческом теле, и

что этот процесс размножения составляет саму лихорадку. По сути, это его заразность, передача от тела к телу специфического вещества или микроба, который при размножении вызывает лихорадку. Это он назвал главным фактом в его истории. Далее он полагал, что все выделения, исходящие от больного тифом, в определенной степени заразны, но то, что выделяется из кишечника, несравненно более вирулентно, чем что-либо другое. Везде, где не было сделано достаточных мер для предотвращения заражения почвы и воздуха в населенных пунктах, несмотря на самые просторные комнаты, самую свободную вентиляцию и тщательный уход, он обнаружил, что реальной защиты от распространения лихорадки не было. Тот факт, который противоречит взглядам доктора Бадда, что обслуживающий персонал редко переносит брюшной тиф, вовсе не противоречит его учению, поскольку, если бы они не получали в свой организм через молоко, воду, пищу или воздух часть специфического яда брюшного тифа, они бы, конечно, не страдали.

В 1842 году доктор Бадд поселился в Клифтоне, а в 1847 году был избран врачом Бристольского королевского лазарета. В течение ряда лет он читал лекции в Бристольской медицинской школе и неустанно работал над формированием и распространением своих взглядов на природу и способ распространения зимозных заболеваний. Он не был простым теоретиком, но во всех своих занятиях преследовал самые практические цели, стремясь убедить своих собратьев-медиков, как государственные власти, так и частных лиц, в настоятельной необходимости самых тщательных, хорошо продуманных и непрерывных методов дезинфекции. По сути, он был великим санитаром и поборником профилактической медицины. Чистая вода была для него одной из величайших панацей. Бристольский водопроводный завод был одним из заветных объектов его пропаганды и наблюдения. Его поразительная ясность видения и сила убеждения делали его несколько нетерпимым к яростному противодействию, с которым встречались его взгляды. Долгое время он был практически один в своей нелегкой борьбе. Он не ставил свои взгляды полностью перед профессией до 1857-60 годов, когда опубликовал серию статей в "Ланцете", впоследствии воплощенных в его работе о брюшном тифе; но он задолго до этого преподавал их в Бристольской медицинской школе и практически сам действовал в соответствии с ними. В тот удручающий период противодействия, с которым он столкнулся, почти единственным сочувствием, на которое он мог рассчитывать, было сочувствие покойного сэра Томаса Уотсона, который очень поощрял его, считая его исследования бесценными. Приободренный таким образом, Бадд продолжил пропагандировать свои взгляды, догматически это верно, но в исключительно привлекательной манере, поскольку он обладал природной добротой и свободой от всякой зависти. Его впечатляющее красноречие было не более поразительным, чем его логическая сила, которая очевидна во всех его работах.

Азиатская холера, вспыхнувшая в Бристоле в 1866 году, застала Уильяма Бадда и Бристоль подготовленными. Смертей от этого разрушителя в 1849 году было 1979, в 1866 году их было всего 29, несмотря на то, что болезнь разразилась очень серьезно и произошла в двадцати шести различных населенных пунктах. Профилактические меры Бадда и его строгие планы дезинфекции оказались успешными. Он сделал предметом специального изучения заразные болезни животных; и его вывод состоял в том, что с некоторыми из них можно было адекватно справиться, только немедленно забив инфицированных животных. Такой точки зрения он придерживался в отношении ужасной чумы крупного рогатого скота 1866 года, и его совету "использовать секиру и яму негашеной извести", хотя поначалу его высмеивали, пришлось

последовать после того, как были нанесены большие потери из-за того, что он не последовал ему ранее.

Доктор Бадд был избран членом Королевского общества в 1870 году. Помимо своей знаменитой работы о брюшном тифе и множества разрозненных публикаций в медицинских журналах и обществах, доктор Бадд был автором следующих работ, многие из которых представляют очень большую ценность: “Злокачественная холера: способ ее распространения и профилактика” (1849); “Скарлатина и ее профилактика” (1869); “Сибирская чума крупного рогатого скота, или брюшной тиф у быков” (1865); “О болезнях, которые симметрично поражают соответствующие части тела” (1842); “Исследования подагры” (1855); “Сибирская чума крупного рогатого скота, или брюшной тиф у быков” (1865). Холера и дезинфекция, или Азиатская холера в Бристоле в 1866 году” (1871); “Натуральная оспа овец — или Законы заразных эпидемий, проиллюстрированные экспериментальным типом” (1863). Он был опытным рисовальщиком и превосходным фотографом и широко использовал эти искусства в своих исследованиях. Он хорошо владел французским, немецким и итальянским языками и был хорошо знаком как с континентальной, так и с английской медицинской литературой. Он работал с неутомимой энергией и трудолюбием, имея обширную практику, простирающуюся далеко за пределы Бристоля: но попытка совместить это с таким количеством оригинальных исследований оказалась непосильной для его конституции. Изначально он был сильным, но был ослаблен двумя приступами лихорадки, и, наконец, в 1873 году его здоровье пошатнулось, и это привело к тому, что он окончательно оставил практику и поселился в Кливдоне, где и умер 9 января 1880 года. Незадолго до своего ухода на пенсию он передал своему другу доктору Пейджету из Кембриджа краткое изложение результатов многолетнего изучения легочной чахотки относительно ее передачи от человека к человеку органическими микробами. В то время это было опубликовано в the Lancet, но, к сожалению, более полные исследования, о которых там говорится, никогда не были представлены широкой публике. Но в связи с брюшным тифом и другими заразными лихорадками он произвел на эту тему неизгладимое впечатление своего великого гения.

Усилия Чарльза Мерчисона, который умер раньше Бадда, хотя и был намного моложе, были в основном посвящены опровержению взглядов Бадда на микробную теорию зимозных заболеваний. Он принадлежал к той же абердинширской семье, из которой происходил геолог сэр Родерик Мерчисон, и родился на Ямайке в 1830 году. Его отец, сам врач, провел свои последние дни в Элдджине, где сначала получил образование его сын Чарльз. Уже в 1845 году он поступил в Абердинский университет, но в 1847-8 годах начал изучать медицину в Эдинбурге и в последующие годы добился многочисленных отличий и значительной известности как прилежный и успешный студент. В 1850 году он был домашним хирургом Сайма. В августе 1857 года, когда он окончил университет, он получил золотую медаль за свою диссертацию по патологии болезненных новообразований. Далее он учился в Дублинской Ротонде и в Париже, откуда отправился в Индию, где был назначен профессором химии в Медицинском колледже Калькутты. На этом посту он был успешен и как экспериментатор, и как разоблачитель. Позже он отправился с армией в британскую экспедицию против Бирмы и воспользовался возможностью, чтобы сделать ценные наблюдения о климате и болезнях Бирмы, которые впоследствии опубликовал.

Вернувшись в Англию в 1855 году, Мерчисон стал членом Лондонского колледжа врачей, врачом Вестминстерского общего диспансера и преподавателем анатомии в больнице Святой Марии. В 1856 году он был назначен ассистентом врача в больницу Королевского колледжа, с этой должности он ушел в отставку в 1860 году и присоединился к персоналу больницы Мидлсекса. Кроме того, с 1856 года он занимал должность помощника врача в Лондонской больнице по борьбе с лихорадкой, неуклонно проводя там, как и везде, свои исследования природы и причин заразных заболеваний, от которых он сам дважды страдал в виде сыпного тифа, оставившего у него проблемы с сердцем, которые в конечном итоге привели к его смерти.

В 1862 году появилась работа Мерчисона “Продолжающиеся лихорадки Великобритании”, посвященная, в частности, сыпному тифу и рецидивирующим лихорадкам. В ней он исчерпывающе рассматривает историю, географический ареал, причинно-следственную связь, симптомы, лечение и многие другие вопросы, связанные с лихорадками, и особенно старается свести свои наблюдения к числовому выражению. Он был твердо убежден, что эти болезни можно предотвратить и что они возникают в определенных нездоровых и нечистых условиях, способных в каждом конкретном случае вырабатывать определенные яды. Но поскольку он начал свою работу в Лондонской больнице по борьбе с лихорадкой, полагая, что тиф и тиф - это всего лишь разновидности одной болезни, несмотря на публикации Стюарта и Дженнера, он до последнего настаивал на том, что точка зрения Бадда о микробном происхождении брюшного тифа была ошибочной, и что даже если брюшной тиф передается микробами, он может возникнуть заново, когда возникнут благоприятные условия для разложения. Он считал доказанным, что брюшной тиф постоянно возникает там, где присутствуют разлагающиеся сточные воды, но где все усилия не позволяют обнаружить заражение от предыдущего больного тифом.

Работа Мерчисон сразу же была признана стандартной. Первое издание быстро разошлось, и оно было переведено на немецкий. Однако публикация второго издания была отложена до 1873 года из-за сильного желания Мерчисона сделать свою книгу как можно более полной статистически. Первое издание было основано на 6703 случаях продолжающейся лихорадки, поступивших в Лондонскую лихорадочную больницу в 1848-57 годах, но второе включало результаты гораздо большего числа, 28 863, поступивших в течение 1848-70 годов, таким образом, давая полную историю болезни лихорадочной больницы с того времени, когда различные продолжающиеся лихорадки были впервые выявлены в 1848 году. Такая работа демонстрирует высочайшую энергию и решительность. Эта работа должна была выполняться в промежутках между растущей практикой и преподаванием в больнице. К тому времени, когда ему исполнилось сорок лет, Мерчисон был одним из ведущих лондонских врачей и продолжал полноценно работать до самой своей смерти.

Мерчисон занимал видное место не только в области борьбы с лихорадками и публиковал работы огромной ценности. В 1868 году он опубликовал превосходную серию “Клинических лекций о заболеваниях печени”, которая вышла вторым изданием в 1877 году, когда он добавил к ним Лекции Круна о “Функциональных расстройствах печени”, прочитанные в Колледже врачей в 1874 году. В 1871 году, когда открылась новая больница Святого Томаса, Мерчисон был приглашен присоединиться к ее персоналу в качестве полноправного врача и совместного лектора по медицине. В этой растущей школе он в полной мере раскрыл свой огромный талант преподавателя-клинициста. О его успехах в этом качестве the Lancet писала^[11]— “Его преподавание было отражением его исключительной ясности мысли и выражения, которая не

только привлекала ученика своей отчетливостью и блеском, но и давала ему метод, на основе которого он основывал свои собственные факты и наблюдения”. Его инаугурационная речь в качестве президента Патологического общества в 1877 году стала еще одним доказательством его заметной оригинальности мышления.

Достижения и личная привлекательность Мерчисона были столь же замечательными, как и его профессиональные таланты и трудолюбие. У него были очень обширные познания в ботанике, зоологии, химии и геологии, и он редактировал палеонтологические мемуары своего друга Хью Фальконера, исследователя миоценовой фауны Сиваликских холмов. Ловля рыбы нахлыстом была его любимым развлечением. “Судя по внешнему виду, - пишет the Lancet, “ доктор Мерчисон был немного ниже среднего роста и до начала своей смертельной болезни обладал крепким телосложением, с видом человека, хорошо подготовленного к жизненным испытаниям и борьбе. У него была большая голова, высокий и округлый лоб, черные волосы и глаза удивительной яркости и силы выражения. В манерах он был сдержан, скуп на слова и свободен от той импульсивности, которая приветствует обычных знакомых в жизни как уважаемых друзей. Однако тем, кто знал его близко, полностью открылся его характер, и они обнаружили в нем глубину любви, нежности и сочувствия, а также постоянство и преданность в дружбе, редко встречающиеся у более демонстративных натур ”. Он особенно привязывался к молодым представителям своей профессии и никогда не жалел времени и сил, помогая им своими советами и сочувствием. Он серьезно страдал от болезни сердца в течение нескольких лет до своей смерти, которая наступила внезапно в промежутке между уходом одного пациента и объявлением о появлении другого, 23 апреля 1879 года.

СНОСКИ:

[11] Заметка о некрологе, 3 мая 1879 г., стр. 645.

ГЛАВА XVIII.

СЭР ДЖОЗЕФ ЛИСТЕР И АНТИСЕПТИЧЕСКАЯ ХИРУРГИЯ.

Снова и снова на этих страницах проиллюстрировалась наследственная преемственность научных способностей. Не менее яркий пример можно найти в случае с сэром Джозефом Листером, сыном мистера Джозефа Джексона Листера, Ф.Р.С., из Аптон-Хауса, Эссекс, который, по словам преподобного Дж. Б. Рида, Ф.Р.С., в его президентском обращении к Королевскому микроскопическому обществу в 1870 году, “поднял составной микроскоп из его примитивного и почти бесполезного состояния до уровня самого важного инструмента, когда-либо дарованного искусством исследователю природы”. Мистер Дж. Дж. Листер родился в Лондоне 11 января 1786 года, его родители были членами Королевского микроскопического общества. общество друзей. В четырнадцать лет он бросил школу, чтобы помочь своему отцу в торговле вином; но, хотя в течение многих лет он был плотно занят бизнесом, он ухитрился рано вставать и иным образом дополнять свое простое школьное образование и добиться успехов в математике, а также в целом ознакомиться с большинством предметов литературы, естественных наук и искусства. Его пристрастие к оптике проявилось рано. Будучи маленьким ребенком с близорукими глазами, он любил смотреть сквозь пузырьки воздуха в оконном

стекле, что позволяло ему более четко видеть удаленные объекты. В школе он был единственным мальчиком, у которого был телескоп. Вскоре он пристрастился к микроскопическим исследованиям; но только в 1824 году, когда ему было 38 лет, он задумался об улучшении предметного стекла составного микроскопа и сделал предложения У. Талли, оптик, в результате чего был создан новый предмет - стекло, гораздо менее толстое и неуклюжее, которое быстро стало любимым. 21 января 1830 года он прочитал доклад перед Королевским обществом “Об усовершенствовании составных микроскопов”, в котором сообщалось о замечательном открытии существования двух апланатных фокусов в двойном ахроматическом предметном стекле. Это послужило основой для последующих важных улучшений. В 1837 году он передал Эндрю Россу конструкцию $\frac{1}{8}$ -дюймового объектива из трех составных линз, благодаря чему слава этого производителя значительно возросла, и на многие годы он стал стандартной формой для high power. Он также провел несколько заметных исследований “О структуре и функциях трубчатых полипов и асцидий” (Phil. Пер. 1834), и независимо пришел к тем же выводам, что и сэр Джордж Эйри, покойный королевский астроном, относительно пределов человеческого зрения, определяемых природой света и глаза; но его статья на эту тему так и не была опубликована из-за публикации исследований сэра Джорджа Эйри. Он сохранил крепкое здоровье и увидел своего сына Джозефа в надежном обладании славой, скончавшись 24 октября 1869 года. Его сын записывает[12], что “он был самым бескорыстным, скрупулезно не хотел задевать чувства других и чрезвычайно щедр в денежной поддержке общественных филантропических объектов, а также в тайных актах благотворительности. Несмотря на горячую привязанность к религиозному обществу друзей, к которому он принадлежал, он был человеком очень либеральных взглядов и католических симпатий. Но венцом изящества этого прекрасного персонажа, хотя оно и могло скрывать его богатые дары от тех, кто не был с ним близок, были редчайшая скромность и христианское смирение”.

Джозеф Листер родился в 1828 году и получил степень бакалавра в Лондонском университете в 1847 году. Пройдя курс медицинского обучения в Университетском колледже Лондона, он получил степень магистра в 1852 году, получив золотые медали по анатомии и ботанике на первом экзамене на степень магистра, а также стипендию и золотую медаль по хирургии на выпускном экзамене. В 1852 году он стал членом Королевского колледжа хирургов, а в 1855 году получил аналогичную квалификацию в Эдинбурге. Он женился на дочери мистера Сайма, в то время профессора хирургии Эдинбургского университета.

Посвятив себя физиологическим исследованиям по вопросам, имеющим широкое отношение к практической медицине и хирургии, мистер Листер приобрел широкую известность как оригинальный исследователь в сравнительно раннем возрасте, и его положение в области физиологии было обеспечено серией работ, которых было бы достаточно, чтобы сделать его карьеру незабываемой, если бы он никогда не применял антисептические средства для лечения заболеваний. Начав с некоторых наблюдений за сократительной тканью радужной оболочки в 1853 году, он перешел к изучению мышечной ткани кожи, оттока млечной жидкости и мельчайшей структуры произвольных мышечных волокон, по всем этим темам его статьи опубликованы в “Журнале микроскопической науки”. В 1857 году он начал свою серию статей для Королевского общества, первая из которых была посвящена функциям висцеральных нервов с особым упором на тормозную систему. Это получило дальнейшее развитие в “Исследовании частей нервной системы, которые регулируют сокращения артерий” (Фил. Пер.

с англ. 1858). Но две его наиболее важные статьи того периода - "О ранних стадиях воспаления" (1857) и "О свертывании крови", прочитанные в качестве Лекции Круна в 1863 году.

В течение нескольких лет мистер Листер преподавал хирургию в Эдинбургской внеакадемической школе. Впоследствии он был избран профессором хирургии в Университете Глазго и хирургом Королевского лазарета Глазго.

Пока мистер Листер проводил эти встречи, произошли обстоятельства, которые были рассчитаны на то, чтобы в высшей степени стимулировать усилия по поиску какого-либо метода перевязки ран, который должен был устранить опасность гнилостных изменений. Примерно в 1860 году на территории этого лазарета была возведена новая хирургическая больница, и хотя были приняты многие из наиболее одобренных принципов больничного строительства, здание оказалось крайне нездоровым. Пиемия, рожистое воспаление и больничная гангрена вскоре проявили себя, в среднем наиболее серьезно поражая те части здания, которые ближе всего к земле. В течение нескольких лет мистер Листер обнаружил, что в его мужском отделении неотложной помощи, расположенном на первом этаже, когда почти на всех койках лежали пациенты с открытыми язвами, болезни, возникающие в результате больничной атмосферы, несомненно, присутствовали в обостренной форме; тогда как, когда у значительной части пациентов не было внешних ран, это зло было значительно смягчено или полностью отсутствовало. В тот период управляющие очень хотели установить в палатах дополнительные кровати, чтобы обеспечить жильем быстро растущее население Глазго; и мистер Листер решительно сопротивлялся такому увеличению числа своих подопечных. Некоторые палаты действительно временами подвергались такой серьезной смертности, что их приходилось закрывать на различные периоды. Одно конкретное посещение было настолько серьезным, что было решено провести расследование, чтобы выяснить, если возможно, причину зла, которое, как можно было бы подумать, могло быть совершено в более ранний период. Велико было потрясение всех, кого это касалось, когда они обнаружили, что в нескольких дюймах под поверхностью земли, за двумя нижними мужскими отделениями неотложной помощи, между которыми находился только подвал шириной в четыре фута, находился самый верхний ярус из множества гробов, которые были помещены туда во время эпидемии холеры 1849 года. Трупы претерпели так мало изменений за это время, что одежда, которая была на них во время поспешного погребения, была отчетливо различима. Удивительно было не то, что эти палаты на первом этаже были нездоровыми, а то, что они не были абсолютно заразными. Однако в то самое время, когда было сделано это шокирующее разоблачение, мистер Листер смог заявить в обращении, с которым он обратился к Британской медицинской ассоциации в Дублине в 1867 году, что за предыдущие девять месяцев, в течение которых в его палатах применялись его новые антисептические методы лечения, у них не было ни одного случая пиемии, рожистого воспаления или больничной гангрены.

Заведующие лазаретом, конечно, сделали все, что было в их силах, чтобы исправить это нездоровое положение вещей. Они вылили на землю большое количество карболовой кислоты и негашеной извести, считая это менее опасным действием, чем пытаться удалить разлагающуюся массу; они покрыли землю дополнительным слоем земли и приняли другие меры. Сама больница была расположена далеко не лучшим образом в других отношениях. Она примыкала к старому соборному кладбищу, часто использовавшемуся для "захоронения в ямах" нищих в самом плачевном состоянии. И все же в течение двух с четвертью лет, прошедших между выступлением в Дублине и отъездом мистера Листера из Глазго в Эдинбург,

его новая антисептическая система в основном продолжала работать так же успешно, как и раньше.

В течение 1864 года профессор Листер был сильно поражен сообщением о замечательном воздействии карболовой кислоты на сточные воды города Карлайл: примесь в очень небольшой пропорции не только предотвращает появление неприятного запаха на землях, орошаемых отбросами, но и уничтожает энтозоа, которые обычно поражают крупный рогатый скот, питающийся на таких пастбищах. Поскольку его внимание в течение нескольких лет было в значительной степени направлено, как мы видели выше, на тему нагноения, особенно в его связи с разложением, он увидел, что такой мощный антисептик был специально приспособлен для экспериментов с целью выяснения этого вопроса, и, таким образом, ему пришла в голову применимость карболовой кислоты для лечения сложных переломов.

Антисептическая система была внедрена в практику в лазарете Глазго в марте 1865 года, но сначала применялась почти исключительно при сложных переломах (или тех, при которых имеется внешняя рана) и абсцессах. С 1867 года он использовался почти во всех хирургических случаях. Он возник в результате изучения мистером Листером микробной теории Шванна и Пастера и связанных с ними экспериментов. Он повторил многие эксперименты и разработал новые методы, рассчитанные на то, чтобы проверить, способны ли они объяснить явления гниения. Этого было достаточно, чтобы определенно доказать, что при гниении развитие таких организмов, которые мог обнаружить микроскоп, и сопутствующие гнилостные изменения были вызваны мельчайшими микробами, взвешенными в атмосфере. Прекрасные эксперименты профессора Тиндалла, с помощью которых он продемонстрировал совершенный способ, которым вата фильтрует воздух от взвешенных в нем частиц, привели к идее (предложенной доктором Мередит из индийской службы мистеру Листеру), что вату можно с пользой использовать в качестве антисептической повязки. Сама вата должна быть очищена от микробов каким-либо антисептическим средством, поскольку, согласно теории, воздух внутри нее должен содержать микробы. Но главной особенностью, на которую долгое время опирался мистер Листер, было обильное использование карболовой кислоты в такой форме, чтобы предотвратить возникновение гниения в соответствующей части тела.

Первая статья мистера Листера на эту тему, опубликованная в журнале the Lancet за 1867 год, задела за живое, что редактор этого журнала подчеркнул следующим образом 24 августа того же года (стр. 234): “Если выводы профессора Листера относительно действия карболовой кислоты на сложные переломы будут подтверждены дальнейшими экспериментами и наблюдениями, будет трудно переоценить важность того, что мы действительно можем назвать его открытием. Ибо, хотя он основывает свое хирургическое применение карболовой кислоты на исследованиях М. Пастера, применение этих исследований к случаям сложных переломов, вскрытых абсцессов и других недавних ранений полностью принадлежит ему”. Риск заражения крови после операций, сам по себе незначительный, был объявлен единственным большим порицанием хирургии. Оперативному мастерству хирургов не было предела, но существовал ничтожный и серьезный риск фатальных последствий, от которых у хирурга не было защиты. Мистер (ныне сэр Джеймс) В 1862 году Педжет выдвинул идею, значение которой мы теперь можем видеть более ясно, когда он сказал, что наилучшие результаты, которые он наблюдал в случаях пиемии, были у пациентов, которых держали днем и ночью на ветру. Теперь мы видим, что фактически это сводилось к постоянному прохождению над пациентом воздуха, менее насыщенного микробами, чем воздух комнаты или палаты, в которую он был помещен. Мистер

Листер рассматривал уничтожение этих микробов в области раны и предотвращение доступа свежих микробов.

Возможно, пример проиллюстрирует этот вопрос лучше, чем теоретическое изложение. 31 декабря 1868 года на молодом теленке нескольких дней от роду был проведен эксперимент под воздействием хлороформа, а именно перевязка сонной артерии с помощью антисептической системы нитями, состоящими из тканей животных. Все использованные нити были замочены на четыре часа в насыщенном водном растворе карболовой кислоты, который разбух и размягчил их. Волосы возле раны были коротко подстрижены, и раствор карболовой кислоты в льняном масле хорошо втирался в кожу, чтобы уничтожить любые гнилостные организмы, залегающие у корней волос. Губки, использованные при операции, были отжаты из водянистого раствора кислоты, и все инструменты, введенные в рану, вместе с пальцами левой руки оператора и медной проволокой, используемой для наложения швов, были обработаны тем же лосьоном, часть которого была влита в рану после наложения последнего шва, через один из промежутков, оставшихся для отхождения выделений, чтобы исключить вероятность того, что свежая кровь, которая могла вытекать в процессе наложения швов, попала обратно и унесла с собой свежие микробы. Внешняя повязка представляла собой полотенце, пропитанное масляным раствором карболовой кислоты, сложенное шириной в длину шеи, обернутое так, чтобы оно свободно выходило за пределы раны и с помощью нескольких приспособлений не соскальзывало. Лист гуттаперчевой ткани был наложен снаружи, чтобы предотвратить загрязнение антисептического полотенца извне. Несколько унций масляного раствора ежедневно выливали на полотенце в течение первой недели, после чего повязки оставляли нетронутыми в течение трех дней, а затем полностью удаляли. Рана была обнаружена довольно сухой и лишенной болезненности. Когда животное впоследствии убивали, лигатуры превращались в живую ткань; и такие эксперименты доказали, насколько ценными могут быть волокна животных в качестве лигатур при антисептической системе.

Опять же, часть ваты пропитывали примерно одной двухсотой частью паров карболовой кислоты от ее веса, и поверхность гранулирующей язвы и окружающую кожу промывали разбавленным раствором кислоты. Затем накладывали кусок промасленного шелка размером с рану, чтобы предотвратить высыхание повязки от прилипания насквозь. Поверх этого был наложен кусок сложенной льняной тряпки гораздо большего размера, пропитанный парами карболовой кислоты так же, как вата; это предназначалось для впитывания любых выделений из раны. Наконец, поверх всего была надежно закреплена накладываемая друг на друга масса из карболизированной ваты. Результатом было то, что, хотя все химические антисептические свойства покинули повязку за счет испарения летучей карболовой кислоты через день или два, гниение было практически исключено ватой на любой период времени.

Впоследствии была принята на вооружение другая разновидность защитного материала, а именно антисептическая марля - рыхлая хлопчатобумажная ткань, волокна которой пропитаны карболовой кислотой, заключенной в нерастворимой смоле. Промежутки между волокнами были очищены от этих ингредиентов, чтобы пористая ткань могла легко впитывать выделения. Укладывая это в достаточное количество слоев и покрывая все это слоем макинтоша, выделения были вынуждены проходить по всей длине антисептической повязки. Таким образом, можно было почти с уверенностью сказать, что если в ране или абсцессе не осталось гнилостных загрязнений, то они не проникнут в них, какими бы обильными ни были выделения.

Если для лечения была представлена рана, нанесенная кем-то другим, а не хирургом, то наверняка было внесено немного пыли, которая, вероятно, содержала гнилостные микробы. Их энергию сначала нужно было уничтожить, промыв необработанную поверхность каким-нибудь сильным антисептическим средством. Но при проведении операции на ранее неповрежденной коже мистер Листер посчитал, что он может вообще предотвратить попадание септических частиц, действуя в атмосфере антисептика. Это было обеспечено путем создания струи карболовой кислоты высочайшего качества. Это было чрезвычайно эффективно, когда раствор, из которого производился спрей, состоял всего из одной части карболовой кислоты на 100 частей воды.

Здесь мы должны ограничить наше подробное описание антисептической системы. Под ним вскрываются большие нарывы, вещество выдавливается, и свежее вещество не образуется, и лечение производится в тяжелых случаях, которые раньше почти никогда не излечивались. Артерии перевязываются с неизвестной ранее надежностью. Ампутации и иссечения выполняются с удивительной безопасностью и снижением смертности. Даже старческая гангрена показывает обнадеживающие результаты, о которых ранее не могло быть и речи. Приемля, больничная гангрена и рожистое воспаление были практически исключены из палат, где система работает должным образом. Недавно была представлена модификация, в которой используется не летучее вещество, как в случае с карболовой кислотой, а разбавленный раствор агрессивного сублимата в сочетании с белком. В настоящее время для сэра Джозефа Листера готовят марлю, пропитанную этим веществом, и она может стать общепринятой; но вряд ли она заменит карболовую кислоту для очистки инструментов, губок, кожи или в качестве замены карболовому аэрозолю. Конкретная форма антисептика - это вопрос деталей, совершенствование которого может продолжаться еще долго; но развитие основной идеи предотвращения доступа микробов, которые могут вызывать гнилостные изменения тем или иным методом, и, насколько это возможно, уничтожения их, когда они получили доступ, останется связанным с сэром Джозефом Листером как достижением высочайшей силы; более того, его имя, по-видимому, придаст нашему языку новое слово, а именно листеризм, под которым понимаются существенные черты его системы.

Профессор Листер был награжден Королевской медалью Лондонского королевского общества в 1880 году, ранее он получил высокую награду Макдугалла Брисбена от Королевского общества Эдинбурга в 1875 году за замечательную статью о микробной теории ферментативных изменений. В декабре 1883 года он получил титул баронета. Университеты Кембриджа, Эдинбурга и Глазго присвоили ему почетную степень доктора права, а Оксфордский - D.C.L. В течение нескольких лет он был хирургом в больнице Королевского колледжа, сменив сэра Уильяма Фергюссона.

СНОСКИ:

[12] Ежемесячный микроскопический журнал, 1870, iii. стр. 143.

ГЛАВА XIX.

СЭР ТОМАС УОТСОН, СЭР ДОМИНИК КОРРИГАН, СЭР УИЛЬЯМ ГАЛЛ И КЛИНИЧЕСКАЯ МЕДИЦИНА.

Основоположник медицинской профессии сэр Томас Уотсон скончался в 1882 году в почтенном возрасте девяноста лет, всеми любимый и почитаемый. Однако он написал всего одну обширную работу, "Лекции о принципах и практике физики", и не сделал никакого поразительного открытия. Но написать книгу, которую читает каждый образованный практикующий, и читает с восторгом и удовлетворением, - это достижение, данное немногим, хотя и есть те, кто стремится к этому. А личный характер сэра Томаса Уотсона был столь же уникален, сколь ценны были его советы.

Томас Уотсон родился 7 марта 1792 года в Монтрате (ныне Далфорд). Дом недалеко от Каломптона, Девоншир, где в то время жил его отец, Джозеф Уотсон, нортумбриец по происхождению. Он получил образование в начальной школе Бери Сент-Эдмундс, где был школьным товарищем Бломфилда, впоследствии епископа Лондонского, и большим другом Уотсона. В 1811 году он поступил в колледж Святого Иоанна в Кембридже и стал десятым рэнглером и стипендиатом своего колледжа. В то время только два стипендиата Сент-Джонса могли сохранить свои стипендии, не принимая орденов, и один из них должен был изучать медицину. Это обстоятельство помогло Уотсону обратить внимание на медицину в 1819 году, когда в возрасте 27 лет он поступил в больницу Святого Варфоломея и попал под сильное влияние Абернети. Во время сессии 1820-1822 годов он посещал медицинские лекции в Эдинбургском университете, а в 1822 году получил лицензию на врачебную практику в Кембридже. Но академические занятия были продолжены, и Уотсон брал частных учеников, среди которых был лорд Окленд, впоследствии епископ Бата и Уэллса, и занимал должность проктора в 1823-4 годах. В 1825 году он получил степень доктора медицины и женился на мисс Джонс, племяннице Тернера, декана Норвича и магистра Пембрук-колледжа. Вскоре после этого он устроился врачом на Генриетта-стрит, Кавендиш-сквер, Лондон, на этой улице он продолжал жить в течение пятидесяти семи лет. Его жена умерла, к его глубокому сожалению, пять лет спустя, оставив ему сына и дочь, к которым он был преданно привязан.

Уотсон с самого начала своей лондонской карьеры был признан выдающимся человеком, и в 1827 году он был избран врачом больницы Мидлсекса. В 1828 году, после открытия Университетского колледжа, он был назначен профессором клинической медицины, сохранив свой пост в больнице Мидлсекса; но в 1831 году он перевел свои услуги лектора в Королевский колледж, став профессором судебной медицины. В эти годы практика приходила, но медленно. В 1831 году он сделал свой первый вклад в медицинскую литературу в форме "Замечаний о вскрытии Бишопа и явлениях, сопровождающих смерть от удушения" (Medical Gazette). Бишоп убил итальянского шарманщика и привез тело в Королевский колледж для продажи: Бишоп повесили, и его тело, как и тело его жертвы, доставили в Королевский колледж для вскрытия. С этого времени доктор Ватсон внес многочисленные вклады в "Медицинскую газету", которые в значительной степени воплотились в его последующей великой работе. В июле 1832 года он был выбран сопровождать сэра Вальтера Скотта из Лондона в Эдинбург, когда тот в последний раз возвращался из Италии в Эбботсфорд.

В 1836 году доктор Ватсон был назначен заведующим кафедрой принципов и практики медицины в Королевском колледже, а следующей зимой прочитал первую часть тех лекций, на

которых зиждется его слава. Вскоре они стали хорошо известны и еженедельно печатались в "Медицинском вестнике" в 1840-2 годах. Наконец, они были опубликованы Паркером в двух томах в 1844 году и стали признанной медицинской классикой. Мистер Паркер проявил праведную щедрость, когда их крупная продажа принесла крупную сумму, выделив автору две трети прибыли вместо половины, как было условлено, и вручив ему тысячу двести фунтов в качестве первого взноса. Уотсон уже в 1840 году отказался от своей кафедры в Королевском колледже, вместо того чтобы покинуть свой старый пост в больнице Мидлсекса, но в 1843 году из-за роста частной практики он был вынужден отказаться даже от этого. С тех пор, особенно после ухода доктора Чемберса на пенсию в 1848 году, он много лет возглавлял лондонскую практику. Однако он не был назначен одним из экстраординарных врачей королевы до 1859 года; в 1861 году его вызвали для оказания помощи принцу-консорту в связи с его смертельной болезнью, а в 1866 году он получил титул баронета, получив в 1870 году дальнейшее назначение обычным врачом королевы. Колледж врачей избрал его президентом в 1862 году, и этот пост он занимал в течение пяти лет. С 1858 по 1860 год он представлял Колледж в Генеральном медицинском совете. В 1857-8 годах он был президентом Патологического общества, а в 1868 году стал первым президентом Клинического общества. В 1859 году он был избран членом Королевского общества.

Две цитаты из вводной лекции Уотсона к его курсу помогут указать на некоторые качества, которые обеспечили его книге такую популярность. Ссылаясь на изучение анатомии и физиологии, он говорит: "Не думайте, что я отклоняюсь от своего предмета, когда прошу вас помнить, насколько глубоко интересно, насколько почти ужасно изучение само по себе и ради него самого, раскрывающее, что оно, несомненно, и делает, неподражаемое мастерство Божественной Руки. Не теряйте и не пренебрегайте этим великим и удивительным уроком. Не слушайте тех, кто может сказать вам, что не стоит искать доказательства цели в этой области изучения, что видимый механизм этой сложной, но удивительно совершенной и гармоничной работы, тело животного — бесчисленные примеры средств, подходящих для достижения цели, пригодности для использования, даже предполагаемых приспособлений для удовлетворения будущих потребностей, прямых средств для счастья и наслаждения - что все это вообще не имеет силы в истинной философии как свидетельство замысла. Со своей стороны, я заявляю, что я не могу не воспринимать своим ментальным зрением очевидные признаки цели в строении тела, так же как я не могу не видеть открытыми глазами среди бела дня предметы, которые стоят перед моим лицом".

Опять же, он характеризует профессию врача благородными словами. "Профессия врача, имеющая своей целью общее благо человечества, ничего не знает о национальной вражде, о политической розни, о сектантских разногласиях. Болезнь и страдание - единственные условия его служения, его не беспокоят опасения по поводу справедливости или честности дела его клиента; но он раздает свои особые блага, без ограничений или угрызений совести, людям любой страны или партии, ранга и вероисповедания, а также людям, не имеющим религии вообще. И подобно качеству милосердия, любимой служанкой которого является милосердие, оно "благословляет того, кто дает, и того, кто берет", постоянно вкладывая в наши сердца и понимание самые впечатляющие уроки, самые торжественные предупреждения. Мы должны знать, во скольких случаях, составляющих на самом деле подавляющее большинство, телесные страдания и болезни являются естественными плодами дурного поведения — грехов наших отцов, наших собственных необузданных страстей, недоброжелательного духа других. Мы также видим пользу от этих суждений, которые милосердно призваны вывести людей из-под сильного

обаяния чувств и дремоты временного благополучия, уча, что нам полезно иногда страдать. Знакомые со смертью во всех ее многообразных проявлениях, изо дня в день становясь свидетелями ее внезапного удара, ее медленной, но открытой осады, ее тайных и коварных приближений, мы не имеем права забывать о том, что наше собственное пребывание также кратко и неопределенно, наши возможности мимолетны, а наше время, даже если оно самое долгое, очень коротко, если измерять его нашими моральными потребностями и интеллектуальными устремлениями ”.

Эти лекции были проданы самыми большими тиражами среди всех подобных работ при жизни автора. Пять больших изданий были опубликованы под его собственной редакцией. Он самым беспощадным образом изменил свои прежние взгляды с развитием науки и проявил редкую скромность в выражениях по этому поводу. Доктор Чарльз Уэст превосходно обрисовал характер своего друга (“Медикал Таймс энд Газетт”, 16 декабря 1882 г.): “Он не претендовал на гениальность; он не сделал великого открытия. Хотя он был ученым, он не был более образованным, хотя и хорошим оратором, он не был более красноречивым, чем многие из его современников, чьи имена сейчас почти забыты; и все же он, по всеобщему согласию, считался наиболее полной иллюстрацией высочайшего типа врача. Его моральные, а также интеллектуальные качества во многом определяли оценку, которая формировала его характер. Его способности были удивительно уравновешенными, его ум был в высшей степени справедливым. Он обладал этим даром — атрибутом и наградой истины — способностью интуитивно обнаруживать все надуманные ошибки. Следовательно, хотя с каждым годом приобретаемый опыт придавал все большую ценность его учениям и его трудам, это мало что давало ему для того, чтобы разучиться или отказаться от высказываний. У него был широкий взгляд на каждый вопрос.... Он пользовался знаниями из всех источников и для любых целей, кроме тщеславной демонстрации; он использовал теории, чтобы проиллюстрировать свои факты и указать на их значение, но не более того, сознавая, что при несовершенном знании было бы бесполезно пытаться построить правильную теорию.... Возьмите его учение, в целом, он кажется мне более, чем кто-либо из тех, кого я когда-либо знал, несомненным наследником величайшего английского врача-практика Томаса Сайденхэма ”.

Другой автор в “Британском медицинском журнале” от 23 декабря 1882 г. говорит о его безмятежном и мягком характере, его скромном достоинстве, его великодушной доброте, его неизменной ясности суждений. “Ничто из того, что происходило в профессиональном мире, имеющее человеческое или научное значение, не было ему чуждо; и среди его современников мало найдется людей, которые в то или иное время не обращались бы к нему за советом и наставлением. Уступчивый до крайних пределов доброты, он никогда не был открыт для обвинений в том, что выступает за компромисс.... Действительно, редко можно встретить человека, о котором можно было бы сказать так, как о нем, что в нашей профессии нет ни одного человека, который когда-либо отказался бы принять суждение сэра Томаса Уотсона по любому личному или профессиональному вопросу как окончательное. Его чувство справедливости, его привычное отношение во всех деталях к неопровержимым принципам, его гибкость ума и быстрое восприятие характера обеспечили ему редкое, но вполне оправданное превосходство даже над самыми способными из его современников ”. После долгой старости, проведенной в уединении от практики, но в продолжении энергичных профессиональных исследований, о чем он рассказал в небольшой книге об уничтожении заразных болезней, опубликованной еще в 1879 году, достопочтенный человек умер от старости в резиденции своего сына в Рейгейте, в графстве Суррей, 11 декабря 1882 года.

Родившийся примерно через десять лет после последнего упомянутого выдающегося врача, Доминик Джон Корриган в течение многих лет занимал должность в Дублине, несколько параллельную должности Уотсона в Лондоне. Он был уроженцем Дублина, родился 1 декабря 1802 года, его отец был торговцем с Томас-стрит. Получив образование сначала в мирском колледже Святого Патрика в Мейноте, он поступил на медицинское обучение как ученик доктора О'Келли из Мейнута, который предвидел, что его ученик способен занять самое высокое положение в профессии, и посоветовал отправить его в Эдинбургскую медицинскую школу. Однако часть своего медицинского образования он получил в Дублине, где посещал клинические лекции в больнице сэра Патрика Дана. Его эдинбургская степень датируется 1825 годом.

Развивающаяся наука патологии произвела глубокое впечатление на юного Корригана, и после того, как он поселился в Дублине в качестве врача диспансера на Мит-стрит, он посвятил себя оригинальным исследованиям. Одним из главных результатов его исследований стала его классическая статья “Постоянная проходимость устья аорты, или недостаточность аортальных клапанов”, опубликованная в Эдинбургском медицинском и хирургическом журнале в апреле 1832 года. Эта статья начиналась со следующего утверждения: “Заболевание, которому дано вышеупомянутое название, насколько мне известно, не было описано ни в одной из работ по болезням сердца. Цель настоящей статьи - восполнить этот дефицит. Заболевание не является редкостью. Он обеспечивает значительную долю случаев нарушения сердечной деятельности и заслуживает внимания из-за своих специфических признаков, своего прогресса и своего лечения. Патологическая суть заболевания заключается в неэффективности клапанного аппарата в устье аорты, вследствие чего кровь, направляемая в устье, регургитирует в желудочек. Эта регургитация и признаки, которыми она обозначается, не обязательно связаны с каким-то конкретным изменением структуры клапанного аппарата”. Одной из особенностей этих случаев, которую Корриган был первым, кто полностью описал, был необычный характер пульса, с тех пор широко известный как “пульс Корригана”. Сильная видимая пульсация в артериях головы, шеи и рук, изменяющая свое положение с каждым ударом сердца и выступающая под кожей, с тех пор доказала, что во множестве случаев было распознано заболевание клапанов аорты. Полный импульс, за которым следует почти полный коллапс, с тех пор называют “подергиванием, всплеском или коллапсированием”, или “импульсом гидравлического удара”. Также было отмечено особое пульсирующее возбуждение, ощущаемое пальцем в крупных верхних артериях, а также “bruit de souffle”, слышимое как аккомпанемент сердечных тонов. Корриган исправил ошибочный взгляд Лаэннека на причину этого ожога в предыдущей статье в “Ланцете”, том ii, 1829, стр. 1.

Доктор Корриган в течение нескольких лет ревностно продолжал исследовать функции сердца и в основном экспериментировал с сердцами рыб и рептилий. Он опубликовал важную статью “О движениях и звуках сердца” в “Дублинских медицинских трудах”, 1830, часть i. В этот период своей карьеры, когда практика еще была весьма скудной, он был очень воодушевлен, прочитав “Жизнь британских врачей, от Линакра до Гуча”, опубликованную в 1830 году, и впоследствии он ссылаясь на нее как на доказательство того, что “есть только один путь к совершенству и успеху в нашей профессии, и это постоянная учеба и упорный труд; и у вас, по крайней мере, всегда будет такое утешение в самый унылый час вашего труда, что ни один гордый человек не пренебрегает своим долгом перед недостойными”. могу преградить тебе путь”.

Уйдя со своего поста в диспансере на Мит-стрит, Корриган стал последовательно прикрепляться к лихорадочной больнице на Корк-стрит и к больнице на Джервис-стрит. Тем не менее, Ирландский колледж врачей не смог разглядеть его великих заслуг и внес его в черный список, когда он был впервые предложен для членства, ошибка, которую они впоследствии в какой-то мере искупили, избрав его своим президентом на пять лет подряд и заказав его статую работы Фоули по окончании срока его полномочий. В 1833 году он начал читать лекции по медицинской практике в Медицинской школе Кармайкла, и практика быстро росла. В 1840 году он был назначен врачом в больницы Палаты представителей промышленности, этот пост он занимал до 1866 года. Здесь он прочитал заслуживающий внимания курс лекций о природе и лечении лихорадки, который был опубликован в 1853 году. Он принял и укрепил современные взгляды на отличие брюшного тифа от сыпного тифа.

В 1841 году доктор Корриган стал членом сената нового Королевского университета, в котором через тридцать лет он был назначен вице-канцлером. В 1849 году Дублинский университет присвоил ему звание почетного доктора медицины. Он был усердно предан обременительным обязанностям уполномоченного по национальному образованию. Что касается практики, он стал самым популярным и высокооплачиваемым врачом, которого Дублин когда-либо видел, в течение многих лет к нему обращалось больше обращений, чем он мог принять, и через несколько лет он получал до 9000 фунтов стерлингов в год гонорара. В 1866 году он получил титул баронета как за свое медицинское положение, так и за важные заслуги в национальном образовании. Он также был ординарным врачом королевы Ирландии.

Будучи членом Генерального медицинского совета с 1858 года до своей смерти, сэр Доминик Корриган оказывал сильное влияние на повышение уровня профессионального образования. Он был красноречивым и живым спорщиком и вовсе не чурался проявления словесной драчливости, но его очень любили. В 1868 году сэра Доминика убедили выдвинуться в качестве продвинутого кандидата от либералов на пост представителя города Дублина в парламенте; однако в тот раз он потерпел поражение. В 1870 году он был избран большинством более чем в тысячу голосов и заседал в парламенте до 1874 года. Изначально обладавший прекрасным телосложением, в последние годы жизни он сильно страдал от подагры и умер после приступа паралича 1 февраля 1880 года.

Преемственность врачей-клиницистов хорошо сохранилась и в наши дни в лице сэра Уильяма Уизи Гулла, баронета. Уильям Галл родился в последний день декабря 1816 года в Торп-ле-Сокене, Эссекс, получил частное образование и рано стал студентом больницы Гая в Лондоне. К этому заведению он был так привязан, что в течение пятнадцати лет проживал в его стенах или непосредственно рядом с ними. В 1841 году он стал магистром Лондонского университета, а в 1846 году доктором медицины. Он был избран членом Колледжа врачей в 1846 году и профессором физиологии фуллериана в Королевском институте в 1847 году, который он занимал до 1849 года.

Очень скоро после получения степени магистра медицины доктор Галл был назначен помогать ученикам школы Гая в их учебе, или, другими словами, он стал медицинским наставником. В 1843 году он начал читать лекции по натурфилософии. В 1846 году он прочитал важные лекции по физиологии и сравнительной анатомии в медицинской школе Гая. Тем временем примерно в 1843 году доктор Галл был назначен постоянным управляющим приютом для двадцати женщин-

сумасшедших, содержание которого Гай распорядился поддерживать. Он близко познакомился с доктором Конолли, чье имя навсегда будет связано с рациональным лечением душевнобольных в этой стране, и, применив усовершенствованные методы, доктор Галл в конце концов добился такого успеха, что все пациенты были выписаны излеченными, а занимаемые ими палаты были отведены для лечения острых случаев, более подходящих для ухода в больнице общего профиля. Тем временем доктор Галл был назначен ассистентом врача в Guy's и со временем стал полноценным врачом. В этом качестве его клиническое обучение долгое время было одной из важных особенностей Guy's. В 1856 году он стал соучредителем по медицине, и эту должность с большим отличием занимал до 1867 года. На данный момент он был вынужден отказаться от своего назначения из-за растущих требований практики; но он по-прежнему прикреплен к Guy's в качестве врача-консультанта.

Практика, действительно, пришла к доктору Галлу слишком рано, чтобы медицинская наука смогла извлечь максимальную пользу из его оригинальных исследований. Но все, что он написал, имело высокую ценность и заслуживало глубокого рассмотрения. Среди его работ можно упомянуть "Лекции Гульстониана о параличе" ("Медицинская газета", 1849), "очерки об ипохондрии и абсцессе мозга" в "Системе медицины" Рейнольдса и отчетах больницы Гая за 1857 год; о параплегии - в отчетах больницы Гая за 1856, 1858 и 1861 годы; о нервной анорексии и кретиноидном состоянии - в Трудах Клинического общества, том vii. Его доклад о холере, совместно с доктором Бали, для Колледжа врачей (1854), и его доклад, совместно с доктором Саттоном, об артериокапиллярном фиброзе (Мед. Chir. Transactions, vol. lv.), занимают высокое место в качестве оригинальных материалов, с которыми авторы всегда должны консультироваться по этим темам.

В речи, произнесенной перед Хантерианским обществом в 1861 году, доктор Галл воспользовался случаем, чтобы выразить протест против распространенного предубеждения в отношении специалистов. "Кто может специализироваться," спрашивает он, "на расстройствах и болезнях желудка, в то время как его связи и симпатии столь универсальны? Как может существовать специальный 'мозговой врач', в то время как функции мозга настолько зависят от самых отдаленных частей и влияют на самые разнообразные? Опухоль в головном мозге может свидетельствовать о своем присутствии только по нарушениям в желудке, а расстройство желудка и его придатков может иметь своими наиболее выраженными симптомами только различные нарушения в работе мозга".

В своем выступлении на тему "Клинические наблюдения в связи с медициной" перед Британской медицинской ассоциацией в 1868 году доктор Галл таким образом выразил свое беспристрастное отношение к медицине: "У нас нет системы, которой нужно удовлетворять; нет догматических мнений, которые нужно навязывать. Нам нечего скрывать от себя невежество, ибо мы признаем это". "Медицина - это специализация, но не узкого толка. Мы должны препарировать природу, что для практики лучше, чем абстрагировать ее". "Для клинической медицины тело становится патологическим музеем. В каждой части мы распознаем определенные склонности к болезненным действиям; и цель нашего исследования - проследить эти тенденции до их источника, с одной стороны, и до их последствий - с другой". "Последствия болезней могут проявляться в третьем или четвертом поколении, но законы здоровья действуют для тысячи". "К счастью, в наши дни гигиена набрала достаточно сил,

чтобы сохранить независимое положение в науке. Знать причины болезней и противодействовать им до того, как они станут эффективными, очевидно, является триумфом нашего искусства; но пройдет много времени, прежде чем человечество станет достаточно мудрым, чтобы принять помощь, которую мы могли бы оказать ему в этом направлении. Незнание законов здоровья и невоздержанность всех видов слишком сильны для нас. И все же мы продолжим вести бессмертный крестовый поход; и, поистине, мы можем поздравить себя с тем, что ни один крестовый поход никогда не призывал более способных и преданных воинов, чем те, что участвуют в нем ”.

В 1870 году доктор Галл выступил с харвейской речью перед Королевским колледжем врачей и убедительно заявил о своей обязанности предотвращать болезни. Действительно, он твердо верит в то, что когда-нибудь в будущем должность врача исчезнет. “Я не сомневаюсь, что для нас со всех сторон крайне важно ограничить и, по возможности, искоренить все болезни любого рода. Кто взял бы на себя ответственность за то, чтобы позволить предотвратимому злу тлеть в обществе под предлогом знания божественных замыслов или под предлогом того, что таким образом будет укреплена общественная мораль? Долг, который лежит на нас ближе всего, всегда должен быть первым требованием; и нельзя не признать, что ближайшая обязанность каждого человека по отношению к своему ближнему состоит в том, чтобы уберечь его, насколько это возможно, от всякого вреда, даже если этот вред может возникнуть как следствие его собственной вины. Не будет подвергнуто сомнению и то, что дело нравственности в большей степени продвигается благодаря благотворному вмешательству, чем если позволить себе пассивно наблюдать, как невоздержанность и порок разрушают и заражают сами источники жизни ”.

Тем временем доктор Галл добился многих высших наград в своей профессии. Он был одним из первых выпускников Лондонского университета, получивших место в его Сенате, которое он продолжает занимать. Он был цензором Колледжа врачей в 1859-61 и в 1872-3 годах, а также членом совета в 1863-4 годах. Оксфорд присвоил ему степень D.C.L. в 1868 году, Королевское общество избрало его своим членом в 1869 году, Кембридж последовал его примеру, получив степень доктора права в 1880 году, а Эдинбург в 1884 году. Он был назначен коронным членом Генерального медицинского совета в 1871 году и занимал этот пост до 1883 года, когда ушел в отставку. Его успешное посещение принца Уэльского в 1871 году совместно с сэром У. Дженнером стало поводом для получения им титула баронета в 1872 году и назначения экстраординарным врачом королевы.

Свидетельство, данное сэром Уильямом Галлом комитету лордов по невоздержанности в 1877 году, часто упоминается как одно из самых ценных пособий по воздержанию, оказанных врачом. Он явно придавал алкоголю как лекарству второстепенное значение и выражал свое убеждение, что его ценность заключается главным образом в его действии на нервную систему как седативного средства, а не как стимулятора. Далее он заявил, что очень большое количество людей в обществе умирают день за днем, отравленные алкоголем, но не должны быть им отравлены. В случае с нетрезвыми пациентами он не побоялся бы вообще прекратить употребление алкоголя. Он не видит ничего хорошего в постепенном прекращении употребления алкоголя. “Если вы вводите яд в кровь, я не вижу преимущества в том, чтобы изо дня в день снижать его уровень.... Исходя из своего опыта, я должен сказать, что алкоголь - самый разрушительный агент, о котором мы знаем в этой стране ”.

Его собственный пример чрезвычайно поучителен. “Если я лично устаю от переутомления, то моя еда очень простая. Я ем изюм вместо того, чтобы пить вино.... Я должен сразу присоединиться к тем людям, которые считают, что интеллектуальная работа не может быть настолько успешной без вина или алкогольных напитков. Я бы отрицал это утверждение и придерживался прямо противоположного”. В книге Эллис Хопкинс "Жизнь Джеймса Хинтона", к которой сэр Уильям Галл написал предисловие, мы узнаем еще один секрет выносливости популярного врача из записей ранних конституционализмов в парках и отдаленных пригородах, с шести до восьми утра.

В 1882 году в "полемике о вивисекции" сэр Уильям Галл, писавший в девятнадцатом веке, показал, что его сочувствие борьбе физиологов за их науку сочеталось с полностью соответствующей оценкой ценности физиологических исследований для медицины. “Ежегодно в этой стране, ” говорит он, - более двадцати тысяч человек, детей и других лиц — в основном детей — умирают от скарлатины; и еще почти двадцать тысяч - от брюшного тифа; и одной из главных причин этой смертности является высокая температура крови, возникающая в результате нарушения процесса лихорадки. Поэтому неудивительно, что физиологи и врачи с тревогой и кропотливостью занялись исследованием того механизма живого организма, который в здоровом состоянии поддерживает столь постоянную температуру при различных обстоятельствах, как внутренних, так и внешних, и который так легко и фатально выводится из строя при болезни.... Лихорадочное состояние, должно быть, привлекало внимание человека с младенчества. Матери эпохи палеолита, должно быть, наблюдали, как их дети погибали в нем, как это делают матери наших дней. Название этого огненного состояния так же старо, как литература.... Эту огненную печь, с ее бесчисленными миллионами жертв, наука надеется закрыть”.

“Нет сомнений в том, что физиологические эксперименты полезны, полезны как для животных, так и для человека. Поэтому они оправданны.... Нет ничего более жестокого, чем невежество. В течение скольких веков человеческие страдальцы терпели боль, которую теперь можно предотвратить с помощью лучших знаний? Сколько тысяч людей умерли от оспы до открытия вакцинации? Сколько сейчас умирает от туберкулеза и золотухи людей, которых могло бы спасти лучшее знание их состояния? Однако стремлению к этим знаниям в Англии препятствуют вопли о жестокости — жестокость, являющаяся не чем иным, как прививкой некоторых низших животных туберкулезными и золотушными веществами с целью изучения течения болезни и способов профилактики. Жестокость, очевидно, заключается не в проведении этих экспериментов, а в препятствовании распространению прогрессивных знаний”.

ГЛАВА XX.

СЭР ДЖЕЙМС ПЭДЖЕТ И ХИРУРГИЧЕСКАЯ ПАТОЛОГИЯ.

Выдающийся хирургический философ и оратор своего времени, сэр Джеймс Пэджет был призван занять президентское кресло на Международном медицинском конгрессе, который собрался в Лондоне в августе 1881 года. Это стало кульминацией долгой научной карьеры и успешной практики. Сэр Джеймс - младший брат доктора Г. Э. Пейджета, регионального

профессора медицины Кембриджского университета, и родился в Ярмуте в Норфолке в 1814 году. После курса профессионального обучения в больнице Святого Варфоломея в Лондоне мистер Пейджет получил квалификацию члена Лондонского колледжа хирургов в 1836 году. Его энергия и проницательность вскоре были представлены властям, и его выбрали для составления каталога и описания Патологических музеев Святого Варфоломея, а также Колледжа хирургов совместно с мистером Стэнли. Эти важные работы внесли немалый вклад в укрепление научной репутации мистера Пейджета.

В июле 1842 года мистер Пейджет, будучи преподавателем патологической анатомии в больнице Святого Варфоломея, опубликовал в "Британском и зарубежном медицинском обозрении" исчерпывающий отчет об основных результатах, полученных при использовании микроскопа в изучении анатомии и физиологии человека; впоследствии он был издан отдельно. Будучи заимствованным из оригинальных источников и имея полные ссылки, он представлял большую ценность в критический период роста знаний о мельчайшей анатомии. В течение нескольких лет мистер Пейджет составлял ценные отчеты о прогрессе в области анатомии и физиологии человека.

Сорок лет назад мистер Пейджет уже был директором колледжа Святого Варфоломея и преподавал физиологию в больнице. На открытии сессии 1846 года он обратился к студентам с красноречивой и практической речью на тему "Мотивы усердия в изучении медицины". Его призывы к высшим побуждениям были наиболее убедительными и очень свидетельствовали о духе, который должен был вдохновлять его на протяжении всей жизни. "Не воображайте, " сказал он, " что ваши обязанности будут ограничены событиями жизни или смерти. Посещая палаты этой больницы, отметьте для себя некоторые из едва ли не менее важных вопросов, на которые, возможно, вам будет разрешено ответить по прошествии нескольких лет. В одном случае вы обнаружите сомнение в том, будет ли остаток жизни пациента проведен в страданиях или в легкости и комфорте; в другом - будет ли он и те, кто зависит от его труда, жить в безнадежной нужде или в сравнительном изобилии. Тот, кто привык помогать своим собратьям, находит основания опасаться, что он может лечь тяжелым бременем на их благотворительность. Другой считает дни болезни не столько по боли и усталости, сколько по страданиям и растерянности тех, кто остался дома без проводника и, возможно, умирает с голоду. О, джентльмены! Я не могу представить себе большей смелости, чем у него, кто пренебрег бы изучением своей профессии и все же отважился бы отстаивать интересы, подобные этим; и я не могу представить себе честолобия более благородного, зависти, столь похвальной, как стремление подражать достижениям тех, кто ежедневно проводит через опасные периоды болезни и кто во всех этих различных трудностях и опасностях может действовать с энергией и спокойствием, которые являются истинным свойством знания ".

Примерно в то же время мистер Пейджет опубликовал интересную брошюру, содержащую все записи о Харви, сохранившиеся в дневниках церкви Святого Варфоломея, с поясняющими их примечаниями. Между тем, будучи назначен профессором анатомии и хирургии в Колледже хирургов, должность, которую он занимал с 1847 по 1852 год, лекции, которые он читал, публиковались в медицинских журналах, а также с восторгом слушались большой аудиторией, были признаны одним из самых выдающихся современных вкладов в хирургическую науку. Его длительное изучение коллекций патологоанатомов, принадлежащих колледжу и Больнице Святого Варфоломея, при подготовке каталогов позволило ему проиллюстрировать свои лекции самым интересным и ценным образом. Лекции были собраны и опубликованы в 1853 году и с тех

пор занимают такое же высокое положение, как лекции по медицине сэра Томаса Уотсона. Они иллюстрируют общую патологию основных хирургических заболеваний в соответствии с современными достижениями физиологии. В нескольких недавних изданиях выдающийся ученик сэра Джеймса Пейджета, профессор Тернер из Эдинбурга, пересмотрел лекции с патологической точки зрения, в то время как автор продолжил пересматривать их в клиническом аспекте.

Основными темами, по которым проходят эти знаменитые лекции, являются: питание, Гипертрофия, атрофия, восстановление, воспаление, Умерщвление, специфические заболевания и опухоли. Заключительный отрывок второй лекции, посвященный “Условиям, необходимым для здорового питания”, представляет собой прекрасное изложение взгляда на взаимосвязь между разумом и изменяющимся мозгом. “Во всех этих вещах, как и в явлениях симметричной болезни, у нас есть доказательства исключительной точности процесса формирования, точности настолько точной, что, как мы можем сказать, отметина, однажды нанесенная на частицу крови или ткани, годами не стирается с ее потомков. И это, по-видимому, истина самого широкого применения; и я едва ли могу сомневаться, что в этом заключается решение того, что было сделано препятствием для восприятия всей истины, касающейся связи нематериального разума с мозгом. Когда говорят, что мозг необходим как орган или инструмент ума в его отношениях с внешним миром, не только для восприятия ощущений, но и для последующих интеллектуальных актов, и особенно для запоминания вещей, которые были объектами чувств, — спрашивается, как мозг может быть органом памяти, если вы предполагаете, что его субстанция постоянно меняется? или как получается, что предполагаемое вами изменение питания всех частиц мозга не так разрушительно для всей памяти и знаний о чувственных вещах, как внезапное разрушение в результате какой-нибудь серьезной травмы? Ответ таков— из-за точности усвоения, достигаемой в процессе формирования; эффект, однажды произведенный впечатлением на мозг, будь то в восприятии или в интеллектуальном акте, фиксируется и сохраняется там; потому что та часть, какой бы она ни была, которая была изменена таким образом, точно представлена в той части, которая в процессе питания следует за ней. Таким образом, при воспоминании о чувственных вещах разум относится к мозгу, в котором сохраняются последствия или, скорее, подобия изменений, произведенных прошлыми впечатлениями и интеллектуальными действиями. Подобно тому, как каким-то образом, выходящим за рамки нашего знания, разум воспринял и осознал изменение, произведенное первым впечатлением от объекта, воздействующим через органы чувств на мозг; точно так же впоследствии он воспринимает и распознает подобие этого изменения в частях, вводимых в процессе питания.

Однако и здесь может сказаться тенденция возвращаться к прежнему состоянию или меняться с возрастом. Отпечаток может быть постепенно утрачен или вытеснен, и разум, по своей собственной бессмертной природе неизменный и неизменяемый ничем земным, больше не находит в мозгу следов прошлого”.

В 1854 году мистер Пейджет прочитал одну из серий лекций по образованию в Королевском институте, в которых приняли участие Уэвелл, Фарадей и другие. Его лекция о важности изучения физиологии как отрасли образования для всех классов была отмечена возвышенностью мысли и практичностью цели. Один интересный момент, на котором он остановился, заключался в том, что более широкая система образования с большей вероятностью выявила бы людей, пригодных для определенной работы. “Это казалось шансом,

“ сказал он, - который привел почти каждого из наших лучших физиологов к соответствующей работе; шансом, потеря которого могла обрекать его на жизнь, полную неудач, в каком-нибудь занятии, к которому у него не было ни способностей, ни любви”. Ценность физиологических инструкций в настоящее время общепризнанна, но практическим применением почти так же часто пренебрегают.

Сэр Джеймс Пэдджет опубликовал слишком мало своих мыслей для широкой публики и профессионалов; но все, что было дано миру, имело неоценимую ценность. Его клинические лекции и эссе, собранные в 1875 году, включают в себя некоторые из самых интересных чтений, какие только можно себе представить. Среди прочих тем он рассматривает различные риски операций, бедствия хирургии, заикание другими органами, помимо органов речи, случаи, которые лечат костоправы, яды для вскрытия и конституциональные заболевания. Некоторые из наиболее поучительных из этой серии - те, которые описывают формы нервной имитации серьезных заболеваний. Выдержка из “Бедствий хирургии” ясно выражает взгляды сэра Джеймса Пэдджета на подготовку к операции:

“Очень внимательно относитесь к своему аппарату. Я не сомневаюсь, что вы будете очень внимательно следить за лезвиями ваших ножей, пил и всех предметов, с которыми трудно обращаться; но обратите внимание на пластырь, обратите внимание на лигатуры и швы и на все то, что обычно называют второстепенным. Когда я видел, как работают сэр Уильям Фергюссон и сэр Спенсер Уэллс, я никогда не знал, чем восхищаться больше: полным знанием того, что нужно делать, мастерством рук или чрезвычайной тщательностью, с которой все оборудование настраивается и подготавливается заранее. Самый совершенный гипс, самый совершенный шелк - ни одна тривиальная вещь не уступает самому полному совершенству, на которое она способна. Я не сомневаюсь, что конечный успех их операций был обусловлен как этими меньшими вещами, так и теми большими, в которых они являются мастерами ”.

Лекция о ядах для вскрытия была особенно вызвана болезнью, от которой он страдал в течение трех месяцев в 1871 году, заразившись во время *посмертного* обследования пациента, умершего от пиемии. И все же у него не было ни одной раны или трещины на коже. В заключение лекции сэр Джеймс заметил: “Сэр Уильям Лоуренс обычно говорил, что он не знал ни одного выздоравливающего, по делу которого консультировались более семи человек. Наше искусство улучшилось. Я имел счастье присутствовать при десяти: сэре Томасе Уотсоне, сэре Джордже Берроузе, сэре Уильяме Дженнере, сэре Уильяме Галле, докторе Эндрю, докторе Джи, мистере Сезаре Хокинсе, мистере Сейвори, мистере Томасе Смите, мистере Каркике. В этом множестве советников была безопасность. Благодарность, которой я обязан им, больше, чем я могу выразить словами — больше, чем когда-либо могут доказать все свидетельства моего уважения ”.

В обращении о богословии и науке, произнесенном перед студентами Школы духовенства в Лидсе в декабре 1880 года, сэр Джеймс Пэдджет отмечает, что “в богословии и в христианской вере, которую оно излагает, есть не только четкие свидетельства, которым, по их накопленной силе, не могут, я думаю, оказать разумного сопротивления те, кто честно соберет и испытает их; но и убеждения в религиозной вере, не всегда основанные на знании или на других доказательствах, кроме веры, которая является “доказательством невидимых вещей”, которые справедливо могут рассматриваться как неизменные, потому что они согласуются с откровением и были подкреплены свидетельствами множества свидетелей, и, я верю, во многих

умах они имеют свидетельство пребывающего в них Божьего Духа ". Он выражает веру в то, что истины и наивысшие вероятности науки и религии могут справедливо поддерживаться вместе, хотя и на разных основаниях, и что они не находятся в пределах досягаемости прямой взаимной атаки. Он советует студентам-священнослужителям, если они затрагивают подобные вопросы, заняться каким-нибудь реальным изучением естественных наук путем наблюдения, эксперимента, коллекционирования, а также чтения. "И пусть ваше чтение будет посвящено работам лучших мастеров, чтобы вы могли узнать их истинный дух, их силу, их методы наблюдения и мышления, их точность в описании".

Сэр Джеймс Пэдджет предстает сторонником умеренности в современной полемике по алкогольному вопросу. Он говорит, что презумпция в пользу умеренности усиливается при сравнении тех представителей нашей расы, которые этого не делают, и тех, кто обычно употребляет алкогольные напитки. "Что касается работоспособности, физической или умственной, не может быть сомнений в том, что преимущество на стороне тех, кто употребляет алкогольные напитки. И именно такого рода преимущество является наиболее желанным. Долголетие - не единственный и не лучший критерий ценности вещей, которыми мы живем. Это может быть всего лишь долгая старость или долгие годы праздности или уныния, бесполезные как для отдельного человека, так и для расы. То, чего больше всего хотелось бы, - это национальная сила и воля к хорошей работе и правильному мышлению, а также длительный период жизни, наиболее подходящий для этого; и факты показывают, что люди, употребляющие алкоголь, более близки к достижению этих целей, чем те, кто этого не делает".

Сэр Джеймс Пейджет назначает или проводил слишком многочисленные встречи, чтобы их упоминать. После долгой и почетной карьеры ассистента хирурга и хирурга больницы Святого Варфоломея он стал хирургом-консультантом. Как член Совета Колледжа хирургов и в течение нескольких лет президент, а также как член Сената и в течение нескольких лет вице-канцлер Лондонского университета, он оказал мощное влияние на улучшение медицинского образования и медицинской политики в целом. Он хирург принца Уэльского и старший сержант-экстраординарный хирург королевы. В августе 1871 года ему было присвоено звание баронета, и он в изобилии получал почетные знаки отличия как от британских, так и от зарубежных университетов.

В 1882 году в своей лекции Брэдшоу "О некоторых редких и новых заболеваниях" сэр Джеймс Пэдджет отметил увеличение числа настоящих студентов, в создании которых он внес большой вклад. "Меня часто радовал контраст, который я наблюдал, работая над новым изданием каталога патологических образцов в музее Колледжа хирургов. Когда я писал последнее издание, между тридцатью и сорока годами назад, в музей почти ни один студент не заходил. Час за часом я сидел в одиночестве; казалось, я работаю только для себя или ни для чего другого, кроме как из общепринятого принципа, что у музея должен быть каталог, хотя никому, возможно, никогда и не захочется с ним знакомиться. Сейчас, как и в течение нескольких прошлых лет, редко проходит день без того, чтобы многие ученики и другие люди не работали в каждой части музея".

В той же лекции сэр Джеймс ясно показал ценность изучения случаев, не совпадающих с обычными типами. "Мы должны изучать все исключения из правил; никогда не думая о них как о несущественных или случайных. В частности, мы никогда не должны использовать выражение "exceptio probat regulam" в его популярном, но неправильном переводе, как будто исключение

из правила может быть доказательством правильности этого правила. Если мы используем это, пусть это будет в его истинном значении; переводя это, как и подобает хирургам, что исключение исследует правило, проверяет его, исследует его — как сказано в Библии, мы должны "все проверять" — до самых его границ".

Наконец, мы можем процитировать несколько фраз из лекции сэра Джеймса Пейджета "Элементарная патология", прочитанной перед Британской медицинской ассоциацией в 1880 году, как выражающей его жизненную философию. "Я считаю очень желательным, чтобы каждый из нас всю свою жизнь изучал какую-либо науку научным образом. По-видимому, не существует одинаково хорошего метода поддержания характера и привычек, который, делая нас всегда хорошими учениками, сделает нас настолько хорошими практиками, насколько мы можем быть. Нет более хорошего метода для поддержания постоянной привычки к расследованию, точности и настойчивости в исследованиях, способности взвешивать доказательства, спокойно судить и точно выражаться; нет лучшего метода для воспитания любви к истине, презрения к ошибкам, будь то чужим или нашим собственным, мягкости и обходительности, которые соответствуют сознанию несовершенства наших знаний".

ГЛАВА XXI.

УИЛЬЯМС, СТОУКС И БОЛЕЗНИ ГРУДНОЙ КЛЕТКИ.

Хотя эта страна не удостоилась чести внедрить в медицинскую науку этот бесценный инструмент, стетоскоп, естественно, большой интерес вызывают те, кто впервые использовал стетоскоп в этой стране. И среди них выделяется имя Чарльза Джона Блазиуса Уильямса.

Чарльз Уильямс, сын священника из семьи Кардиганшир, родился в начале нынешнего столетия в Хейтсбери в Уилтшире, где его отец был постоянным викарием и попечителем Хангерфордской богадельни, в которой он проживал. Он получил домашнее образование у своего отца. Можно считать, что его ранняя симпатия к естественным наукам и медицине передалась ему от матери, которая была дочерью хирурга, также по фамилии Уильямс, из Чепстоу, и получила образование у сестер Ханны Мор, а также получила уроки чтения от самой Ханны Мор. К четырнадцати годам, имея доступ к нескольким хорошим книгам по натурфилософии, он смастерил себе две электрические машины, батарею лейденских банок, вольтову батарею и несколько маленьких телескопов, микроскопов, калейдоскопов и золотых арф. Химия Томсона позволила ему проводить продолжительные химические эксперименты и впоследствии успешно начать работу в Эдинбурге.

Астрономия, хобби всей жизни, появилась в семье после прочтения "Астрономических рассуждений" Чалмерса; они купили телескоп и провели действительно хорошие наблюдения. Активные игры не упускались из виду, и юный Чарльз превзошел всех своих соседей в прыжках и беге. Ходьба на ходулях была любимым занятием; и юноша однажды смастерил пару ходулей с опорой в двенадцати футах от земли, стоя на которых, он мог хорошо ходить и заглядывать в окна верхнего этажа дома. Вкусы к естественной истории в дальнейшем развивались в несколько необычном направлении. Домашняя птица и все виды домашних животных

изучались так тщательно, а их крики имитировались так тщательно, что Чарльз мог влиять на их поведение по отношению к себе так же, как если бы он был одним из них.^[13]

Осенью 1820 года Чарльз Уильямс поступил в Эдинбургский университет, где слушал интересные лекции Хоупа по химии и сухие прелюдии Монро терциуса по анатомии, чередуясь с внеакадемическими занятиями Барклая. Позже он прилежно посещал курсы лекций У. П. Элисона и получал от него много личных наставлений. Он не продвинулся далеко в своих медицинских исследованиях, прежде чем увлекся химической физиологией, особенно в том, что касается дыхания и тепла животных. Тщательно изучив все самые последние химические открытия, он провел новые эксперименты, показывающие, что изменение цвета венозной и артериальной крови может происходить, когда кровь заключена в оболочку животного вне тела и окружена атмосферным воздухом. Таким образом, в 1823 году он предвосхитил то, что профессор Грэм в значительной степени разработал в отношении общей проницаемости мембран животных. Далее он обсудил происхождение тепла у животных и предложил различные варианты развития теории горения. Работа, позже дополненная дипломной работой для получения диплома в 1824 году, вызвала высокую оценку Элисон, хотя Хоуп вернула работу с замечанием, что тема вполне подходит для диссертации молодого джентльмена, но он отказался углубляться в эту тему.

В 1824-5 годах молодой врач слушал лекции Чарльза Белла о нервной системе в Лондонском колледже хирургов и посещал хирургическую практику в нескольких лондонских больницах. В середине лета 1825 года он отправился в Париж и в дополнение к французской литературе изучал живопись, став хорошим пейзажистом-любителем, пишущим как акварелью, так и маслом. Зимой он посещал лекции Маженди по физиологии и практику Дюпюитрена, Лаэннека и многих других. Но Лаэннек, великий аускультатор, на последнем году своей жизни завоевал его самую горячую преданность. Было удивительно, говорит доктор Уильямс, как мало его ценили французские студенты. Те, кто посещал его клинику, были в основном иностранцами. *Посмертные* исследования М. Г. Андраля он также счел бесценными.

Главные открытия, относящиеся к аускультации, несомненно, принадлежат Лаэннеку; однако его познания в акустике ни в коей мере не были глубокими, и ему часто не удавалось рационально объяснить звуки, которые он слышал в грудной клетке. Доктор Уильямс вскоре встал на путь применения акустических законов в этой области, и в 1828 году он опубликовал свое ценное “Рациональное изложение физических признаков заболеваний грудной клетки”, предлагая различные усовершенствования в конструкции и использовании стетоскопов. Вернувшись в Лондон, доктор Уильямс извлек большую пользу, познакомившись с доктором (впоследствии сэром Джеймсом) Кларком, долгое время работавшим врачом королевы, и благодаря семейному знакомству с лордом Хейтсбери. Упомянутая выше его работа была положительно оценена и вскоре получила распространение; и многие из его объяснений приняты по сей день. После различных поездок с пациентами он поселился на Хаф-Мун-стрит, Пикадилли, в 1830 году, женившись на своей двоюродной сестре мисс Харриет Дженкинс из Чепстоу.

Став членом Королевского института, доктор Уильямс познакомился с Фарадеем и вскоре был нанят для написания “Энциклопедии практической медицины”, в которую он внес множество ценных статей по аускультации и болезням грудной клетки. В этих статьях он настоятельно рекомендовал лечить катар с помощью героического процесса уменьшения поступления

жидкости. Были тщательно разъяснены лечебные методы противодействия раздражению, а также четко описана одышка, затрудненное дыхание.

В 1833 году, когда практика росла, но медленно, было выпущено второе издание "Рационального изложения", содержащее расширенный раздел о звуках сердца в состоянии здоровья и болезни. В течение нескольких лет доктор Уильямс рассматривал соответствующие вопросы, и в результате экспериментальных исследований в 1835 году он установил, что несколько причин, которым они до сих пор приписывались, не могут быть причиной тонов сердца, и что первый звук был произведен мышечным сокращением желудочков, а второй - реакцией артериальной крови, сжимающей полулунные клапаны. Однако его предвосхищение, сделанное Руане в 1832 году в последнем пункте, стало очевидным совсем недавно. Третье издание его книги, приобретающей теперь все большее значение, было опубликовано в 1835 году под названием "Патология и диагностика заболеваний грудной клетки, проиллюстрированных, в частности, рациональным описанием их физических признаков". Она была переиздана в Америке и переведена на немецкий и шведский языки. В том же году он был избран Ф.Р.С.

В 1836 году доктора Уильямса попросили прочитать лекции о заболеваниях грудной клетки в Анатомической школе на Киннертон-стрит, связанной с больницей Святого Георгия. В 1836-7 годах он был президентом Харвейского и Вестминстерского медицинских обществ. Летом 1837 года он работал над подготовкой второго отчета Комитета Британской ассоциации по звукам сердца, в котором были представлены важные экспериментальные результаты в отношении связанных с ними болезненных шумов. В 1835 году он показал, что истинное основание для различия между различными формами заболеваний сердечных клапанов лежит в различном направлении, в котором звуковые потоки распространяют звуки и передают их стенкам грудной клетки. Таким образом, он впервые установил различие между базовым и верхушечным шумами, более полно развив свои взгляды в 1836-7-8 годах.

В 1839 году доктор Уильямс был избран профессором медицины Университетского колледжа и врачом его больницы после выхода Эллиотсона на пенсию. Теперь у него было полно работы; на первой зимней сессии он прочитал 150 лекций и экзаменов за шесть месяцев, почти каждый день посещал больницу и еженедельно читал клинические лекции. До этого периода *посмертные* обследования в больнице проводились в простом открытом сарае с деревянной полкой, почти не экранированном и без стола или запаса воды. доктор Уильямс сам спланировал надлежащий *театр для посмертных* операций; и вместе с планом он предложил 50 фунтов стерлингов на покрытие расходов — щедрый способ действий, который быстро обеспечил строительство требуемого театра. Практическое преподавание доктора Уильямса и яркие лекции привели к тому, что медицинская школа росла еще более быстрыми темпами. В его классе было более двухсот человек. В 1840 году было проведено экспериментальное исследование, в котором доктору Уильямсу помогал проф. Шарпи доказал сократительную способность мышц бронхов и подтвердил большое влияние белладонны и страмониума как лекарственных средств при астме, приостанавливающих эту сократительную способность.

Зима 1840-1840 годов была в основном занята оригинальными экспериментами по застою, определению количества крови и воспаления, о которых доктор Уильямс рассказывал на лекциях Гульстониана в Колледже врачей в 1841 году. Его результаты и взгляды, как недавно признали выдающиеся люди, на двадцать пять лет опередили его время. И Вирхов, и Бердон-

Сандерсон признали их огромную ценность. Доктор Уильямс утверждает, что он первым указал на расширение артерий, ведущих к определенной части тела, как на прямую физическую причину притока крови к этой части тела. “Когда перепонка лягушачьей лапки слегка раздражается ароматической водой, через микроскоп можно увидеть, что артерии увеличиваются и обеспечивают более полный и импульсивный приток крови к капиллярам и венам, которые затем все также расширяются: все сосудистое сплетение, включая сосуды, которые раньше едва пропускали красные тельца, становится местом значительно усиленного тока” (London Medical Gazette, июль 1841 г.).

1841 год ознаменовался первыми общественными шагами по созданию Больницы для лечения чахотки и заболеваний грудной клетки, которая была основана мистером (впоследствии сэром) Филипом Роузом. Клерк в его фирме, страдающий чахоткой, не нашел больницы, готовой принять его, ссылаясь на затяжной и неизлечимый характер болезни. Так возникла идея создания специальной больницы, которую доктор Уильямс сердечно поддержал и в которой он стал врачом-консультантом. Здесь невозможно проследить историю и большой успех больницы Бромптон; в 1882 году в ней было 331 койка. Великий Вирхов, посетив его в 1881 году, сказал: “Здесь все сделано для больных”.

В 1843 году доктор Уильямс опубликовал “Принципы медицины”, работу, в которой физиология и патология в значительной степени использовались для формирования основы научной медицины. Она была принята с высоким одобрением и стала стандартной работой в Америке. Новые издания появились в 1848 и 1856 годах. Сэр Джеймс Пейджет и сэр Джеймс Симпсон, среди прочих, отметили это печатью своего явного одобрения. Журнал The Lancet дал ему почти безоговорочную оценку. В 1846 году было основано Лондонское патологическое общество, и доктор Уильямс был избран его первым президентом. Его целями были выставка, описание и классификация патологических образцов, а также продвижение патологических исследований путем систематических наблюдений и экспериментов. В своем вступительном слове доктор Уильямс ответил на скептический вопрос: “Какая польза от вскрытия тел? Мы никогда не находим того, что ожидали:” описывая *посмертное* исследование замечательного случая легочного заболевания. Обследование было завершено до приезда доктора Уильямса, и ему сказали, что сердце увеличено, чего ожидал лечащий врач, и он был удовлетворен. Доктор Уильямс настоял на тщательном осмотре легких, который выявил обширное уплотнение и, кроме того, неожиданное общее расширение бронхов. Это был тот случай, когда он впервые обнаружил связь между этим изменением и плевропневмонией. Очень подходящий девиз Общества “Nec silet mors” был предложен доктором Уильямсом.

В конце зимней сессии 1849 года доктор Уильямс подал в отставку с должности профессора и врача, поскольку его здоровье серьезно пострадало от переутомления, а частная практика быстро росла. Он переехал на Аппер-Брук-стрит и здесь в течение двадцати четырех лет продолжал полноценную практику. В январе 1849 года доктор Уильямс опубликовал в Лондонском медицинском журнале свой первый отчет о рыбьем жире при легочной чахотке. Он изучал его применение в течение трех лет, но, конечно, приоритет в его рекомендации принадлежит доктору Хьюзу Беннетту. Только в 1846 году, когда из свежей печени рыбы было приготовлено очищенное масло, доктор Уильямс нашел пациентов, готовых принимать масло, а в 1848 году он написал, что прописал масло при 400 случаях туберкулезного заболевания легких, и в 206 из 234 зарегистрированных случаев за его применением последовало заметное улучшение. Применение рыбьего жира является настолько обычным делом в наши дни, что

едва ли можно осознать, что это новшество, относящееся почти исключительно к нынешней половине девятнадцатого века. И доктору Уильямсу принадлежит большая заслуга в доказательстве его эффективности. Женщина, которую впервые посетили 3 сентября 1847 года, оказалась при смерти. Рыбий жир вылечил ее за несколько недель, и она прожила еще много лет. Это был пример опыта, который после многолетних испытаний привел доктора Уильямса к выводу в большой работе о легочной чахотке, опубликованной им самим и его сыном, доктором К. Т. Уильямсом, в 1871 году, что средняя продолжительность жизни при чахотке увеличилась по меньшей мере в четыре раза. Из 1000 случаев, приведенных в таблице, 802 были еще живы на момент последнего отчета, и ожидалось, что многие проживут еще годы.

Новое Сиденхемское общество, основанное в 1858 году, также нашло подходящего первого президента в лице доктора Уильямса. Его полезность в улучшении медицинской литературы путем переводов и переизданий была и остается очень большой. Ламлейские лекции в Колледже врачей последовали в 1862 году и были озаглавлены “Успехи и неудачи в медицине”. Они не были опубликованы до 1871 года, когда появились в *Medical Times* и *Gazette*. Большое внимание в них было уделено надеждам и перспективам профилактики заболеваний. В 1873 году доктор Уильямс был избран президентом Королевского медико-хирургического общества, которое он занимал в течение двух лет, хотя и страдал от постепенно усиливающейся глухоты. В 1874 году он был назначен чрезвычайным врачом королевы. В 1875 году он удалился в Канны, где с тех пор возобновил свои прежние астрономические исследования и сделал несколько важных наблюдений над солнечными пятнами. Таким образом, в научных развлечениях и изучении Библии, которыми он долгое время глубоко интересовался, врач-ветеран, которого доктор Куэйн называет “главным основателем нашей современной школы патологии”, проводит последние годы своей долгой жизни.

История ирландских медицинских школ была более короткой, чем у эдинбургских и лондонских, но они выпустили людей, чей характер и труды считаются одними из самых выдающихся. Уильям Стоукс, родившийся в июле 1804 года в Дублине, был сыном Уитли Стокса, регионального профессора медицины в университете, человека высоких целей и неутомимой энергии, а также очень успешного преподавателя медицины. Отец и сын в равной степени были студентами Эдинбургской медицинской школы, но сын был многим обязан личному общению со своим отцом. После нескольких месяцев в Глазго молодой Стоукс поступил в Эдинбург в начале 1823 года и вскоре познакомился с доктором Элисоном, который оказал на него глубокое влияние; “лучший человек, которого я когда-либо знал”, - заявил он. Он добился таких поразительных успехов, что перед отъездом из Эдинбурга в 1825 году написал и опубликовал небольшую книгу “Использование стетоскопа”, которую ему посчастливилось продать за 70 фунтов стерлингов.

Поселившись в Дублине, несмотря на свой юный возраст, Стоукс был избран врачом больницы Мит, преемником своего отца. Его коллега Грейвс, один из самых замечательных людей, которых выпустил Дублин, оказал на него поразительное влияние. В двадцать два года Стоукс уже читал лекции и проводил клинические инструктажи перед толпой учеников. То время было периодом острых страданий и бедности в Ирландии; в Дублине свирепствовала лихорадка из-за бедствия, вызванного неурожаем картофеля летом 1826 года. Больница Мит была

переполнена, и молодой врач был загружен до предела, и его великодушная благотворительность стала его второй натурой.

В течение этих лет деятельности могущественная особая цель использовала его самые настойчивые мысли и наблюдения. Он старательно запоминал каждый факт и умозаключения, касающиеся заболеваний легких. В 1837 году его наблюдения были опубликованы в классическом труде “Болезни грудной клетки”. Это сразу же поставило его, говорит сэр Генри Эклэнд в мемуарах, приложенных к изданию, опубликованному Нью-Сайденхэмским обществом в 1882 году, в первый ряд наблюдателей и мыслителей. Его рассказ об использовании аускультации при бронхите и поражениях грудной клетки был наиболее ценным.

В 1842 году Стоукс стал региональным профессором физики Дублинского университета, унаследовав пост своего отца. С этого времени, хотя он время от времени публиковал статьи, лекции и рассказывал о ценных случаях в Дублинском журнале медицинской науки и в медицинских обществах, он не опубликовал ни одной книги до 1854 года, когда ценный трактат о болезнях сердца подтвердил его репутацию. При этом он уделял большое внимание функциональным нарушениям сердца, при которых не было никаких органических заболеваний. Он говорит с большой скромностью: “Диагностика сочетаний заболеваний, даже в таком маленьком органе, как сердце, еще предстоит разработать.... По мере того как студент, только что окончивший школу и гордящийся своим предполагаемым превосходством в тонкостях диагностики, знакомится с суровыми реалиями практики, его будут учить большей скромности и более полезной осторожности. Он обнаружит, особенно при хронических заболеваниях, что важные изменения могут происходить без соответствующих физических признаков — что по мере прогрессирования болезни ее первоначальные особые признаки могут исчезать — что признаки недавнего и незначительного поражения одной части сердца могут полностью затенять или предотвращать признаки заболевания более длительного и гораздо более важного — что функциональные изменения могут не только бесконечно варьировать признаки органического поражения, но даже полностью исчезнуть — что признаки, о которых он составил свое мнение сегодня, завтра могут оказаться недостаточными; и, наконец, что для решения простого вопроса о существовании функциональных и что касается органического заболевания, то оно иногда ставит в тупик силы даже самых просвещенных и опытных врачей ”.

Этот трактат признан одним из наиболее острых, наглядных и полных описаний клинических аспектов сердечных заболеваний. В 1854 году он также опубликовал серию лекций о лихорадке в “Медикал Таймс” и “Газетт”, которые были собраны в один том с дополнениями в 1874 году. Здесь он показал, что по-прежнему скептически относится к достижениям Дженнера, Мерчисон и других. Как он написал в одной из лекций, “нет ничего более трудного для человека, воспитанного в определенной доктрине, чем освободиться от нее, даже если он нашел ее неправильной”, и он никогда не мог освободиться от твердой веры Элисон в то, что лихорадки, по сути, одинаковы.

В самом начале своей карьеры Стоукс был завален частной практикой. Неоднократно он резко высказывался и писал об усилиях и смертности ирландских врачей в борьбе с лихорадкой и холерой, получая при этом ничтожные гроши от правительства за свои услуги. Активно проявлялись его чувства ко всему, что касалось благополучия профессии и общей культуры студента. “Давайте освободим ученика,” сказал он, “и дадим ему время и возможность для

развития своего ума, чтобы в период обучения он не был марионеткой в руках других, а скорее полагающимся на себя и размышляющим существом. Давайте всегда отдавать предпочтение общему образованию перед специальной подготовкой, не игнорируя последнюю, но следя за тем, чтобы она не навязывалась некультурному или деградировавшему уму”.

Профилактика заболеваний также привлекала серьезное внимание Стокса еще до того, как наука о гигиене вошла в моду. “Может наступить время, - сказал он, завершая одно из своих выступлений, - когда победителю над болезнью будут воздавать больше почестей, чем победителю в сотне сражений”.

Сэр Генри Эклэнд говорит о Стоксе: “Изучение человека было для него инстинктом, как с материальной, так и с интеллектуальной стороны. С материальной стороны; ибо он был физиономистом, прекрасно разбирался в характерах и обладал острым восприятием всех физических характеристик, качеств, которые он приобрел, внимательно наблюдая за людьми в болезни, за здоровыми людьми и за людьми из любого класса общества и любого рода занятий. С интеллектуальной стороны; ибо явления внешней природы человека были для него лишь выражениями разума, работающего внутри, — разума, полученного по наследству, разума, сформированного самого по себе, разума, ставшего результатом обстоятельств. Второе, что следует отметить, - это его пристальный интерес ко всем проявлениям человеческого характера, к людям любого возраста, рода занятий и состояния. У него было то, чего нет у многих образованных людей, - острейшее чувство юмора, которое проявлялось совершенно неопишным образом. Он сочетал с подлинным восторгом от любого интеллектуального развития самый нежный человеческий интерес”.

Стоукс страстно любил как природные пейзажи, так и ландшафтное искусство; он наслаждался общением и дружбой лучших художников и в то же время высоко ценил интересы скромной жизни и колоритный юмор ирландских крестьян. Он написал несколько очаровательных описаний пейзажей и был хорошо знаком с различными художественными школами. Изучение древностей и истории Ирландии также нашло в нем опытного и благодарного ученика; и было сочтено уместной данью уважения его разнообразию вкуса, а также профессиональному мастерству, когда в 1874 году он был избран президентом Королевской ирландской академии.

Одну ценную привычку доктор Стоукс приписывал своему отцу. “Мой отец оставил мне в наследство только одно - благословенный дар рано вставать”. Часто это означало вставать между четырьмя и пятью, когда он занимался и писал до восьми. Во время долгой дневной практики он всегда оказывал самое доброжелательное влияние, будь то на упрямых студентов или измученных пациентов. В конце дня его гостеприимство было таким же привлекательным, как и его профессиональные манеры в первые часы работы.

В 1870 году миссис Стоукс умерла, и от этого удара ее муж так и не оправился полностью. В 1876 году он оказался вынужден уйти со своих многочисленных государственных постов и удалиться в свой коттедж в Каригбрейге, куда до последнего времени прилетали стаи птиц, которых он поощрял и дрессировал, в поисках пищи из его рук. Он умер 6 января 1878 года.

СНОСКИ:

[13] Наиболее занимательный отчет о его встречах с охотничьим петухом приведен в “Воспоминаниях о жизни и творчестве” доктора Уильямса, 1885, из которых почерпнуто большинство этих подробностей.

ГЛАВА XXII.

СЭР ГЕНРИ ТОМПСОН И КРЕМАЦИЯ.

Естественно, можно ожидать, что врачи смогут многое сказать о способе утилизации останков умерших. Как хранители здоровья живых, медицинские работники должны быть обеспокоены опасностями и болезнями, которые материальные остатки наших умерших друзей могут навлечь на живых. Все более плотное скопление людей в больших городах убедило последние два поколения в необходимости принятия каких-либо мер для предотвращения распространения болезней из-за задержек с погребением и использования неподходящих мест захоронения. Но по большей части предпринятые усилия приняли форму лишь того, чтобы отодвинуть зло немного дальше; и небольшой математический расчет покажет, что нынешние кладбища вскоре должны быть окружены жилыми домами, и необходимо будет произвести некоторые новые приготовления. Общество кремации, президентом которого является сэр Генри Томпсон, активно пропагандирует практику кремации как более рациональный и здоровый способ захоронения умерших, чтобы справиться с этим злом.

Этот выдающийся хирург - сын мистера Генри Томпсона из Фрамлингема, графство Саффолк, он родился 6 августа 1820 года. Утверждается, что мистер Томпсон возражал против изучения его сыном медицины, считая, что эта профессия имеет тенденцию к скептицизму. Таким образом, только когда он достиг возраста двадцати одного года и получил право на некоторую собственность по собственному праву, субъект этой главы получил свободу заниматься выбранной им профессией. Он учился в основном в Университетском колледже Лондона, а также в Париже. Он получил степень магистра в Лондонском университете в 1851 году и стипендию Колледжа хирургов в 1853 году, и в том же году был назначен ассистентом хирурга в больнице Университетского колледжа. В 1852 и снова в 1860 годах он получил Джексоновскую премию в Колледже хирургов за эссе по предметам, которым он посвятил большую часть своей жизни.

Две работы, на которых в основном зиждется репутация сэра Генри Томпсона среди медиков, - это его “Клинические лекции по болезням мочевыводящих органов” и его “Практическая литотомия и литотрида”, обе выдержали множество изданий; но он также написал множество небольших трактатов на смежные темы, а его статьи в “Системе хирургии” Холмса почти достигают размеров отдельных работ. Его практика в этом отделении достигла больших размеров, и в 1877 году он смог опубликовать список с подробными сведениями о 500 случаях, в которых он выполнял операции по поводу камней в мочевом пузыре, который, по его мнению, был самым крупным из когда-либо опубликованных оператором. Непревзойденная степень, в

которой он смог использовать опыт других хирургов, благодаря тому, что они делились с ним своими случаями, сделала его книгу по литотомии и литотренингу уникальной ценностью.

Известно, что сэр Генри Томпсон очень широко использовал операцию, разработанную Чивиае из Парижа в 1817 году, для дробления камней в порошок или гравий, что делало ненужной такую серьезную операцию, как литотомия. Первые операции такого рода были проведены Чивиае в 1824 году, и именно ему принадлежит заслуга внедрения и успешного применения этого метода. За последние годы работа была значительно улучшена, и во многом это заслуга сэра Генри Томпсона. Благодаря его хорошо известному мастерству в этой области практики, в 1863 году он был призван к покойному королю Бельгии, и ему удалось оказать ему помощь с помощью операции, когда самые выдающиеся континентальные хирурги потерпели неудачу. Впоследствии королева Виктория даровала мистеру Томпсону рыцарское звание в знак признания его больших заслуг перед ее дядей. Примерно в это же время сэр Генри стал штатным хирургом больницы Университетского колледжа. С тех пор он оставил активную работу в больнице, став хирургом-консультантом и почетным профессором.

Сэр Генри стал известен общественности в связи с несколькими важными социальными и религиозными вопросами. Много споров вызвало его письмо профессору Тиндаллу о молитве за больных, опубликованное в "Современном обозрении" в 1872 году. Классифицировав различные объекты молитвы и рассмотрев возможность проверки реальных результатов молитвы, он говорит: "По-видимому, существует один источник, из изучения которого почти наверняка можно установить абсолютную измеримую ценность молитвы (я говорю об этом с величайшим почтением). Я имею в виду его влияние на течение болезни или на предотвращение смертельного исхода. Ибо следует признать, что такое важное влияние явно либо имеет место, либо не существует. Если это произойдет, то тщательное обследование больных людей хорошими патологоанатомами, серьезно работающими с этой целью, должно установить этот факт. Установленный факт заключается в том, что это просто вопрос дальнейшего тщательного клинического наблюдения, чтобы оценить степень эффективности молитвы. И следующим шагом было бы рассмотреть, насколько практически возможно распространить это пособие на больных и умирающих. И я могу представить себе несколько запросов, которые были бы более полезны для человечества, когда мы достигли этой стадии".

Практический метод, предложенный для проверки этого вопроса, заключался в том, что отдельная палата или больница, находящаяся под присмотром первоклассных врачей, в которой содержатся пациенты, страдающие наиболее изученными заболеваниями, должна стать предметом особой молитвы всего сообщества верующих в течение трех или пяти лет, и что по истечении этого срока смертность должна быть сравнена с прошлыми показателями, а также с показателями других ведущих больниц за тот же период. Но эксперимент так и не был проведен, из-за бури обличений и споров, которыми было встречено это предложение, при этом мало внимания уделялось очевидной добросовестности автора предложения.

Вскоре сэр Генри Томпсон предстал перед публикой в новом свете. Не сумев заставить людей систематически молиться за больных, он затем попытался побудить их сжигать своих умерших, что, как оказалось, было для многих немногим менее шокирующим, чем первое предложение. Первый абзац его первой статьи в "Контемпорари Ревью" (январь 1874 г.), впоследствии перепечатанной вместе со второй на ту же тему, прозвучал сенсационно.

“После смерти! Был замечен последний слабый вздох, и так долго наблюдали за другим, но напрасно. Тело лежит там, бледное и неподвижное, за исключением того, что челюсть медленно, но ощутимо опускается. Бледность заметно увеличивается, приобретает более свинцовый оттенок, и глубокий спокойный сон смерти царит там, где только что были жизнь и движение. Здесь начинается вечный покой.

“ Отдохни! нет, ни на мгновение. Никогда еще в этом неподвижном трупе не было такой активности, как в этот момент. Активность, но иного рода, чем та, что была раньше. Уже начались тысячи изменений. Неисчислимые Силы атаковали мертвых. Быстрота стервятника с его острым нюхом на гниение животных - ничто по сравнению со стремительностью неустанных агентов природы, которые сейчас вовсю работают перед нами ”.

После объяснения процесса разложения животных и описания различных способов захоронения мертвых, между которыми необходимо выбирать, автор продолжал настаивать на том, что наш нынешний способ захоронения, безусловно, вреден для здоровья как сейчас, так и в будущем и на самом деле представляет собой общественный грех немалых масштабов. Любопытный аспект этого вопроса был выявлен упоминанием о большом ежегодном ввозе костей для удобрения почвы, в то время как мы ежегодно закапываем огромное количество человеческих костей слишком глубоко в землю, чтобы их можно было использовать в сельском хозяйстве. Также были подробно рассмотрены пагубные обычаи погребения и расходы, а затем был предложен новый, но старый план кремации, практически следующий указаниям природы и ускоряющий процесс, чтобы сделать его безопасным, без неприятностей. Было высказано предположение, что погребальные обряды могут быть наиболее подходящим образом связаны с кремацией. “Прах к праху, пыль к пыли” выражало бы буквальный и очевидный факт. Состояние многих церковных дворов, прошлых и нынешних, дало убедительные доказательства того, что нынешний способ захоронения подвергает влажные останки поливу или отсыреванию и создает отвратительные выделения, слишком часто вызывающие тяжелые заболевания у тех, кто живет поблизости.

Этот вопрос до сих пор вызывает споры, хотя он перерос в “практическую политику” из-за решения судьи Стивена о том, что кремация не является незаконной в соответствии с действующим законодательством. Сэр Генри Томпсон продолжает свои энергичные усилия в пользу кремации.

Сэр Генри также проявил себя как сторонник большой умеренности и даже полного воздержания от употребления опьяняющих напитков, заявив, что без них он может выполнять свою работу лучше и с большим энтузиазмом, и что его телосложение улучшилось при воздержании. Среди его более легких работ приятна и популярна “Еда и кормление”; в то время как еще более позднее проявление разнообразных литературных вкусов можно увидеть в медицинском романе “Тетя Чарли Кингстона”, опубликованном под псевдонимом Пен Оливер.

Художественные вкусы и достижения сэра Генри Томпсона хорошо известны. Он изучал живопись у Элмора и Альма Тадемы и часто выставялся в Королевской академии. У него очень прекрасная коллекция голубого и белого нанкинского фарфора, каталог которого был опубликован в кварто.

ГЛАВА XXIII.

ГРЕЙВС, ХЬЮЗ БЕННЕТТ И КЛИНИЧЕСКОЕ ПРЕПОДАВАНИЕ.

Субъекты этой главы, оба очень влиятельные люди, оставили решающий след в системах клинического преподавания в своих медицинских школах, помимо оказания больших услуг физиологии и медицине в целом.

В Дублинском университете должность регионального профессора физики датируется временем Реставрации, впоследствии были основаны другие кафедры. Ирландский колледж хирургов был основан еще в 1784 году, но в течение многих лет из этого ничего хорошего не вышло. Шотландец Чейн, поселившийся в Дублине, опубликовал в 1817 году первый том отчетов Дублинской больницы и благодаря превосходству своих собственных клинических отчетов о случаях лихорадки задал хороший тон работе ирландской школы. Но возвышение Дублинской медицинской школы до высокого уровня, который она с тех пор сохраняет, было заслугой Роберта Грейвса и Уильяма Стокса.

Семья Грейвсов, происходившая от полковника кавалерии Кромвеля, который приобрел значительные поместья в графстве Лимерик после покорения страны Кромвелем, была представлена в конце прошлого столетия региональным профессором богословия Дублинского университета и одним из старших научных сотрудников Тринити-колледжа Ричардом Грейвсом, доктором философии.D. Его трое сыновей, Ричард, Геркулес и Роберт, получили на экзаменах на получение степени, которые проводились три года подряд, золотую медаль по естественным наукам и классике.

Роберт Джеймс Грейвс, родившийся в 1795 или 1796 году, после прохождения полного курса гуманитарных наук и такого медицинского образования, какое тогда позволял Дублин, получил степень магистра в Дублине в 1818 году. Затем он перешел в другие школы и последовательно учился в Лондоне, в самых знаменитых континентальных школах и в Эдинбурге, находясь вдали от Дублина более трех лет. У него были отличные языковые способности, и однажды, забыв свой паспорт, он был заключен в тюрьму на десять дней в Австрии как немецкий шпион, причем власти настаивали, что ни один англичанин не может говорить по-немецки так, как он. Во время своего пребывания в Италии Грейвс, обладавший значительными художественными способностями, случайно познакомился с Тернером, знаменитым художником, и стал его спутником во многих путешествиях. Интересное сообщение об общении Грейвса с Тернером было сделано профессором Стоксом.^[14] Похоже, что эти двое жили и путешествовали вместе в течение нескольких месяцев, и ни один из них не поинтересовался именем своего спутника.

Во время рейса из Генуи на Сицилию мужество и решительность Грейвса подверглись серьезному испытанию, когда капитан и команда в условиях ужасающего шторма собирались покинуть судно в единственной лодке, бросив двух пассажиров на произвол судьбы. Грейвс, хотя и был болен, схватил топор и печку в лодке, принял командование, починил насосы из кожи собственных сапог и спас корабль.

В 1821 году Грейвс вернулся в Дублин и сразу же занял лидирующее положение. Доктор Стоукс, некоторое время его ученик и пожизненный друг, говорит о нем в то время: “Природа была щедра к нему: он был высокого роста, смуглый, с благородными и выразительными чертами лица. В разговоре он обладал силой, которую редко встретишь; ибо, хотя он обладал способностью демонстрировать точные и необычайно разнообразные знания без тени эгоизма, он был способен исправить ошибку, не прибегая к оскорблению. У него было одновременно теплое и чувствительное сердце, и он всегда выказывал непреходящую и, следовательно, неподдельную благодарность за малейшую доброту. Любя истину ради нее самой, он с нескрываемым отвращением относился ко всем попыткам запятнать или исказить ее; и он никогда не отказывал в дружбе никому, даже тем, кто ниже его по образованию и социальному положению, если находил в них качества, которые любил и которые никогда не забывал уважать”.

“Следует отметить, что, поскольку его ум был открытым и ничего не подозревающим, он иногда впадал в ошибку, размышляя вслух, не принимая во внимание характер своей аудитории, и позволял своему остроумию играть более свободно, а его сарказм при защите правых ранил глубже, чем того требовала осторожность”.

В 1821 году Грейвс был избран врачом больницы Мит, а также стал одним из основателей медицинской школы на Парк-стрит. В то время едва ли можно было сказать, что клинические исследования и клиническое преподавание существуют, а к патологическим исследованиям других школ относились с презрением. Методы, вошедшие в моду в Эдинбурге, не произвели на Грейвса благоприятного впечатления. В то время студентов регулярно не призывали самостоятельно расследовать случаи заболевания и не обучали этому: они могли получить свою степень, даже не занимаясь диагностикой и не сотрудничая в лечении болезней вплоть до выписывания рецепта. “Я часто сожалел, ” сказал Грейвс на своей вступительной лекции в больнице Мит в 1821 году, - что при нынешней системе опыт приобретает только значительной ценой человеческой жизни. Действительно, невозможно скрыть правду — печальную правду о том, что ежегодно в результате жестокого обращения гибнет большое количество людей. Жертвы, выбранные для этого жертвоприношения в храме опыта, как правило, принадлежат к беднейшим слоям общества, и их принесение в жертву никогда не откладывается надолго, когда успешный кандидат в диспансеры приступает к исполнению своих обязанностей. Богатые, однако, не всегда спасаются бегством; и обладание богатством не всегда является гарантией от ошибок неопытности”.

Прокомментировав пагубные последствия невежественного догматизма в более зрелые годы, доктор Грейвс перешел к изложению плана континентального клинического обучения. Затем он сослался на грубые и даже вульгарные выражения, которые ирландские медики того времени использовали по отношению к пациентам больниц, настаивая на необходимости реформы в этом отношении.

План, который Грейвс принял и который так успешно сработал, по сути, состоял в том, чтобы возложить на продвинутых студентов заботу о конкретных пациентах, требуя от них сообщать о происхождении, прогрессе и текущем состоянии их заболеваний. У постели больного врач проверял или оспаривал эти сведения, а затем в аудитории он обсуждал с классом диагноз, прогноз и лечение этих случаев. Ответственный ученик выписал лекарство пациенту, и его рецепт был пересмотрен и скорректирован врачом. Преимущества этой системы были

очевидны; студенты, обязанные обосновывать каждый план лечения, привыкали к рациональному и тщательному исследованию болезни и получали огромную пользу от раннего исправления своих ошибок.

Тем не менее система встретила сильное противодействие и даже насмешки. Как говорит Стоукс, студента тогда держали на расстоянии; никто не позаботился показать ему, как учиться самому, познакомить его с “обычаями больных”, приучить его разум рассуждать здраво и привить чувство долга, а также удовольствие от оригинальной работы.

Грейвс обладал как знаниями, так и красноречием; его стиль был массивным, нервным и напористым; он мог управлять умами своих слушателей и показал себя совершенно серьезным. “Его активный ум всегда был занят поиском аналогий, и таким образом он был приведен к различению вещей, внешне похожих, и к усвоению вещей, на первый взгляд непохожих, в степени, едва ли превзойденной каким-либо преподавателем медицины”.

Будучи избран членом Королевского и королевских коллегий врачей, Грейвс впоследствии был назначен профессором Медицинских институтов. В этом качестве он читал лекции, в которых физиология умело применялась к потребностям студентов-медиков. В 1828-36 годах он опубликовал множество физиологических эссе, главным образом для Дублинского журнала медицинских наук, одним из редакторов которого он был до своей смерти, на такие темы, как “Отличительные черты человека”, “Шансы на жизнь”, “Темперамент и аппетит”, “Чувство осязания” и т.д., Все интересные. Но только в 1843 году он опубликовал работу, на которой в основном зиждется его репутация автора, - свои “Клинические лекции по практике медицины”. В связи с этим не требуется более высокого авторитета в его пользу, чем Труссо, который направил переводчику французского издания письмо, из которого мы приводим следующие выдержки.

“Я постоянно читал и перечитывал работу Грейвса; она вдохновила меня в моем преподавании.... Лекции о скарлатине, параличах, поражениях легких, кашле, головной боли приобрели европейскую известность.... Когда дублинский врач доказал необходимость полноценного питания при длительной пирексии, он в одиночку выступил против мнения, которое, по-видимому, было оправдано практикой всех веков, поскольку в то время щадящее питание считалось необходимым условием лечения лихорадки. Если бы он не оказал никакой другой услуги, кроме полного изменения медицинской практики в этом вопросе, Грейвс уже одним этим поступком получил бы неоспоримое право на нашу благодарность”.

“С другой стороны, я не могу в достаточной степени рекомендовать прочтение лекций, в которых говорится о параличе; они содержат целостную доктрину, и эта доктрина решительно восторжествовала. Симпатическим параличам Уитта и Прочаски теперь отведено свое место в науке под гораздо более физиологичным названием рефлекторных параличей”.

“Грейвс - терапевт, у которого полно ресурсов.... Не проходит и дня, чтобы я в своей практике не использовал некоторые из методов лечения, которые Грейвс превосходно описывает с точностью истинного практикующего врача, и не проходит дня, чтобы я от всего сердца не поблагодарил дублинского врача за информацию, которую он мне предоставил”.

“Грейвс, в моем понимании этого термина, идеальный преподаватель-клиницист. Внимательный наблюдатель, глубокий философ, гениальный художник, способный терапевт, он

вызывает наше восхищение искусством, область применения которого он расширяет, и практикой, которую он делает более полезной и плодотворной”.

В 1843 и 1844 годах Грейвс был президентом Ирландского колледжа врачей, а в 1849 году был избран членом Королевского общества. Его опыт привел его к твердому убеждению, что сыпной тиф и тиф- это не разные лихорадки. Однако его большие заслуги в лечении лихорадок не зависят от этого. Он осознал пагубное воздействие системы снижения температуры на пациентов с лихорадкой и неуклонно стремился поддерживать силы пациента с помощью пищи и стимуляторов. Однажды, обходя больницу, он, войдя в палату для выздоравливающих, начал распространяться о здоровом внешнем виде некоторых из них, выздоровевших после тяжелого тифа. “Это все результат нашего хорошего питания, — воскликнул он, - и чтобы, когда я уйду, вы не затруднились подобрать мне эпитафию, позвольте мне привести ее вам в трех словах:

“У НЕГО ПОДНЯЛАСЬ ТЕМПЕРАТУРА”.

Статьи Грейвса о холере, воплощенные в его клинических лекциях, дают исчерпывающую историю развития этого заболевания, и его исследования привели его к необходимости создания полной сети медицинских обсерваторий, которые, в частности, фиксировали бы рост, прогрессирование и характер заболевания, будь то эндемическое или эпидемическое. Будь он жив, он, возможно, многое сделал бы для продвижения этой цели, которая лишь сейчас и частично реализуется в рамках коллективной схемы исследования болезней под эгидой Международного научного конгресса. Но его труды сократили его жизнь. Он постоянно переписывался с учениками по всему миру; много писал для периодических изданий на темы, не связанные с медициной, даже выполнял литературную работу пациента, семья которого находилась в стесненных обстоятельствах. Болезнь печени окончательно лишила его жизни после продолжительной болезни, перенесенной с христианской стойкостью и верой, 20 марта 1853 года.

Будучи ведущим преподавателем в Эдинбурге в течение многих лет, Джон Хьюз Беннетт произвел впечатление своей индивидуальности на большее число студентов и был более широко признан, чем Грейвс, как человек выдающихся заслуг. Как преподаватель-клиницист, как физиолог, как патолог, как терапевт, он предъявлял высокие требования. Он реформировал методы лечения как пневмонии, так и чахотки и выявил заболевание лейкоцитемии, признаки которого послужили отправной точкой для наиболее плодотворных исследований.

Беннетт родился в Лондоне 31 августа 1812 года и получил образование в школах Грамматики и Маунт-Рэдфорд в Эксетере. Ему повезло, что у него была образованная мать, женщина независимого мышления и духа, и ей он был обязан развитием своих ярко выраженных литературных и художественных вкусов. В детстве она обучала его ораторскому искусству, в котором он впоследствии преуспел, и расширяла кругозор, снова и снова возя его на Континент.

Решив изучать медицину, юный Беннетт поступил учеником к мистеру Седжвику из Мейдстона и некоторое время посещал больницу Святого Варфоломея. Однако чуть позже он решил поступить в Эдинбургский университет и вскоре показал себя прилежным студентом. Он

познакомился с Эдвардом Форбсом, Дж. Х. Бальфуrom, Джоном Ридом и другими, которые впоследствии отличились и стали одним из президентов Королевского медицинского общества. В 1837 году он получил степень доктора медицины, был награжден золотой медалью по рекомендации Сайма за лучший хирургический отчет и отмечен сэром Чарльзом Беллом как достойный второй медали.

Затем Беннетт два года учился в Париже, основав Парижское медицинское общество, первым президентом которого он был. Остальные два года он посвятил учебе в немецких медицинских школах. Микроскоп и стетоскоп стали в его руках привычными инструментами исследования, и он уже начал публиковать результаты своего исследования, внося в “Медицинскую библиотеку” Твиди значительную часть второго тома, посвященного болезням нервной системы.

Беннетт вернулся в Эдинбург в 1841 году и 1 октября опубликовал “Трактат о Oleum Jecoris Aselli, или Рыбий жир, как терапевтическом средстве при определенных формах подагры, ревматизма и золотухи, с описанием случаев”. Его знания об этом средстве были приобретены в Германии, где рыбий жир использовался для лечения этих заболеваний. Однако его применение было давно известно шотландским рыбакам, и доктор Дж. Кей и Бардсли много лет назад прописали его в Манчестерском лазарете. Публикация, однако, приостановилась, и в 1847 году к оставшимся экземплярам было добавлено приложение о случаях, когда рыбий жир приносил пользу. К этому времени его применение явно возросло, и одна аптечная фирма в Эдинбурге в предыдущем году продала шестьсот галлонов по сравнению с одним галлоном в 1841 году. В то же время доктор К. Дж. Б. Уильямс, как мы уже упоминали, внедрял в Лондоне более чистые формы масла и своими трудами, практикой и изучением случаев легочной чахотки очень много сделал для популяризации его широкого использования.

В ноябре 1841 года Беннетт начал курс лекций по гистологии в Эдинбурге, в котором он иллюстрировал физиологию и патологию с помощью микроскопических препаратов: он также организовал классы для частного обучения манипуляциям с микроскопом. В то время на незначительные изменения в структуре обычно не обращали внимания, и Беннетту принадлежит заслуга первого проведения такого инструктажа в систематической форме. Он сильно желал получить кафедру общей патологии в Эдинбурге, которая была вакантна в 1842 году, но ему это не удалось.

Когда вскоре после этого Беннетта назначили врачом Королевской диспансерии, у него появилась возможность применить на практике то, чему он научился в Германии, организовав то, что он назвал поликлиническим курсом, где его студентов практически, под присмотром учителя, учили осматривать пациентов и назначать лекарства. Однако не следует забывать, что Сайм ранее внедрил несколько подобную процедуру в своей больнице Minto House (хирургической). Как патологоанатом Королевского лазарета, Беннетт имел большие возможности для изучения патологических образцов, и он собрал большую патологическую коллекцию. Кроме того, он читал курсы лекций по патологии.

В течение многих лет Беннетт принимал большое участие в поддержании литературной деятельности Эдинбургской школы. Многие его статьи появлялись в лондонском и Эдинбургском Monthly Journal of Medical Science, частью и единоличным владельцем которого он впоследствии был два или три раза, будучи настолько удачливым, что получал прибыль от каждой из своих сделок.

В 1848 году доктор Беннетт был единогласно избран профессором Института медицины (*то есть физиологии*) в Эдинбурге. В этой новой работе он вскоре стал замечен практичностью своего преподавания и постоянным освещением вопросов, имеющих отношение к патологии и медицине. Он превращал каждую лекцию в полноценное исследование, обогащая ее всеми доступными ему приемами, материальными и художественными, и приукрашивая ее законченным изложением. Время от времени он откладывал в сторону свою рукопись, чтобы прокомментировать, а часто и осудить мнения других, чем наживал себе врагов, поскольку недостаточно взвешенно обращался с оппонентами. И все же можно с уверенностью сказать, что им двигала не личная неприязнь, а только противоположность взглядов. Тем не менее, он был слишком благосклонен к своей собственной работе и недостаточно ценил других людей. Обычному студенту нравились те особенности доктора Беннетта, которых он сам не испытывал на себе, но на клинических занятиях или в экзаменационном зале его беспощадная логическая хватка несколько напрягала студенческий разум, и экзаменатор, как правило, внушал страх.

Из-за своеобразной организации работы в Эдинбурге предполагалось, что Беннетт будет преподавателем клинической медицины, а также профессором физиологии; таким образом, важность его работы в лазарете была столь же велика, как и в лекционном зале. Он был клиническим преподавателем высочайшего уровня — ничто не должно было остаться незамеченным. Всем методам исследования случая пациента усердно обучали студентов, которые сами должны были точно и методично наблюдать. Он испытывал и стимулировал своих учеников[15] наиболее остро с помощью диспутов, вопросов и аргументации; и таким образом он воспитал группу людей, которые приносят его влияние во всю свою работу.

В 1845 году доктор Беннетт опубликовал случай “Гипертрофии селезенки и печени”, который является первым зарегистрированным случаем заболевания, характеризующегося большим количеством белых кровяных телец в крови, ныне известного как лейкоцитемия. Хотя Беннетт сначала не распознал его истинную природу, его описание и последующие работы многое сделали для выяснения болезни, и его имя должно быть с честью связано с этим предметом.

Возможно, однако, самая большая услуга, которую Беннетт оказал медицине, независимо от его пропаганды использования рыбьего жира при чахотке, - это его решительный протест против снижения эффективности лечения пневмонии и других воспалительных заболеваний. По этому поводу в “Ланцете” (9 октября 1875 г.) говорится: “Он свел смертность от неосложненной пневмонии к нулю. Он продемонстрировал не только доступность, но и пагубность противовоспалительного лечения, которое веками управляло лучшими умами цивилизованного мира. Несомненно, другие врачи работали в том же направлении еще до Беннетта, но он разработал собственное лечение, которое дало самые блестящие результаты, и он придерживался его и патологических взглядов, на которых оно было основано, так неуклонно и на протяжении столь долгого ряда лет, что установил его истинность и произвел в значительной степени революцию в медицинской практике при острых заболеваниях.” Более поздние нападки доктора Беннетта на ртутное лечение заболеваний печени были почти такими же сильными, как нападки на кровотечение и противовоспалительные методы, но предпринятые в конце жизни, не произвели такого впечатления.

Доктор Маккендрик приводит в “Британском медицинском журнале” от 9 октября 1875 года список из не менее чем 105 статей и мемуаров Беннетта. Среди его более крупных работ были “Введение в клиническую медицину”; “Лекции по клинической медицине”, 1850-6, которые в

более поздних изданиях были озаглавлены “Клинические лекции о принципах и практике медицины”. Из этого его главного труда при его жизни в Соединенных Штатах вышло шесть изданий, и книга была переведена на французский, русский и индуистский языки. “Очерки физиологии” появились в 1858 году, а учебник физиологии - в 1871-2 годах. К его работам о раковых и злокачественных новообразованиях, о патологии и лечении туберкулеза легких и о восстановительном лечении пневмонии, конечно, можно обратиться как к содержащим авторитетные утверждения его взглядов на эти важные темы. Он написал статью о чахотке в “Системе медицины” Рейнольдса, отчеты о действии ртути на печень и исследования антагонизма лекарств, как отчеты Британской медицинской ассоциации, 1867-1875.

Доктор М'Кендрик, некоторое время ассистент и заместитель Беннетта, говорит о нем:[16] “Профессор Беннетт был человеком ясного и логичного интеллекта. То, чего он хотел в широте взглядов, он получил в проницательности. Немногие могли быстрее схватить суть предмета или раньше или точнее понять реальную суть проблемы. *Метод* был преобладающим качеством его ума, которое руководило им как учителем.... Ему требовалось терпение к деталям, сила позитивного научного выражения и способность широко рассматривать все факты, имеющие отношение к тому, что непосредственно обсуждалось. Он проявлял скептицизм ко всем вопросам до тех пор, пока не был полностью убежден”.

“Его склонность свободно отпускать критические и саркастические замечания по поводу работ других людей не сделала его всеобщим любимцем среди некоторых его профессиональных собратьев, следовательно, он так и не приобрел обширной практики в качестве врача-консультанта, что по другим соображениям было его заслугой. Он был слишком большим реформатором, слишком ярко выраженным и откровенным в своих взглядах; он слишком сильно отождествлял себя с определенными направлениями мысли; и следует признать, что он не обладал той неопределимой манерой поведения, которая внушает доверие как пациенту, так и практикующему”.

“Те, кто знал его лучше всех, очень любили доктора Беннетта. Он блистал в кругу общения, где его любовь к музыке и умение блестяще вести беседу наполняли комнату сиянием”.

В 1855 году Беннетт безуспешно боролся за кресло заведующего медицинской практикой в Эдинбурге и очень сильно переживал свой неуспех. В течение следующих десяти лет он продолжал активную работу, но в 1865 году начал серьезно страдать от заболеваний бронхов и горла. Позже на него напал диабет, и ему пришлось провести несколько зим на Континенте. В 1874 году он оставил профессорскую должность. В августе 1875 года он был рад получить в Эдинбурге степень доктора права, его бюст работы Броуди был подарен университету бывшими учениками. В сентябре он был прооперирован по поводу стоуна в Норвиче мистером Кэджем и скончался 25 сентября, будучи похороненным на кладбище Дин в Эдинбурге рядом со своими друзьями Гудсиром и Эдвардом Форбсами. Его жена, сын и четыре дочери пережили его.

СНОСКИ:

[14] Биографическая справка, предваряющая “Исследования по физиологии и медицине” Грейвса, 1863.

[15] Эдинбургский медицинский журнал, 1 октября 1845г.

[16] Эдинбургский медицинский журнал, ноябрь 1875 г., стр. 473. См. также Британский медицинский журнал, 9 октября 1875 г.

ГЛАВА XXIV.

КОНОЛЛИ, МОДСЛИ И ПСИХИЧЕСКИЕ ЗАБОЛЕВАНИЯ.

Современное осознание связи психического здоровья с физическим, отнесение психических феноменов к сфере биологии и сопутствующее понимание истинного отношения врача к психическим заболеваниям, несомненно, отодвинули на второй план достижения, которым менее ста лет, а некоторые из них датируются всего пятьюдесятью годами ранее. И все же простое прекращение действия системы сдерживания, применявшейся с незапамятных времен почти ко всем сумасшедшим, было, возможно, большей практической революцией, чем только что упомянутая биологическая; и Англия стоит в авангарде этой революции.

Старые приюты для умалишенных в этой стране были объектами страха и отвращения. Строгость считалась абсолютной необходимостью в их ведении. “Испуганные посетители, - говорит Конолли,[17] “увидели, что многие были в ярости ... и им никогда не приходило в голову, что обычная суровость была настоящей причиной обычной ярости”. Новый Бетлем в Мурфилдсе два столетия назад был местом цепей, кандалов и колодок. Вплоть до 1770 года заключенные выставлялись на всеобщее обозрение за плату в два пенса, впоследствии сниженную до одного пенни.

Медицинская профессия привыкла пренебрегать психическими заболеваниями и мириться с суровым лечением. Жестокость приобрела остроумные формы. В некоторых континентальных лечебницах пациенты были напуганы постепенным подъемом воды в колодце, в котором они были прикованы. Были изобретены машины, с помощью которых новоприбывшего сумасшедшего можно было бы внезапно поднять на вершину башни и так же внезапно опустить в глубокую темную пещеру; “если бы пациента можно было заставить спуститься среди змей, это было бы еще лучше”. Было изобретено вращающееся кресло, в котором жертву можно было привязать ремнями и заставить вращаться со скоростью сто оборотов в минуту. Это восхвалялось как мощное средство успокоения неуправляемых и, как предполагалось, вызывало у меланхоликов “естественный интерес к житейским делам”. Мы можем лишь вскользь упомянуть о том, насколько исчерпалась изобретательность при разработке методов усмирения и пыток.

Ничто не могло быть хуже, чем состояние Бисетра и Сальпетриера, двух крупных приютов Парижа, когда в 1793 году Пинель был назначен в первый Кузенон, Туре и Кабанисом, недавно назначенными администраторами парижских больниц. В сырых, темных камерах, кишаших крысами, содержались покрытые грязью существа, чьим единственным утешением было немного соломы, закованные в цепи, подвергавшиеся жестокому обращению и сопровождаемые жестокими преступниками. Почти десять лет назад внимание Пинеля было направлено на лечение душевнобольных, и теперь, несмотря на трудности, которые чиновники чинили на его пути, ему удалось ослабить цепи и улучшить лечение большинства пациентов. И все же его реформы едва не стоили ему жизни. Ходили слухи, обвинявшие его в каких-то злых

намерениях освободить опасных сумасшедших, и однажды толпа схватила его и издала хорошо известный ужасный крик “à la lanterne!”. Старый солдат французской гвардии, некогда сумасшедший, которого он освободил от цепей, вылечил и нанял к себе на службу, был подходящим средством для его спасения. Таким образом, филантропия по отношению к ее детям была еще раз оправдана.

Именно в этот период английское общественное мнение было взбудоражено сообщениями о жестокости и последовавших за ней смертях в Олд-Йоркской лечебнице. В 1791 году дама, принадлежавшая к Обществу друзей, была помещена в этот приют; ее друзьям было отказано в посещении ее, и через несколько недель она умерла. Проведенные расследования показали большие основания для подозрений, хотя получить полную информацию не удалось.^[18] Но с большой оперативностью Уильям Тьюк, известный друг в Йорке, чья семья по-прежнему славится вниманием к делам душевнобольных, предложил в начале 1792 года создать в Йорке “Приют” для душевнобольных пациентов, в котором сочувствие должно быть заменено недоброжелательностью, строгостью, и побоями. Отчет Сэмюэля Тьюка о его управлении, приведенный в 1813 году, до сих пор является образцом во многих отношениях.^[19]

Однако ни Пинель, ни Тьюки не были достаточно смелы, чтобы полностью отказаться от механического принуждения. В 1818 году Эскироль, истинный преемник Пинеля во Франции, обнаружил, что жестокое обращение все еще широко распространено в провинциальных приютах Франции. В Англии механическое усмирение продолжало в основном применяться до времен Конолли и сохранилось в некоторых частных лечебницах по сей день. Мы не можем вдаваться в дальнейшие подробности по этому поводу, но спешим упомянуть имена двух человек, доктора Чарлсворта и мистера Гардинера Хилла, которых навсегда запомнят как первых, кто полностью отказался от механического принуждения в маленькой лечебнице Линкольна. Доктор Чарльзуорт, врач приюта, в течение многих лет усердно наблюдал за последствиями механического принуждения и постепенно уменьшил количество инструментов сдерживания в приюте. Наконец, было принято решение о полном отказе от механических удерживающих устройств, которые были применены на практике мистером Гардинером Хиллом в 1836 году совместно с доктором Чарльзуортом с самыми обнадеживающими результатами.

Теперь мы переходим к человеку, который, можно сказать, больше, чем кто-либо другой в Англии, так прочно установил систему без ограничений, что она никогда не будет нарушена. Джон Конолли родился в Маркет-Рейзене в Линкольншире в 1794 году. Его отец, член хорошей ирландской семьи, умер молодым, и забота о молодой семье легла на его вдову, чья девичья фамилия была Теннисон, и чье терпение и самопожертвование ее сын всегда с любовью признавал главным фактором, повлиявшим на его собственный успех. Когда его мать в конце концов вышла замуж за французского джентльмена, политического эмигранта, последний обучил своего пасынка французскому языку и привил ему подлинный вкус к языку и его знание. Эссе Кондильяка “О происхождении человеческого знания” оказало влияние на его умственную жизнь. В подростковом возрасте его внимание впервые привлекла тема неумняемости во время осмотра Психиатрической лечебницы Глазго, и с тех пор он никогда не переставал проявлять к ней глубочайший интерес.

В восемнадцать лет молодой Конолли стал офицером полка ополчения, в котором прослужил несколько лет. Будучи еще молодым, он женился в 1816 году на дочери сэра Джона Коллинза и

уехал жить во Францию, на берега Луары. Год спустя он решил стать врачом, а в 1817 году стал студентом Эдинбургского университета. После успешной карьеры, в ходе которой он был одним из президентов Королевского медицинского общества, он получил степень доктора медицины и начал практиковать в качестве врача в Чичестере. Здесь он близко познакомился с доктором (впоследствии сэром Джоном) Форбсом, с которым впоследствии был тесно связан в литературных вопросах.

Доктор Конолли недолго оставался в Чичестере, но в 1823 году переехал в Стратфорд-на-Эйвоне, где написал множество статей и принял участие в редактировании “Энциклопедии практической медицины” и “Британского и иностранного медицинского обозрения”. В Стратфорде он стал олдерменом и мэром, основал общественную амбулаторию и с энтузиазмом изучал Шекспира. Это побудило его впоследствии, во время практики в Уорике в 1835 году, принять активное участие в качестве председателя комитета, созданного для обеспечения сохранности могилы Шекспира и восстановления алтаря церкви.

В 1827 году доктор Конолли был назначен профессором медицинской практики Лондонского университета, на этом посту он проработал всего четыре года, сочтя жизнь лондонского врача неподходящей своим вкусам. В 1831 году он снова отправился в деревню, обосновавшись в Уорике.

Тема безумия давно привлекала внимание доктора Конолли. Он изучал этот вопрос как за границей, так и дома и в течение пяти лет (пока жил в Стратфорде) был врачом-инспектором в Домах для умалишенных графства Уорик - должность, которую он возобновил, когда поселился в Уорике. Он безуспешно предлагал совету университета проводить для своих учеников клинические инструктажи по невменяемости в одном из лондонских приютов для умалишенных. “Таким образом, - говорит сэр Джеймс Кларк,^[20] - клиническое обучение психическим заболеваниям в этой стране было отброшено на тридцать лет назад”.

В 1830 году Конолли опубликовал свою ценную работу “Исследование признаков безумия с предложениями по лучшей защите душевнобольных и уходу за ними”. Его целями были облегчить распознавание безумия, показав, чем оно отличается от тех разновидностей психики, которые ближе всего к нему подходят; и указать на те обстоятельства, которые даже у лиц, явно душевнобольных, сами по себе могли оправдать различные степени сдержанности. Он сокрушался, что за время студенческой карьеры видел случаи безумия только по какой-то редкой случайности. Все сумасшедшие дома были закрыты для него, и все же, получив соответствующую квалификацию, он мог в любой день принять решение о невменяемости пациента. В свете некоторых недавних открытий цитата из введения к этой работе (стр. 3) вполне уместна. “Робость или невежество, а может быть, и нечестные мотивы родственников приводят к преувеличенным представлениям; и огромная выгода, получаемая от части практики, почти отделенной от общей медицины, не может не действовать время от времени против надлежащей осторожности при допущении таких представлений. Когда интересы людей зависят от мнения, было бы слишком ожидать, что это мнение всегда будет формироваться осторожно или даже во всех случаях честно высказываться. Наиболее уважаемые практикующие врачи в этой области открыто оправдывают применение ограничений до осмотра пациента и на основании простого сообщения других; и, по-видимому, в суды поступали свидетельства о невменяемости отдельных лиц, касающиеся лиц, с которыми у обвиняемых никогда не было беседы; и что на этих показаниях частично основывались

судебные разбирательства, результатом которых стало заключение сумасшедших в тюрьму и наложение ареста на их имущество. Когда дело ведется с большей формальностью и подозреваемого навещают перед заключением в тюрьму, те, кто навещает его, часто очень мало знакомы с психическими расстройствами и приходят скорее для того, чтобы найти доказательства его безумия, в которых, по мнению одержимых, редко бывает недостатка, чем для осторожного изучения состояния его разума.

“Если бы человека в здравом уме посетили таким образом, и он знал бы об этом визите заранее, ему было бы не совсем легко вести себя так, чтобы избежать убеждения что он был *не* в здравом уме. Его негодование сошло бы за бред; его сдержанность - за вошедшую в поговорку хитрость сумасшедшего”.

После описания состояния приютов и сумасшедших в то время автор рассматривает структуру человеческого понимания и неравенство, слабости и особенности разума, которые не поддаются пониманию, а также влияние стимулов, возраста и болезней на разум, а затем обсуждает феномены безумия и вопросы лечения и защиты. Он настаивает на необходимости самого тщательного наблюдения за слугами, занятыми уходом за ними. В случаях, когда пациенты могут причинить вред себе или другим, он настаивает на наблюдении, а не на механических средствах удержания. Он предлагает полную схему государственной помощи всем сумасшедшим, обеспечивающую полную гласность процедуры. Наконец, он указывает на растущую подверженность нервной системы дезорганизации из-за возросшего давления и более разнообразных тревог современной жизни, и это наблюдение наиболее полно подтверждается тем, что было установлено с его времен.

Эта работа, наиболее читаемая и интересная как для медиков, так и для широкого круга читателей, не была воспринята с достаточной теплотой. Слишком многие были привязаны к старым системам лечения; слишком многие ничего не знали о душевных болезнях, и их сочувствие не могло быть вызвано в пользу сумасшедших. Таким образом, Конолли был оставлен на свою сельскую работу в Уорике, с годичным проживанием в Бирмингеме, до 1839 года, когда он был назначен постоянным врачом в лечебнице округа Миддлсекс в Хануэлле, в то время крупнейшей в Англии. Он воспользовался возможностью посетить приют Линкольна и извлечь из его опыта все возможные преимущества. Теперь он был убежден, что механическое сдерживание не только не нужно, но, возможно, и вредно. Лишь в немногих других странах система без ограничений получила распространение. Хэнвелл имел репутацию одного из наиболее благоустроенных приютов в Англии, многие пациенты были заняты в сельском хозяйстве и другими занятиями. Однако через год после отставки сэра Уильяма Эллиса, когда Конолли вступил в должность, “инструментов механического удержания того или иного вида в палатах было так много, что их количество, собранное вместе, составляло около шестисот, примерно половину из них составляли наручники и ножные фиксаторы”.

Конолли приступил к своим обязанностям 1 июня 1839 года. В то время в лечебнице содержалось 800 пациентов, и он обнаружил, что сорок из них находятся в постоянном механическом ограничении. В своем первом отчете на квартальных сессиях он проинформировал судей о том, что с 21 сентября ни один пациент не был подвергнут ограничению свободы. “В настоящее время не используются ни смиренная рубашка, ни наручники, ни фиксаторы для ног, ни какие-либо приспособления, ограничивающие туловище, конечности или какие-либо мышцы. Принудительные стулья, числом около сорока, были

полностью вынесены из палат ”. На самом деле их разрезали, чтобы сделать пол для столярной мастерской.

Это было сделано не без некоторых хлопот и беспокойства. Потребовалось время, чтобы ознакомить офицеров и обслуживающий персонал с принципами новой системы, в которой они были лишены своей старой опоры. Помощь, которую он получил от мисс Пауэлл, старшей сестры, была самой ценной. За десять лет в Хэнвелл не поступило ни одного случая, когда механическое усмирение было сочтено необходимым, хотя среди них было много пациентов, склонных к суициду. Фактически, снятие ограничений имело тенденцию прямо и мощно способствовать их выздоровлению, устраняя чувство деградации, вызванное таким ограничением, вводя их в сферу медицинских средств лечения и жизнерадостных влияний. Единственными разрешенными заменами были в некоторых случаях уединение пациента в обычной спальном комнате и, в крайних случаях, в обитой войлоком комнате, в которой пол служил кроватью; о таком уединении немедленно сообщали медицинским работникам и регистрировали, даже если оно продолжалось всего несколько минут. Этого было признано достаточным для защиты других пациентов, успокоения рефрактерного и оказания тонизирующего и лечебного воздействия. К душу-ванне прибегали редко, за исключением медицинских соображений; ограждения окон, одежда и постельные принадлежности из прочных материалов для предотвращения разрывов требовались лишь в нескольких случаях. “Великая и единственная реальная замена сдержанности - неизменная доброта”, - говорит доктор Конолли. “Это чувство должно вдохновлять каждого человека, выполняющего любую свою обязанность”.

Доктор Конолли опубликовал основные результаты своего опыта в своих клинических лекциях в журнале the Lancet в 1846 году и в работе о строительстве приютов и управлении ими в 1847 году. Его ежегодные отчеты судьям подробно описывали прогресс его системы, а затем он обобщал их и публиковал коллективно. По прошествии десяти лет, убедившись, что в Хэнвелле нет опасности отказа от системы без ограничений, доктор Конолли перестал быть постоянным врачом и стал приезжим врачом, посещая лечебницу два раза в неделю и проводя там большую часть дня. По словам доктора Хитчмана, его интерес к пациентам, казалось, никогда не ослабевал. Он всегда искал в пациенте что-то, заслуживающее похвалы, - лучше ухоженные волосы, более опрятно надетую одежду и т.д. - И, обращаясь к пациентам самым нежным, ласковым тоном, он всегда делал свои визиты предметом страстного желания. Пожилые санитары больницы в последующие годы рассказывали о неустанной бдительности доктора Конолли в первые годы его эксперимента. Он посещал палаты в любое время ночи, чтобы убедиться, что его приказы выполняются, и бесшумно ходил по коридорам. Высокие религиозные принципы помогали ему выполнять свои тяжелые обязанности. “Я чувствую благодарность Богу, - писал он, - который возложил на меня обязанности, до выполнения которых могли бы снизойти ангелы”. Он сильно страдал от кожных заболеваний, из-за которых не спал по ночам и чувствовал себя не в своей тарелке днем; и, следовательно, был подвержен приступам депрессии и раздражительности, которые иногда заставляли его казаться нетерпеливым.

В 1852 году, после его ухода с поста приглашенного врача, связь Конолли с Ханвеллом практически прекратилась, и кусок тарелки и его собственный портрет работы сэра У. Гордона были подарены ему на публичном собрании лордом Шефтсбери. В своем ответе по этому поводу доктор Конолли сказал: “Те, кто хорошо меня знает, поверят мне, когда я скажу, что никогда не

было случая, чтобы чувство заслуги меньше отражалось в груди человека, удостоенного общественной чести, чем во мне в этот момент”. Далее он заявил, что, когда он впервые услышал о создании приюта Ханвелл, его охватило неугомонное желание однажды стать его главой.

Доктор Конолли неустанно защищал многие объекты филантропии, как до, так и после своего ухода из Hanwell. Среди них были общественные приюты для сумасшедших среднего класса, обучение медиков психическим заболеваниям, создание приютов для идиотов, особенно в Эрлсвуде. Он был первым врачом, к которому миссис Пламб обратилась в связи с фондом Эрлсвуда, и его сотрудничество с доктором Эндрю Ридом оказало предприятию самую важную услугу.

Доктор Лэнгдон Даун, бывший суперинтендант медицинской службы в Эрлсвуде, писал о Конолли: “Его визиты были самым освежающим эпизодом из всех, что я помню в связи с приютом. Приступив к своей работе (в 1858 году) как человек неопытный и обнаружив, что я связан с учреждением, которое стало непопулярным в Совете по борьбе с безумиями, я в основном решил занять должность, которая так сильно подавляла благодаря влиянию доктора Конолли. Это влияние было волшебным. Скромность его характера могла сравниться только с настоящей любовью, которую он проявлял к душевнобольным.

“Во время визитов Правления он ускользал от своих коллег, и его можно было застать за любовным общением с маленькими членами моей подопечной таким образом, какого никто никогда не видел ни до, ни после. Более того, он так поощрял каждого чиновника в его работе, что удовольствие от его визита сохранялось до тех пор, пока он снова не вернулся.... Что касается меня, то мне часто приходилось обращаться к нему за советом, и никогда я не был поражен его рассудительностью и обаянием его влияния, высокой решимостью, которую он внушал человеку, и той готовностью, которую он проявлял, наравне с ответственностью, поддерживать власть медицинского суперинтенданта и, таким образом, предотвращать повторение тех зол, о которых ему приходилось так горько сожалеть на собственном опыте ”.

Годы после того, как Конолли покинул Ханвелл, были посвящены обширной практике, особенно в случае психических заболеваний. Через несколько лет непрерывный труд сказался на нем, и он сильно страдал от хронического ревматизма и невралгии. В конце концов он был вынужден оставить практику, когда поселился в Лоун-Хаусе, Хануэлл, откуда мог видеть лечебницу, в которой провел столько тревожных часов. В конце концов он потерял умственную энергию и не смог завершить несколько трактатов и записей об опыте, которые он обдумывал. Он, однако, оставил непреходящий памятник своей жизни - книгу “Лечение душевнобольных без механических ограничений”, 1856 год, написанную наиболее читаемым стилем. Мы не должны упускать из виду его курсы лекций о безумии в Колледже врачей и Королевском институте, его статьи о детском безумии и, наконец, “Исследование Гамлета”, в котором он приводит наиболее искусно выстроенные аргументы, доказывающие, что безумие Гамлета было настоящим, а не притворным. Что касается обращения Гамлета с Офелией во втором акте, сцена 1, и особенно в сцене, где Гамлет и Лаэрт встречаются у ее могилы, он заметил: “Картина безумия здесь слишком точна, ее свет и тени слишком близки к природе, чтобы быть нарисованной просто как иллюстрация притворства, причем притворства без понятной цели”. И сэр Теодор, и леди Мартин (мисс Хелен Фаусит) сочли его изложение наиболее удовлетворительным и что оно окончательно разрешило вопрос.

После долгих лет слабости Конолли скончался от приступа паралича с судорогами, который закончился смертельным исходом через несколько часов, 5 марта 1867 года. Немногие оставили после себя яркую репутацию врача и филантропа.

Улучшение лечения душевнобольных и расширение знаний о психических заболеваниях быстро прогрессировали в последние годы благодаря усилиям и исследованиям многих работников, среди которых доктор Дж. Бакниль, Тьюк, Худ, Локхарт Робинсон и Форбс Уинслоу бросаются в глаза. Список их работ завел бы нас в слишком широкое поле. Но дело жизни одного из зятьев доктора Конолли, Генри Модсли, носит характер, который, хорошо это или плохо, оказывал и продолжает оказывать мощное влияние на молодые умы. Здесь мы вступаем в область работы, находящуюся под влиянием философии Дарвина и Герберта Спенсера, применительно к физиологии и патологии психики, а также к взаимоотношениям между телом и психикой. Еще не пришло время для беспристрастной оценки поразительных работ, которые доктор Модсли представил в плодотворной последовательности в дополнение к своим обширным трудам в качестве одного из редакторов журнала *Mental Science*. Но несомненно, что каждый, кто хотел бы оценить силу так называемой “материалистической” школы, будь то метафизик, врач или человек средней культуры, должен прочитать работы доктора Модсли. Они написаны бесстрашно и по большей части с замечательной ясностью, демонстрируя знание литературы и философии, с которыми не часто встретишься, в сочетании с большим практическим опытом в области психических явлений.

Генри Модсли родился недалеко от Гигглсвика, в Йоркшире, 5 февраля 1835 года. Получив начальное образование в школе Гигглсвик, он поступил в Университетский колледж Лондона и в 1856 году получил степень магистра медицины в Лондонском университете с отличием университетского ученого в области медицины. В 1857 году он получил степень доктора медицины. В 1859-1862 годах он был врачом-ординатором Королевской психиатрической больницы Манчестера. Позже, вернувшись в Лондон, он на некоторое время стал профессором медицинской юриспруденции в своем старом колледже, а позже врачом-консультантом в больнице Западного Лондона.

В статье “Теория жизнеспособности”, которую доктор Модсли опубликовал в “Британском и зарубежном медико-хирургическом обозрении” в 1863 году (переиздана в “Теле и разуме”, 1870), он продемонстрировал поразительную силу для двадцативосьмилетнего молодого человека. Его вывод состоял в том, что сознательный разум человека сливается в единстве развития с бессознательной жизнью природы. Он искал гармонизацию идеализма Платона и реализма Бэкона как выражений одних и тех же истин.

В 1867 году доктор Модсли опубликовал важную работу по физиологии и патологии психики. Предполагалось, что он будет рассматривать психические явления скорее с физиологической, чем с метафизической точки зрения, и, во-вторых, чтобы многочисленные поучительные примеры, представленные нездоровым умом, повлияли на интерпретацию неясных проблем науки о психике, и сделать все возможное, чтобы положить конец неблагоприятному разделению двух ветвей его предмета. Он энергично разоблачал недостатки психологов и метафизиков и, естественно, столкнулся с суровой критикой, и можно допустить, что некоторые из его высказываний были скорее выражением юношеского энтузиазма, чем зрелой мудрости.

Но книга имела такие достоинства, что в следующем году потребовалось второе издание, которое вскоре было исчерпано, после чего книга на несколько лет вышла из печати.

Наконец, доктор Модсли переиздал в измененном виде "Физиологию разума" отдельным томом объемом 550 страниц (1876), выдвинув его как исследование в свете существующих знаний о нервных структурах и функциях, которые являются вероятными физическими основами тех природных явлений, проявляющихся в сознании, или чувствах, и мыслях. В этой работе он говорит (стр. 47): "то, что субъективный метод — метод исследования самосознания — неадекватен построению истинной ментальной науки, теперь, по-видимому, установлено в достаточной степени. Это не значит, что она бесполезна; ибо, если не напрягаться сверх своих возможностей, ее результаты в руках компетентных людей должны быть столь же полезными, сколь и незаменимыми.... То, чему бесспорно учит справедливое размышление, современное состояние физиологии иллюстрирует практически. Хотя физиология как наука очень несовершенна, она достигла достаточного прогресса, чтобы доказать, что никакая психология не может существовать, если она не будет основана на ее исследованиях".

Тем временем в 1870 году доктору Модсли было предложено прочитать лекции по Гульстонианству в Колледже врачей, и они были опубликованы в небольшой книге под названием "Тело и разум: исследование их связи и взаимного влияния, особенно применительно к психическим расстройствам". В первой лекции излагались физические условия психической функции в условиях здоровья; во второй описывались некоторые формы психической дегенерации, которые наглядно демонстрировали действие физических причин из поколения в поколение и связь психических расстройств с другими заболеваниями нервной системы. Третья включала общий обзор психической патологии и взаимосвязи болезненных состояний тела с нарушениями психических функций.

Тем временем некоторые важные судебно-медицинские дела выдвинули на первый план убеждение доктора Модсли в том, что существует множество форм психических заболеваний, при которых пациент не должен нести уголовную ответственность за свои действия, хотя он может быть полностью осведомлен об их природе. Это было определенно выражено еще в 1864 году в брошюре, озаглавленной "Безумие и преступление", медико-юридическом комментарии к делу Джорджа Виктора Таунли, подготовленном редакторами Journal of Mental Science. Более полно она была развита в 1872 году доктором Модсли в его книге "Ответственность за психические заболевания", выдержавшей множество изданий.

В 1879 году "Патология разума" появилась в отдельном и расширенном виде и содержит систематическое изложение предмета, представленное описанием сна, сновидений, сомнамбулизма и смежных состояний. Затем он переходит к рассмотрению причин безумия, как социальных, так и материальных, а затем дополнительно разъясняет симптомы безумия, рассматривая его как одно заболевание с различными проявлениями, а затем выделяет клинические группы психических расстройств, встречающихся на практике и с которыми приходится иметь дело врачу. Большим достоинством этой книги является то, что содержащиеся в ней клинические картины взяты с натуры. Отрывок из главы iv, посвященной влиянию условий жизни на возникновение безумия, покажет, как на каждом шагу доктор Модсли вводит соображения, касающиеся морали.

"Максимы морали, которые провозглашались святыми людьми древности как религиозные уроки, необходимые для благополучия и стабильности семей и наций, на самом деле не

являются ни безумными мечтами вдохновенной фантазии, ни пустыми словами, которыми их озвучивают проповедники; основанные на искреннем признании законов природы, действующих в человеческих событиях, они были видениями вечных истин человеческой эволюции. Несомненно, 'вечное оружие' находится под властью честного человека, который поступает честно, но это вечные законы природы, которые поддерживают того, кто, поступая законно, ведет жизнь, находящуюся в полной гармонии с законами естественного прогресса; разрушения, которые обрушиваются на того, кто поступает вероломно и творит беззаконие, 'не соблюдая заповедей Господа, чтобы повиноваться им', являются возмездными последствиями нарушенных законов природы. Сколько времени пройдет, прежде чем люди осознают вечность действия, хорошего или дурного, и проникнутся острым чувством ответственности и сильным чувством долга, которые должно породить столь ужасное отражение? Сколько пройдет времени, прежде чем они отчетливо осознают, что при господстве закона на земле грех или ошибка неумолимо караются, как указывается на добродетель, в ее последствиях, и примут близко к сердцу урок, который они преподают своему поколению, что должно быть predetermined в устройстве поколения после них?"

Более поздняя важная работа - "Тело и воля", 1883. "С моей точки зрения, это оправдание, - говорит доктор Модсли, - заключается в том, что я всю свою жизнь имел дело с разумом в его конкретных человеческих воплощениях, и что для того, чтобы выяснить, почему люди чувствуют, думают и поступают по-разному, и каким образом лучше всего обращаться с ними, чтобы выполнить свой долг перед собой и перед ними, у меня не было другого выбора, кроме как оставить бесплодные высоты спекуляций ради равнин, на которых люди живут, передвигаются и существуют. Недостаточно думать и говорить об абстрактных умах и их качествах, когда вы имеете дело с конкретными умами, которые необходимо наблюдать, изучать и управлять ими".

Эта работа затрагивает вопросы, слишком обширные, чтобы их можно было обсуждать вкратце; но один аспект мышления доктора Модсли хорошо изложен в следующем отрывке:

"В природе, какой мы ее видим, мы, кажется, наблюдаем конфликт враждующих противоположностей; тяготению противостоит или, скорее, дополняется отталкиванием; химическое сродство - химическим отталкиванием; магнитное притяжение - электрическим отталкиванием; эволюция - разложением; сохранение - революцией, тихой или катастрофической; любовь - ненавистью; любовь к себе - любовью к добру; рай - адом. Несомненно, что ненависть и разрушение являются такими же необходимыми факторами, как любовь и созидание в природе, которые не могли бы существовать или быть задуманы как существующие без одного, так и без другого; и называть одно более хорошим, чем другое, каким бы необходимым оно ни было с точки зрения человеческого эгоизма, это все равно что называть тяготение хорошим, а отталкивание плохим, как, несомненно, поступила бы гравитация, будь она самосознательной. Чтобы иметь теорию космогонии, которая охватывала бы все факты, всегда было необходимо дополнять хороший принцип плохим принципом, Бога любви и созидания Богом ненависти и разрушения. И так должно быть всегда. Мы можем, в согласии с логикой наших желаний, утешать себя в нашем паломничестве надеждой и верой в проявление добра через зло и в постоянство добра после исчезновения зла, точно так же, как, если бы нам было полезно и приятно лелеять иллюзию, мы могли бы убедить себя, что отталкивание однажды будет уничтожено, а тяготение сохранится, или что эволюция продолжится, а растворение прекратится; но если мы посмотрим на этот вопрос в духе

холодного строго рационального исследования, мы всегда найдем множество оснований полагать, что сумма соответствующих энергий добра и зло остается постоянным количеством, меняется только соответствующее распределение, и что мы могли бы с таким же успехом попытаться увеличить высоту горы, не увеличивая глубины долины, как увеличить добро в мире, очистив его от так называемого зла”.

Доктор Модсли стал членом Колледжа врачей в 1869 году, был президентом Медико-психологической ассоциации и получил степень доктора права в Эдинбургском университете в 1884 году.

СНОСКИ:

[17] “Лечение душевнобольных без механических ограничений”, 1856.

[18] Подробнее о разоблачении в 1813 и 1814 годах см. “Историю Йоркского приюта”, Йорк, 1815.

[19] Описание состояния Бетлемской больницы в 1815 году см. в цитированной выше работе Конолли, стр. 26-29. Создавая эту запись, Конолли говорит: “Ничто не может более убедительно проиллюстрировать ожесточающий эффект от того, что мы являемся обычными свидетелями жестокости, и процесс, которому подвергается сердце человека, когда ему позволено проявлять безответственную власть. Отчасти по привычке, отчасти из-за безразличия, отчасти из страха даже врачи, не особенно обвиняемые в бесчеловечности, раньше привыкли видеть пациентов во всех формах раздражающего стеснения и оставлять их такими, какими они их нашли. *Такие факты оправдывают крайнюю ревностность к допущению малейшего случайного применения механических ограничений в любой лечебнице. Однажды признанный, под любым предлогом, и каждое оскорбление последует со временем.*”

[20] Мемуары Джона Конолли, доктора медицины, D.C.L., сэра Джеймса Кларка, 1869; очень плохо оформлены.

ГЛАВА XXV.

ВЫДАЮЩИЕСЯ СПЕЦИАЛИСТЫ.

СЭР ЭРАЗМУС УИЛСОН И КОЖНЫЕ ЗАБОЛЕВАНИЯ; МОРЕЛЛ МАККЕНЗИ И БОЛЕЗНИ ГОРЛА; КОББОЛД И ВНУТРЕННИЕ ПАРАЗИТЫ.

Специализация определяется волей общества в той же степени, что и волей практикующего врача. Это верно для многих профессий, помимо медицинских. Хотя всеобщее обозрение всегда признавало способности людей, обладающих способностями универсального типа, такие люди редки, и существует сильная тенденция полагать, что человек не может быть мастером во всей области науки, но с большей вероятностью может быть мастером в ее части. Опять же, люди, которые хотят излечиться от болезни, ястребиным взглядом отмечают, а затем набрасываются на мужчин, которые кажутся им особенно способными в какой-то одной

области медицинской практики, и никакое осуждение специализации, никакое отступление со стороны врача не помогут против этого естественного отбора. Человек, к которому стекаются толпы пациентов одного вида, естественно, становится особенно опытным в обращении с ними: и невозможно остановить волну, сказав, что так не должно быть.

Специализация в Америке достигла удивительной степени, когда доктор Морелл Маккензи сообщает нам в своей статье “Специализация в медицине”,^[21] было бы почти невозможно найти город с десятью тысячами жителей, в котором не было бы трех или четырех специалистов; в то время как в городе со ста тридцатью тысячами жителей было обнаружено тринадцать специалистов, занимающихся исключительно лечением заболеваний горла.

Дни энциклопедических знаний, возможно, прошли, но потребность в широком, общем, научном и профессиональном образовании для врача, даже специалиста, никогда не исчезнет. Если, как говорит доктор Маккензи, левиафаны всеведения кажутся смутными и гигантскими, подобно мегатериумам и мастодонтам отдаленных геологических периодов, и если этот вид настолько полностью вымер, как он полагает, то руководителям медицинского образования тем более необходимо следить за тем, чтобы их ученики проходили широкий курс обучения, который должен справедливо отражать достижения прошлого и основные черты знаний настоящего. Эразмус Уилсон был человеком, который, несомненно, приобрел хороший послужной список в области общих профессиональных знаний и хорошо знал анатомию и физиологию своих студенческих лет.

Уильям Джеймс Эразмус Уилсон, сын Уильяма Уилсона, хирург, уроженец Абердина, в молодости военно-морской хирург, позже поселившийся в Дартфорде и Гринхите в графстве Кент, родился 25 ноября 1809 года на Хай-стрит в Мэрилебоне, где проживал его дед по материнской линии, Эразмус Бронсдорф, норвежец по происхождению. Он получил образование в Дартфордской средней школе и в Суонскомбе, но очень скоро начал практическую медицинскую работу под руководством своего отца в приходском лазарете. В шестнадцатилетнем возрасте его отправили в Лондон поступать в анатомический класс Джона Абернети, и нет никаких сомнений в том, что индивидуальность его учителя произвела на него сильное впечатление. Но среди его друзей были такие, кто также несколько углубил его вкусы в ботанику и зоологию, и изученным тогда энтомологическим фактам было суждено принести плоды в его Комментариях о болезнях кожи.

Уилсон получил возможность продолжить свое обучение в Париже в 1828 и в 1830 годах, где он посещал лекции Кювье и Жоффруа Сент-Илера, а также, среди прочего, наблюдал за практикой Дюпюитрена, Орфили и Лисфрана. Он прославился своими аккуратными вскрытиями, до такой степени, что получил прозвище “*richeur*”, или “болван” на английском сленге. К своему совершенству в анатомировании юный Уилсон присоединил такой же талант к рисованию, унаследованный от матери.

В 1826 году молодой Уилсон стал постоянным учеником мистера Лэнгстаффа, отца своего сокурсника, хирурга приходской больницы Крипплгейта. Здесь, в анатомическом кабинете Лэнгстаффа, где проводились многие патологоанатомические исследования, Уилсон познакомился со многими известными людьми, которые обращались туда, включая Джонса Куэйна и Уильяма Лоуренса. После основания медицинской школы Олдерсгейт при режиме

Лоуренса Уилсон присоединился к ней в качестве студента и в 1829-30 годах получил как хирургическую, так и акушерскую премии. В день своего совершеннолетия, 25 ноября 1830 года, Уилсон получил диплом Аптекарского дома.

Став членом Лондонского колледжа хирургов в 1831 году, доктор Джонс Куэйн, в то время профессор анатомии и физиологии Университетского колледжа Лондона, попросил Уилсона стать его ассистентом, и вскоре после этого он был назначен демонстратором анатомии под руководством Ричарда Куэйна. Уилсон был отличным преподавателем анатомии, и его частный музей вскрытий, подготовленный его собственными руками, в полной мере продемонстрировал его манипулятивные способности. Он руководил выполнением иллюстраций к знаменитой "Анатомии" Куэйна, а также к "Практической хирургии" Листона (1837).

Когда доктор Джонс Куэйн ушел на пенсию из больницы Университетского колледжа в 1838 году, Уилсон также отказался от своих назначений и основал школу анатомии под названием Сиденхэм-колледж, которая, однако, не оказалась в конечном итоге успешной. Затем он посвятил себя частной практике, которую смог найти на Шарлотт-стрит, Фицрой-сквер, зарабатывая на жизнь тем, что брал учеников и занимался литературной деятельностью. В 1838 году он выступил как автор "Руководства по практической и хирургической анатомии для диссектора", впоследствии выпустив "Книгу анатома" (1840), потребовавшую многих изданий. В том же году он стал преподавателем анатомии и физиологии в больнице Мидлсекса.

Тем временем Уилсон познакомился с человеком, которому было суждено направить его мысли в то русло, которое стало постоянным. Его отец, уволившись с военно-морского флота, снял особняк в Дехэме, Бакс, и основал частный приют для умалишенных; и в связи с этим учреждением Уилсон познакомился с мистером Томасом Уэйкли, членом парламента, основателем the Lancet и коронером Мидлсекса. Мистер Уэйкли назначил Уилсона заместителем редактора "Ланцета" в 1840 году, и этот пост он занимал в течение нескольких лет, продолжая писать для этого журнала после ухода с более обременительной должности, когда его частная практика увеличилась. Примерно в это же время он стал хирургом-консультантом Мэрилебонского лазарета и приобрел очень обширный опыт работы во всех отделениях госпитальной хирургии. На самом деле, поначалу казалось, что Уилсон, вероятно, оставит свой след как чистый хирург.

Однако, когда в этом направлении не открылось более определенного пути, мистер Уэйкли значительно повлиял на Уилсона в выборе особого направления практики как средства достижения успеха. В то время среди медиков было много открытых противников идеи специализации, и мистеру Уэйкли удалось преодолеть страх Уилсона утонуть под страшным именем шарлатана. Выбор специальности не составлял труда, поскольку кожные заболевания или дерматология в то время представляли собой практически необработанную область. "Я никогда не жалел о своем выборе", - заметил он однажды; [22] "в мире есть только одна вещь прекраснее, чем прекрасная здоровая кожа, и это редкое кожное заболевание".

В 1842 году Уилсон опубликовал свою обширную систематическую работу по кожным заболеваниям, а впоследствии выпустил двенадцать сборников фолиантов "Портреты кожных заболеваний". В связи с этим мы можем упомянуть, что он внес значительный вклад в хорошо известные пять томов анатомических таблиц, выпущенных совместно им самим и доктором

Куэйнном. В 1843 году он был избран членом Колледжа хирургов, а в 1844 году - членом Королевского общества, написав для последнего мемуары о недавно открытом паразите на коже человека, *Entozoon folliculorum*. Он познакомился с различными кожными заболеваниями, совершая длительные поездки на отдых — в Швейцарию и Вале, изучая зоб, в Италию, выискивая случаи стригущего лишая среди крестьян, на Восток, сделав проказу особым объектом исследования. Он написал статью “Кожа” для хирургического словаря Купера, отчет о проказе и множество статей на различные темы, связанные с этой специальностью.

Таким образом, Уилсон стал специалистом с большими заслугами, а также прибыльной практикой, и, как пишет the Lancet (16 августа 1884 г.), “знал о кожных заболеваниях больше, чем любой человек своего времени. Он лечил тогда, когда другим это не удавалось; и его работы по дерматологии, хотя на момент своего появления они встречали довольно резкую критику, почти все сохранили свои позиции учебников. Ужасные случаи золотухи, анемии и заражения крови, которые он наблюдал среди лондонской бедноты — к счастью, сейчас они встречаются реже, чем полвека назад, — вызвали у него горячее сочувствие. Но ему приходилось иметь дело как с богатыми пациентами, так и с бедными, и властный склад его ума позволял ему проявлять деспотизм в вопросах питания. Уилсон был не только непревзойденным диетологом, но и знал, как заставить своих пациентов смириться с введением военного положения”. Фактически, он в значительной степени рассматривал кожные заболевания как проявления внутреннего расстройства и конституциональных дефектов. Он постоянно следил за недостатком питания у детей и устранял его.

Уилсон был очень рад, что благодаря ему появилась небольшая работа “Жизнь младенца: ее воспитание и забота”, анонимно написанная женщиной и впервые опубликованная в его “Журнале кожной медицины”. В предисловии, которое он написал к ней, он выражает свое твердое убеждение в том, что гигиена является первой необходимостью учебного заведения, что при надлежащем воспитании почти все болезни младенцев будут устранены, что болезнь после правильно проведенной вакцинации может возникнуть только из-за пренебрежения надлежащим воспитанием и заботой, и что “здоровые дети никогда не болеют и никогда не умирают от вакцинации”.

Инцидентом, привлечшим внимание общественности к Эразму Уилсону, стало дознание, проведенное в Хаунслоу по делу солдата, умершего после полковой порки. Мистер Уэйкли провел дознание, которое длилось одиннадцать дней. Во многом благодаря решительным показаниям г-на Уилсона был вынесен вердикт, в котором говорилось, что причиной смерти было избиение кнутом. Общественное мнение было возбуждено, впоследствии было проведено парламентское расследование, и наказание в виде порки было, наконец, исключено из полкового кодекса.

Несколько работ значительных достоинств сделали имя Уилсона очень широко известным. Одна из самых популярных из них называлась “Здоровая кожа” и была впервые опубликована в 1845 году. В нем решительно пропагандировалось постоянное использование ванны, которое стало гораздо более распространенным, чем когда оно было впервые опубликовано. В 1853 году появился отредактированный им перевод “Искусства продления жизни” Хуфеланда. В книге “Восточная, или турецкая баня” 1861 года Вильсон дал мощный импульс созданию и распространению турецкой бани в Англии и изложил принципы и планы процедур,

рассчитанных на то, чтобы сделать эту баню безопасной для людей самого разного телосложения.

В 1869 году Эразмус Уилсон за свой счет основал музей и профессорскую кафедру дерматологии в Колледже хирургов с пожертвованием в 5000 фунтов стерлингов и был назначен первым профессором. В этом качестве он читал лекции почти десять лет. Было опубликовано несколько последовательных серий лекций, а также каталог музея. Он также был основателем кафедры патологии в Абердинском университете. Он также назначил патологоанатома куратором в Колледже хирургов. Он был избран в Совет колледжа в 1870 году, а в 1881 году стал президентом. В 1884 году, незадолго до его смерти, Колледж вручил ему специальную почетную золотую медаль.

Его ранние путешествия на Восток особенно заинтересовали Уилсона египтологией, и благодаря широкому чтению и изучению он стал очень сведущим в египетских знаниях, о чем свидетельствует его “Египет прошлого”, опубликованный в 1881 году. Его щедрость в связи с привозом обелиска, известного как “Игла Клеопатры”, в Лондон в 1877-8 годах - знакомая история. Было сделано много безуспешных предложений обеспечить его доставку в Англию, но правительству всегда не удавалось добиться каких-либо договоренностей. Генерал сэр Джеймс Александер зародил идею в голове Эразмуса Уилсона, рассказав ему о проекте сбора достаточной суммы денег по всеобщей подписке. Уилсон, который был очень заинтересован, подумал, что требуемая сумма в размере 10 000 фунтов стерлингов не поступит, и обязался выплатить всю сумму лично, мистеру Джону Диксону, генеральному директору, после успешной транспортировки. Таким образом, бритты навсегда будут обязаны ему обладанием этим избранным сокровищем египетской древности. Книга под названием “Игла Клеопатры: краткие заметки о Египте и египетских обелисках”, которую Уилсон выпустил в 1877 году, выдержала несколько изданий.

Но это были лишь некоторые из общественных целей, на которые Эразмус Уилсон посвятил свое состояние, значительно увеличенное исключительно умелыми инвестициями в акции газовых и железнодорожных компаний. В 1873 году он восстановил Суонскомбскую церковь недалеко от места своего рождения. Он учредил стипендию в Королевском музыкальном колледже стоимостью 2500 фунтов стерлингов, помимо того, что внес значительный вклад в его общие фонды. Он был крупным подписчиком Королевского медицинского благотворительного колледжа в Эпсоме и построил за свой счет дом для директора школы; кроме того, он построил за 30 000 фунтов стерлингов новое крыло и часовню для лазарета для морских купаний в Маргейте, где в основном лечат кожные заболевания. Он был убежденным масоном и щедро жертвовал на различные масонские благотворительные организации. В знак признания его многочисленных общественных заслуг он был посвящен в рыцари в 1881 году.

“С самых ранних лет, ” пишет Британский медицинский журнал (16 августа 1884 г.), “ он отличался особой добротой и мягкостью манер, что привело к появлению у него многих друзей; действительно, узнать его - значило полюбить. Его щедрость к бедным пациентам, приходившим к нему на консультацию, была очень велика, он не только назначал им лекарства бесплатно, но и предоставлял средства для проведения лечения, и это не только после того, как он разбогател, но даже в то время, когда он едва мог позволить себе быть щедрым. Количество добра, которое он сделал в частном порядке, вероятно, никогда не будет известно, поскольку он был одним из тех, о ком действительно можно сказать, что он никогда не позволял своей левой

руке знать, что делает его правая рука — настолько ненавязчивым он был в своей благотворительности ”.

Сэр Эразмус Уилсон за два года до своей смерти был нездоров и в течение года был совершенно слеп, но никогда не терял жизнерадостности. 23 июля 1884 года он присутствовал на освящении церкви Святого Спасителя в Вестгейте на Море, первый камень в фундамент которой он заложил годом ранее. В течение трех дней он серьезно заболел и умер 7 августа. В 1841 году он женился на мисс Доэрти, которая пережила его. У него не осталось семьи, и основная часть его имущества, что-то около 180 000 фунтов стерлингов, возвращается после смерти леди Уилсон Колледжу хирургов без каких-либо ограничений в распоряжении фондом. Другие наследства в размере 5000 фунтов стерлингов каждое он завещал Лазарету для морских купаний в Маргейте, Медицинскому благотворительному колледжу и Обществу помощи вдовам и сиротам медиков. Одно только такое завещание поставило бы человека в ряд великих общественных благотворителей. Уилсон, не дожидаясь смерти, стал благотворителем, и если его дары будут использованы в том духе, в каком он их передал, он встанет в один ряд с Джоном Хантером по материальному, если не интеллектуальному наследию, которое он завещал человечеству.

Происходящий из старинной шотландской семьи (Маккензи из Скотвелла), доктор Морелл Маккензи является сыном покойного мистера Стивена Маккензи, хирурга из Лейтонстоуна, и его жены Маргарет, дочери мистера Адама Харви из Льюиса. Морелл Маккензи родился в Лейтонстоне, на границе Эппинг Форест, 7 июля 1837 года. Его отец был человеком исключительной интеллектуальной одаренности, чьи исследования были направлены на изучение метафизики и психических заболеваний; поэтому он приобрел большой навык в лечении нервных расстройств, граничащих с безумием. О его способностях свидетельствовал мистер Бруденелл Картер в своем ценном эссе об истерии (см. стр. 268). Миссис Маккензи была умной женщиной с в высшей степени практичными наклонностями. Безвременная кончина Стивена Маккензи в 1851 году, когда его выгнали с работы и убили на месте, оставила его вдову с девятью детьми на весьма скудном обеспечении.

Морелл Маккензи получил образование у доктора Грейга из Уолтемстоу, многие из учеников которого поступили на службу в Ост-Индскую компанию. Маккензи всегда проявлял большой интерес к естественной истории, в которой его во многом поощряла мать, и с раннего возраста очень хотел стать врачом. Но медицинское образование было тогда не по средствам семье, столь внезапно лишившейся ребенка, и в возрасте шестнадцати лет его устроили в офис страховой компании Union Assurance Company в Корнхилле. Здесь он преуспевал очень хорошо, но никогда не оставлял надежды стать врачом. К счастью, благодаря любезной помощи родственника ему удалось удовлетворить это желание, и он, соответственно, оставил свою должность клерка и стал студентом Лондонской больницы.

Начав изучать медицину, Маккензи решил получить степень в Лондонском университете, совмещая работу в больнице с подготовкой к поступлению в университет. Став членом Колледжа хирургов в 1858 году, он впоследствии получил степень магистра с отличием по трем предметам. В Лондонской больнице он получил высшую золотую медаль за хирургию и золотую медаль за усердие, талант, и гуманное отношение к пациентам, присуждаемую губернаторами. Выйдя из больницы, он отправился в Париж, где в течение года учился у Труссо, Нелатона,

Рикорда и других. Он провел еще год в Вене, где изучал патологию у Рокитански, болезни грудной клетки у Шкоды, кожные заболевания у Хебры и болезни глаз у Арлта и Ягера. Во время своего пребывания в Вене Маккензи совершил экспедицию в Пеш, чтобы познакомиться с ларингоскопом, инструментом, изобретенным Мануэлем Гарсией, которым тогда начал пользоваться Чермак. Между этими двумя людьми завязалась дружба, которая закончилась только со скорбной смертью Чермака. Чермаку очень хотелось, чтобы Маккензи перевел некоторые из его работ и опубликовал их в английских медицинских журналах, но он решил несколько месяцев учиться в Италии, и прежде чем вернуться домой, Чермак сам приехал в Лондон и представил ларингоскоп в Англии. По прибытии в Лондон Маккензи сразу же был назначен постоянным врачом Лондонской больницы, а вскоре после этого - регистратором этого учреждения. Теперь он начал проводить ежедневные исследования с помощью ларингоскопа и вскоре опубликовал в медицинских журналах случаи лечения с его помощью. В 1862 году он получил степень доктора медицины в Лондонском университете.

В 1863 году Королевский колледж хирургов присудил Маккензи Джексонианскую премию за эссе о болезнях гортани, и по настоятельному совету многих своих друзей-медиков, особенно покойного доктора Герберта Дэвиса, он решил сделать болезни горла специализацией и, зарекомендовав себя на практике в Вест-Энде, сыграл важную роль в основании больницы горла на Кинг-стрит, Голден-сквер, в том же году. В 1866 году доктор Маккензи был назначен ассистентом врача в Лондонскую больницу, и его коллеги впоследствии предложили рекомендовать комитету этого учреждения создать под его руководством отделение болезней горла. Однако он отказался от этого на том основании, что хотел лечить болезни любого рода, находясь в Лондонской больнице. Однако он прочитал курс лекций по болезням горла в медицинском колледже Лондонской больницы, а также читал лекции по физиологии в течение трех лет. Впоследствии доктор Маккензи был вынужден, в связи с расширением своей практики, отказаться от работы в Лондонской больнице.

Доктор Маккензи в течение многих лет занимал видное положение не только как специалист, но и как поборник специализма и проявлял значительную настойчивость в отстаивании любого дела, с которым были связаны интересы специализма. Несколько лет назад, когда большинство специальных больниц были исключены из участия в Воскресном фонде Лондонской больницы, доктор Морелл Маккензи возглавил атаку на позицию, занятую комитетом, в результате чего казначей Фонда подал в отставку, и произошло изменение процедуры. Доктор Маккензи, среди других почетных членов зарубежных обществ, которые были ему присвоены, является одним из двух почетных членов Американской ларингологической ассоциации, другим является синьор Гарсия. Он изобрел ряд инструментов или модификаций инструментов для лечения заболеваний горла и много написал на эту тему. Его основные работы озаглавлены "Об использовании ларингоскопа при заболеваниях горла", "Очерки болезней горла", "Дифтерия", "Сенная лихорадка" и "Болезни горла и носа". Он также написал статью о болезнях гортани в книге Рейнольдса "Система медицины".

Доктор Морелл Маккензи утверждает, что его опыт в отношении заболеваний горла полностью оправдывает и требует специализации. "Научная литература, относящаяся к ним, - говорит он ("Fortnightly Review", июнь 1885 г.), - датируется немногим более чем двадцатипятилетней давности, и уже выросла до объема, который насытил бы прожорливость самого настойчивого книжного червя, и она продолжает расти и размножаться таким образом, что хочется, чтобы Мальтус проповедовал некоторую умеренность ее производителям. Каждую неделю, каждый

день приносят книги, брошюры, статьи, лекции, перепечатки о всевозможных неудобных вещах в *utuse* и *osis*, которые наблюдаются в глотках англичан, французов, немцев, итальянцев, датчан, русских, американцев и всех других порождениях Вавилона. Определенная часть из них, без сомнения, представляет большую ценность, но немало таких, которые можно было бы отправить в корзину для мусора без серьезных потерь для науки; однако все они должны быть прочитаны, чтобы некоторые пшеничные зерна не были выброшены вместе с плевелами. С похвальной регулярностью выходит несколько периодических изданий, посвященных исключительно заболеваниям горла; существуют также общества, ассоциации и т.д., основанные с той же целью, каждое из которых, конечно, ежегодно выпускает свой объем публикаций.... Это может дать некоторое представление о титаническом труде, которому должен подвергаться специалист, желающий быть в курсе прогресса знаний в своем предмете только с литературной точки зрения; и следует помнить, что в медицине чтение, в конце концов, является лишь вспомогательным средством практической работы, посредством которой совершенствуются навыки, накапливается и расширяется опыт ”.

Тема паразитов животных на теле человека и в нем, хотя, безусловно, и не является одной из самых привлекательных на поверхностный взгляд, тем не менее, было обнаружено, что она дает научный материал, представляющий наибольший интерес, и требует большой энергии и тщательности для получения удовлетворительных результатов. Среди британских работников в этой области никто не известен так широко, как доктор Томас Спенсер Кобболд, Ф.Р.С.

Доктор Кобболд - третий сын покойного преподобного Ричарда Кобболда, настоятеля Уортэма, Саффолк, автора поразительной “Истории Маргарет Кэчпоул”, а его бабушка, миссис Кобболд, на заре геологии была ревностным геологическим коллекционером, в честь которого был назван ископаемый вид моллюсков (*Nucula Cobboldiaæ*). Объект этого уведомления родился в Ипсвиче в 1828 году и в течение нескольких лет обучался у преподобного Х. Берроуза в Ярмуте, а затем в Чартерхаусе.

Молодой Кобболд начал изучать медицину в больнице Норфолка и Норвича в 1844 году в качестве ученика мистера Кросса, F.R.S. Позже он переехал в Эдинбург и стал ассистентом профессора Хьюза Беннета и прозектором профессора Гудсера, находившегося тогда на пике своей карьеры. Такие люди, и особенно Гудсер, оказали огромное пробуждающее влияние на молодого Кобболда и углубили его сильную склонность к анатомическим исследованиям. В 1851 году доктор Кобболд окончил университет в тот же день, что и доктор Бердон-Сандерсон, ныне Уэйнфлитский профессор физиологии в Оксфорде, и покойный доктор Чарльз Мерчисон, все трое были обладателями золотых медалей. Проучившись некоторое время в Париже, доктор Кобболд по возвращении в Эдинбург был назначен хранителем Анатомического музея и стал активно заниматься препарированием образцов животных, поступивших в музей. Среди прочего, его мемуары о жирафе и других жвачных животных легли в основу его статьи *Ruminantia*, внесшей вклад в Энциклопедию анатомии и физиологии Тодда и Боумена. Когда оплакиваемый Эдвард Форбс был избран на кафедру естественной истории, внимание доктора Кобболда было сильно приковано к геологии, и в течение нескольких лет он совершал экскурсии со своим классом и собирал большое количество окаменелостей. Более отдаленные экскурсии в Арран, на побережье Йоркшира и Девоншира, на остров Уайт и т. д. Предоставили доктору Кобболду образцы, оказавшие большую услугу в иллюстрировании Лекций Суини,

которые он впоследствии с заметным успехом читал в течение пяти лет в Британском музее и Королевской горной школе (1868-72). Эти лекции стали настолько популярными, что к концу последнего курса многие посетители не могли найти свободных мест.

После смерти Эдварда Форбса доктор Кобболд подал в отставку со своих должностей в Эдинбурге и стал преподавателем ботаники в больнице Святой Марии. Два года спустя он перевел свои услуги в больницу Миддлсекса, где в течение тринадцати лет читал лекции по зоологии и сравнительной анатомии. Работая в больнице Мидлсекса, он занялся разделом зоологии и медицины, с которым его имя будет ассоциироваться наиболее отчетливо. В течение трех лет подряд он исследовал тела животных, умирающих в Зоологических садах, особенно с целью обнаружения в них паразитических червей. Он внес много статей в линнеевские и зоологические труды, среди которых мы можем обратить внимание на “Замечания по всем энтозоа человека” (Zool. Soc. Proc., 1862).

В 1864 году доктор Кобболд был избран Ф.Р.С., и в том же году опубликовал свой “Вводный трактат об энтозоа”, который укрепил его репутацию, а журнал the Lancet заявил, что он внес благородный вклад в медицинскую науку и сделал честь нашей национальной литературе. Вплоть до 1865 года доктор Кобболд упорно стремился к чистой науке, отвергая все стимулы к практике; но, обнаружив, что после двадцати лет усердного труда для него не открылось подходящей научной должности, он, наконец, начал практиковать на Уимпол-стрит, позже переехав на Харли-стрит. Здесь его обширные знания о привычках и лечении внутренних глистов-паразитов стали доступны для профессиональных целей, и к его услугам широко обращались. Но научные занятия и публичные лекции по-прежнему привлекали его внимание, и среди достижений его последних лет - его книга о ленточных червях, выдержавшая несколько изданий; его лекции по практической гельминтологии, озаглавленные “Черви”; руководство “Паразиты домашних животных”, более крупный трактат о паразитах, меньшая дополнительная работа о паразитах человека. В 1873 году доктор Кобболд получил должность профессора ботаники в Королевском ветеринарном колледже, и вскоре после этого для него в колледже была создана специальная кафедра гельминтологии для преподавания паразитам и паразитарных болезней домашних животных студентам-ветеринарам. В связи с этой работой. Доктор Кобболд еще глубже изучил паразитарные заболевания домашних животных, такие как те, которые вызывают болезнь куропаток, эпидемии страусов и голубей, разрывы у цыплят и т. Д. Он прочитал курс лекций на тему “Паразиты животных, употребляемых в пищу” в Обществе искусств. Он был первым, кто описал множество новых видов внутренних червей у слонов, лошадей, крупного рогатого скота, овец и собак. Одним из наиболее подробных его специальных мемуаров является тот, в котором он описал паразитов слонов в Трудах Линнеевского общества. Проводя эти обширные исследования в области сравнительной анатомии, доктор Кобболд в последние годы не пренебрегал паразитами человека, и различные его статьи и лекции привлекли большое внимание и прояснили важные моменты. Он опубликовал пятьдесят коротких статей по этим предметам в “Медицинском словаре” Куэйна. Стиль лектора доктора Кобболда очень популярен и приятен. Он в значительной степени обладает способностью устанавливать хорошие отношения со своей аудиторией и поддерживать ее интерес. Его позиция в отношении исследований, которыми была в основном занята его жизнь, была совершенно уникальной.

Отрывок из его работы об энтозоа является интересным примером очень успешного подхода к этой теме. “Самый счастливый и, возможно, в конце концов, самый по-настоящему

философский способ изучения энтозоа - рассматривать их как своеобразную фауну, обреченную занимать столь же своеобразную территорию. Эта территория является широко распространенной областью внутренних органов человека и животных. Каждое животное или "хозяина" можно рассматривать как континент, а каждую часть или внутренние органы его тела можно обозначить как район. Каждый район имеет свою особую привлекательность для определенных паразитических форм; но, в то же время, ни район, ни континент не являются подходящими населенными пунктами в качестве постоянного пристанища захватчика. Ни один из внутренних паразитов не "задерживается на одном месте"; все они склонны кочевать; миграция - сама суть их процветания; смена места жительства - *непременное* условие их существования, в то время как блокада внутри страны, продленная сверх положенного срока, заканчивается только кретинизацией и смертью".

СНОСКИ:

[21] "Двухнедельное обозрение", июнь 1885 г., стр. 775.

[22] Мир, 18 сентября 1878г.

ГЛАВА XXVI.

ВЫДАЮЩИЕСЯ СПЕЦИАЛИСТЫ —продолжение.

СЭР У. БОУМЕН, БРУДЕНЕЛЛ КАРТЕР И БОЛЕЗНИ ГЛАЗ; ТОЙНБИ, ХИНТОН И БОЛЕЗНИ УШЕЙ.

Глаз, орган света, до недавнего времени был практически темной камерой. Были поняты только его более грубые движения и воздействие его линз на лучи света. Его мельчайшая структура, его связь с мозгом и истинная природа происходящих в нем болезненных изменений были скрыты. Сегодня его микроскопические элементы разгаданы, и очень многое известно об их связи с большими нервными центрами, стоящими за ними. Эксперименты и расчеты продвинулись далеко вперед, чтобы установить точный способ, при котором свет создает зрение и влияет на наше восприятие и суждение о внешних объектах, а состояние глаза в течение жизни и в период здоровья или болезни было зафиксировано с помощью офтальмоскопа. Имена Гельмгольца и Дондерса неразрывно связаны с современными достижениями в физиологии глаза, в то время как ни одно английское название не является более заметным в отношении глазной хирургии, чем то, с которого мы начинаем эту главу.

Уильям Боумен, третий сын мистера Дж. Эддоуса Боумена, банкира из Нантвича, а затем из Уэлшпула и Рексхэма, родился в Нантвиче 20 июля 1816 года. Он рано был окружен научными ассоциациями, поскольку его отец был ботаником и геологом широкого профиля, составившим очень полный гербарий британских растений и предоставившим сэру Родерику Мерчисону ценный исходный материал для его "Силурийской системы".

Мистер Боумен отдал своего сына в школу Хейзелвуд в Бирмингеме, которой руководил отец сэра Роуланда Хилла, руководствуясь принципом отмены телесных наказаний. Мальчики в основном управляли собой сами, печатая собственный журнал. Их также обучали естествознанию, что было очень необычно в те дни. В такой благоприятной атмосфере юный Боумен расцвел и со временем стал старостой школы.

Несчастный случай с одной из его рук, произошедший незадолго до окончания школьного курса, по-видимому, привел мистера Боумена к выбору хирургии в качестве профессии. В течение нескольких месяцев он посещал сельскую практику у мистера Т. Т. Гриффита из Рексхэма, часто сталкиваясь с холерой, которая в то время была распространенной, и проводя свой досуг за копированием анатомических рисунков человеческих костей и мышц. Затем, благодаря заинтересованности мистера Джозефа Ходжсона, Ф.Р.С., впоследствии президента Колледжа хирургов, который лечил его поврежденную руку, он стал постоянным учеником в больнице общего профиля в Бирмингеме, где проработал пять лет.

Эти первые годы были плодотворными в микроскопических наблюдениях как за здоровыми, так и за больными тканями и даже в экспериментальной физиологии, поскольку мистер Боумен был одним из тех, чей научный прогресс в значительной степени был обусловлен экспериментами на животных. В 1837 году, после краткого посещения дублинских медицинских школ, он стал студентом Королевского колледжа в Лондоне, где Роберт Бентли Тодд недавно был назначен профессором физиологии. Мастерство и обширные знания мистера Боумена вскоре были использованы Тоддом, и он был последовательно назначен прозектором и демонстратором анатомии, а также куратором анатомического музея.

В 1838 году мистер Боумен посетил больницы и музеи Голландии, Германии и Вены, а в 1841 году совершил продолжительное пребывание в Париже. Тем временем его оригинальные исследования приносили плоды в важных статьях, представленных Королевскому обществу: “О мельчайшей структуре и движениях произвольных мышц” (1840), “О сокращении произвольных мышц в живом организме” (1841) и “О структуре и использовании мальпигиевых телец почек” (1842). Последнее ознаменовало заметный прогресс в физиологии почек, и мистер Боумен был отмечен королевской медалью за это, поскольку в предыдущем году был избран членом Королевского совета. Профессор Майкл Фостер в своем выступлении по физиологии на Международном медицинском конгрессе 1881 года назвал эти воспоминания о мышцах и почках “классическими работами, которые знают и читают все опытные физиологи”.

В 1840 году мистер Боумен в возрасте двадцати четырех лет был назначен ассистентом хирурга в больницу Королевского колледжа. Его научные труды стали очень востребованы. Он писал о хирургии в “Метрополитанской энциклопедии”, о мышцах, движении и слизистой оболочке в “Энциклопедии анатомии и физиологии” Тодда и принимал большое участие вместе с доктором Тоддом в написании и иллюстрировании “Физиологической анатомии и физиологии человека”, которая была издана по частям. Желание сделать эту книгу как можно более точной и оригинальной, повторив большинство наблюдений других авторов и внося новые, где это необходимо, привело к последовательным задержкам с появлением отдельных частей. Наконец, заключительная часть была написана доктором Лайонелом Билом и опубликована в 1856 году.

Став членом Колледжа хирургов в 1844 году, мистер Боумен в 1846 году присоединился к персоналу Лондонской королевской офтальмологической больницы Мурфилдс в качестве ассистента хирурга, уже проведя обширные исследования мельчайшего строения всех органов специальных чувств. Его приход в больницу Мурфилдс ознаменовался прочтением в 1847 году цикла лекций на тему “Части, относящиеся к операциям на глазу”, которые впоследствии были опубликованы отдельно. Было очевидно, что офтальмохирургия приобрела выдающегося специалиста. Мистер Боумен независимо от Брюкке открыл цилиарную мышцу, и его работа впервые выявила множество других фактов о строении. Его статья “О структуре стекловидного тела”, опубликованная в Дублинском ежеквартальном журнале медицинской науки, также привлекла большое внимание. Его предложения по операциям с искусственным зрачком в "Медикал Таймс" и "Газетт" также продемонстрировали заметные способности к офтальмохирургии.

Несмотря на настоятельные призывы посвятить себя исключительно этой отрасли практики, мистер Боумен предпочел продолжать общую хирургическую практику в течение многих лет, получив звание хирурга в больнице Королевского колледжа в 1856 году, через два года после того, как он получил звание полноценного хирурга в Мурфилдсе. В 1848 году он вместе с доктором Тоддом стал профессором физиологии, общей и патологической анатомии в Королевском колледже, сохранив профессорскую должность после ухода доктора Тодда на пенсию вместе с доктором Билом. Но к 1855 году мистер Боумен оказался настолько занят, что в конце концов оставил профессорскую должность. Он проработал хирургом в больнице Королевского колледжа до 1862 года.

С этого периода мистер Боумен стал признанным лидером офтальмологической практики. Он был одним из первых, кто применил офтальмоскоп. В его многочисленных статьях, опубликованных в Отчетах офтальмологической больницы и в Медико-хирургических отчетах, подробно описаны многие усовершенствования в операциях на глазу, которые он перенял, внедрил или усовершенствовал. Непроходимость слезных путей, глаукома, коническая роговица и катаракта входят в число тем, которыми он занимался специально; и он своим клиническим преподаванием и примером хирурга внес немалый вклад в развитие современной офтальмохирургии. Заслуженная честь баронетства была присвоена ему в 1884 году.

О широте симпатий сэра Уильяма Боумена свидетельствует, с одной стороны, активное участие, которое он принимал в создании в 1848 году Сестричества Сент-Джонс-Хаус для подготовки медсестер для больниц, семей и бедных, с самого начала войдя в его совет и оказывая материальную помощь мисс Флоренс Найтингейл в ее различных филантропических предприятиях по уходу за больными; и, с другой стороны, его последовательная пропаганда физиологических экспериментов. Он считает, что каждый шаг вперед в наших знаниях о здоровом теле должен вести к лучшему пониманию болезни и повышению нашей способности противодействовать ей, будь то путем профилактики, облегчения или лечения.

В своем обращении к Британской медицинской ассоциации в Честере в 1866 году, [23] этот выдающийся авторитет воспользовался случаем, чтобы выразить решительный протест против обвинения в жестоком обращении с животными, которое иногда выдвигается против врачей в связи с физиологическими экспериментами. Он настаивал как на чрезмерной сложности этих первоначальных исследований, так и на высоких мотивах, движущих физиологами и высшим классом научных исследователей. “Не должно быть никаких сомнений, - сказал он, - в

бесплатном разрешении вскрытия живых существ для продвижения, а также для передачи знаний, столь необходимых для нашей расы и для каждого ее поколения”. Он практически обвинил противников вивисекции в том, что они закрывают врата знания, не заходя внутрь сами и не позволяя входить тем, кто входит.

О высоком взгляде сэра Уильяма Боумена на функции хирурга можно судить по выдержке из вышеупомянутого обращения. “Я не вижу причин сомневаться в том, что будущие века все еще будут принимать благочестивое высказывание одного из древних, что хирургия - это *Руки Бога*; человеческие руки, подходящие образы и отражение всего существа человека, начиная с его утреннего часа мучительной беспомощности, когда

“... нежная ладонь прижата
К округлости груди”;

на протяжении всего его рабочего дня, пока они, наконец, снова не поднимутся в радости и обожании, чтобы приветствовать более яркую и вечную зарю; человеческие руки, которым теперь, благодаря пониманию законов Бога, позволено быть Его инструментами помощи для той земной жизни и организации, которые Его сила, мудрость и любовь впервые вызвали к жизни, по-прежнему одни поддерживают и заставляют погибать, когда исполняется их роль; для той материальной организации, которая умирает каждый час своей жизни, которая действительно умирает, живя, и живет, умирая, и которая чудесным образом всегда передает свою собственную жизнь. прерогативы и мрачные секреты будущей жизни, которым, очевидно, суждено оставаться чудом и загадкой, непостижимой для всех поколений”.

Карьера мистера Р. Бруденелла Картера представляет особый интерес в связи с тем фактом, что он был врачом общей практики в сельской местности до сорока лет и приехал в Лондон в 1868 году без друзей или связей, намереваясь зарекомендовать себя как специалист по глазным болезням и за несколько лет достиг выдающегося положения. Но жизнь мистера Картера и раньше была отмечена необычной энергией и успехом, и его литературные вкусы и достижения стояли на переднем крае причин его успеха.

Обращение к происхождению мистера Картера покажет, что в нем встретились и объединились хорошие наследственные влияния. Его отец был майором королевской морской пехоты; его дед, ректор Литтл-Уиттенхем в Беркшире, был младшим братом Элизабет Картер, известной поэтессы и переводчицы Эпиктета, чей портрет работы Лоуренса находится в Национальной портретной галерее. Ректор получил полное образование у своей ученой сестры, пока не поступил в Кембридж. Жена ректора была внучкой Джона Уоллиса, математика и астронома, одного из основателей Королевского общества. Картеры принадлежали к младшей ветви семьи, которая владела поместьем Сент-Колумб-Майор в Корнуолле со времен Генриха VII.

Мистер Картер родился в Литтл-Уиттенхеме 2 октября 1828 года. После учебы в частных школах он начал свое профессиональное образование с ученичества у врача общей практики, а затем поступил в Лондонскую больницу. Став членом Колледжа хирургов в 1851 году, он некоторое время практиковал в Лейтонстоне и Патни.

В этот период мистер Картер опубликовал свою первую работу “О патологии и лечении истерии” (1853). По общему признанию, это в значительной степени основывалось на мнениях и практике мистера Стивена Маккензи, тогда недавно скончавшегося, который был широко известен своим успешным лечением самых застарелых истерических расстройств. Это произведение само по себе достаточно свидетельствовало о присутствии писателя, обладающего как ясностью взглядов, так и умеренностью высказываний.

За этим последовал гораздо более обширный трактат “О влиянии образования и тренинга на профилактику заболеваний нервной системы” (1855). К его написанию мистера Картера подтолкнуло наблюдение частой связи между неправильным образованием и нервными или психическими расстройствами. Она разделена на три части, посвященные соответственно Нервной системе, физическому воспитанию и Нравственному воспитанию. Последнее было тем, ради чего была написана книга; она демонстрирует продуманную умеренность и широту взглядов, не предсказывая, однако, будущего возвышения автора.

Сразу же после завершения этой книги мистер Картер отправился в Крым, где служил в армии штабным хирургом. Вернувшись домой после заключения мира, он поселился в Ноттингемшире и, вскоре переехав в город Ноттингем, принял активное участие в создании там глазной больницы. В 1862 году он переехал в Страуд в Глостершире и основал глазную больницу в Глостере. В 1864 году мистер Картер стал членом Колледжа хирургов по результатам экзамена.

В 1868 году мистер Картер предпринял важный шаг - переехал в Лондон, решив в основном полагаться на медицинскую и другую литературную работу, пока не появится практика. Таким образом, мистер Картер написал очень объемный вклад в журналистику и продемонстрировал большую легкость и ясность стиля. В 1869 году он был назначен хирургом в Королевскую офтальмологическую больницу Южного Лондона, а в 1870 году - офтальмохирургом в больницу Святого Георгия. Он упорно продолжал сурово комментировать ошибки современного образования и особенно обращался к злу, причиняемому различными способами глазам в современной жизни. Одна из его брошюр, “Об искусственном воспитании глупости в школах”, часто переиздавалась. В речи на открытии Медицинской сессии в Сент-Джорджес в 1873 году м-р Картер так отзывался о зубрежке: “Выставочные ученики, которые дают великолепные ответы на множество вопросов по множеству предметов в ответ на требования различных предварительных экзаменов или аттестатов зрелости, ни о чем так не напоминают мне, как о деревянных пушках, которые артиллеристы называют "квакерами", для изготовления которых в неограниченном количестве, помимо деревянных брусков, не требуется ничего, кроме токарного станка и малярной кисти; и которые устанавливаются, чтобы ввести врага в заблуждение, в амбразуры, которые в противном случае были бы свободны.... Но наши ”конкуренты-валлахи”, вместо того чтобы использоваться для обмана врага, использовались главным образом для обмана самих себя”.

В 1875 году м-р Картер опубликовал обширный и важный “Практический трактат о болезнях глаза”. В нем он четко заявляет, что в нормальном состоянии глаз имеет недостатки, из-за которых телескоп или микроскоп пришлось бы выбросить за ненадобностью, но которые в живом органе нейтрализуются условиями, в которых на него воздействуют. Он рекомендует любому, кто собирается оперировать глаз, приложить много предварительных усилий и приучить свои руки к особой деликатности действий, чтобы ему было безразлично, что он использует. “На мою долю не раз выпадало, - говорит он, - видеть попытки оперировать

человеческий глаз, предпринятые хирургом, который даже не знал, как держать инструменты, которыми он собирался злоупотребить; и я не могу представить себе ничего более болезненного, чем такое зрелище”. “Во все века и страны плохой рабочий жаловался на свои инструменты, а хороший рабочий добивался самых разнообразных результатов самыми простыми средствами. Человек, который очень неловок и чья неловкость постоянно приводит его в отчаяние, придумывает уловку, с помощью которой, как он надеется, этого естественного результата можно в какой-то степени избежать. Он называет свое изобретение выдумкой; и, подобно тем людям, о которых говорят, что их слава в их позоре, он часто несколько гордится этим. Многие хирурги с большой и заслуженной репутацией изобрели каждый по одному инструменту, такому как нож Бира или крюк Тиррелла; а некоторые изобрели и не один, главным образом потому, что они изобрели какую-то новую процедуру, для которой были необходимы новые приспособления. Но, как правило, изобретение хирургом множества инструментов может быть принято как достаточное доказательство его неуклюжести; и когда без уважительной причины у какого-либо отдельного оператора есть свои особые ножницы, и свой особый крючок, и свои особые щипцы, и свой особый совок, названные его именем, более чем вероятно, что дар пальцев был дарован не ему”.

Мистер Картер в 1877 году прочитал курс лекций “О дефектах зрения, которые можно исправить с помощью оптических приборов” в качестве хантерианского профессора патологии и хирургии в Колледже хирургов. Они были опубликованы в том же году. С тех пор он выпустил более популярную работу “Зрение —хорошее и плохое: трактат об упражнениях и сохранении зрения”, 1880. Следующий отрывок имеет отношение к очень вредной форме предубеждения, вызванного невежеством.

“Люди, которые больше всего страдают от распространенных предрассудков и невежества в отношении очков, - это люди высшего ремесленного класса, которые заняты работой, требующей хорошего зрения, и которые в возрасте пятидесяти или шестидесяти лет обнаруживают, что их способность выполнять такую работу уменьшается. Во многих мастерских существует правило, что очки полностью запрещены, мастера по невежеству полагают, что они свидетельствуют о плохом зрении; тогда как правда в том, что они вообще не свидетельствуют о плохом зрении, а лишь о наступлении естественного и неизбежного изменения, последствия которого они полностью устраняют, оставляя зрение таким же хорошим для всех целей, каким оно когда-либо было”. Его общий интерес к образованию и его эффектам ярко проявляется в описании эксперимента покойного мистера К. Пейджета на полставки в Раддингтоне, недалеко от Ноттингема, где работа в саду заменила примерно половину обычных школьных часов части учеников. Через короткий промежуток времени было обнаружено, что дети, с которыми обращались таким образом, в целом опережали в своих школьных занятиях тех, кто посвящал или должен был посвящать этому в два раза больше времени.

Мистер Картер перевел две ценные работы, относящиеся к его специальности: “Цандер об офтальмоскопе” и “Шеффлер о дефектах зрения”. Он внес свой вклад в книгу “Наши дома и как сделать их здоровыми”, в публикуемый Сиденхемским обществом раз в два года “Ретроспективный обзор медицины” и во многие другие публикации.

Слуховая хирургия не так давно была возведена в ранг почетной специальности. Джозефу Тойнби однажды выдающийся представитель профессии сказал, что он ничего не добьется от

слуховой хирургии. Он ответил: “Я буду работать над этим десять лет, а потом, если из этого ничего не получится, я скажу тебе почему”. В другой раз он сказал: “Я спасу слуховую хирургию из рук шарлатанов” (Medical Times, 14 июля 1866 г.). Несмотря на преждевременную смерть, он в значительной степени пополнил научные знания об ухе и его болезнях и значительно улучшил их лечение.

Джозеф Тойнби родился в 1815 году в Хекингтоне, графство Линкольншир, его отец был крупным фермером. Проработав несколько лет у частного репетитора на дому, он поступил в Кингс-Линнскую среднюю школу. В семнадцать лет он поступил учеником к мистеру Уильяму Уэйду из Вестминстерского общего диспансера в Сохо и изучал анатомию у мистера Дермотта. Его усердные и тщательные вскрытия оказали существенную помощь в подготовке его к пожизненным мелким вскрытиям уха в области здоровья и болезней. Далее он учился в больнице Святого Георгия и в больницах Университетского колледжа. Еще во время студенчества его сильно привлекали занятия слухом, и уже в 1836 году в "Ланцете" появилось несколько его писем под инициалами Дж. Т. В 1838 году он стал членом Колледжа хирургов и был выбран помощником хранителя его музея под руководством профессора Оуэна. В 1842 году он получил стипендию Королевского общества за исследования, демонстрирующие отсутствие сосудов в суставном хряще, роговице, хрусталике, стекловидном теле и эпидермоидных придатках, которые были опубликованы в Philosophical Transactions за 1841 год.

Тойнби рано начал заниматься слуховой практикой на Аргайлл-Плейс, став также одним из хирургов диспансера Сент-Джеймса и Сент-Джорджа. Он был включен в первый список стипендиатов Колледжа хирургов по выпуску его нового устава. В Аптеке он основал Самаритянский фонд для снабжения больных бедняков всем необходимым для жизни и теплом. Все санитарные вопросы были предметом его глубокого интереса, и он тратил много времени на улучшение положения вещей в окружающих его приходах, особенно на продвижение средств обеспечения надлежащей вентиляции и возведение образцовых жилых домов недалеко от Брод-стрит, Голден-сквер.

Практика Тойнби постепенно стала очень обширной, но он продолжал препарировать, а также оказывать административную и финансовую поддержку многим благотворительным обществам. Он обнаружил, что на самом деле о заболеваниях уха известно так мало, что его единственной надеждой создать систему слуховой хирургии было личное и настойчивое обследование и запись патологических образцов. Это продолжалось более двадцати лет, пока он не препарировал около 2000 человеческих ушей. Многие из них были получены от его пациентов в большом Приюте для глухонемых, состояние которых он обследовал до их смерти. Многие врачи также снабжали его образцами больных ушей, а также записями пациентов. Далее он внимательно изучил истории очень многих случаев пациентов с больными ушами.

В 1860 году Тойнби опубликовал обширный труд “Болезни уха”, который поставил тему на прочную основу и всегда будет представлять большую ценность благодаря интересным деталям случаев и лечения, которые в нем содержатся. Список его собственных опубликованных работ, на которых она основана, насчитывающий около шестидесяти, свидетельствует о большом прилежании Тойнби в исследованиях. Они включают статьи о структуре и функциях барабанной перепонки, о мышцах, которые открывают евстахиеву трубу, и о способе проведения звука от барабанной перепонки к ушному лабиринту, представленные Королевскому обществу, многие исследования заболеваний уха в медико-хирургических операциях, а также множество серий

случаев или специальных мемуаров, опубликованных в Патологическом обществе и медицинских журналах. В 1857 году он опубликовал описательный каталог препаратов, иллюстрирующих заболевания уха, который хранился в его собственном музее.

После основания больницы Святой Марии мистер Тойнби был избран слуховым хирургом и лектором по болезням уха; в 1855 и 1856 годах он опубликовал курсы клинических лекций, которые читал там. Он проявлял глубокий интерес к состоянию идиотов и глухонемых и во многих случаях, к своему великому удовольствию, разрабатывал планы, с помощью которых тех, кто не был полностью глухим, учили говорить, когда их случай считался безнадежным, что приводило к соответствующему улучшению их умственных способностей.

Двумя его наиболее яркими увлечениями были вентиляция и создание местных музеев. Говорили, что пациенты, которые обращались к нему за улучшением слуха, независимо от того, улучшались они в этом отношении или нет, уходили с самыми передовыми взглядами на вентиляцию легких. В Уимблдоне, где он снял загородный дом, он был неутомим в развитии сельского клуба и создании образовательного и рекреационного музея. Он опубликовал ценные “Советы по формированию местных музеев” (1863), а также “Заметки о музее Уимблдона”. Его восторженная пропаганда активно способствовала созданию подобных клубов и музеев в различных частях королевства. Он всю жизнь оставался активным микроскопистом и зоологом и незадолго до своей смерти был избран президентом Quekett (Микроскопического общества). Клуб. В то же время он был казначеем Медицинского благотворительного клуба, в который сам внес большой вклад.

Одним из наиболее ценных вкладов Тойнби в лечение глухоты было его изобретение метода формирования искусственной барабанной перепонки, когда эта часть была разрушена или перфорирована. Это полностью описано в его брошюре на эту тему, выдержавшей множество изданий, а также в его общем трактате. Он впервые продемонстрировал существование многих костных и других опухолей частей уха и барабанных косточек, а также тот факт, что евстахиева труба, ведущая из задней части горла в барабанную полость, всегда остается закрытой, за исключением кратковременного акта глотания.

Энергичной и доброжелательной жизни Тойнби пришел преждевременный конец. Всегда активный в экспериментальных исследованиях и много занимающийся слухотерапией, он экспериментировал на себе с хлороформом и, как полагают, парами синильной кислоты, которые он хотел ввести через евстахиеву трубу в барабанную перепонку для облегчения ушного шума. К сожалению, он проводил свои эксперименты в одиночестве и был найден мертвым 7 июля 1866 года в своем кабинете для консультаций на Сэвил-Роу, с ватным тампоном на лице, а рядом с ним были бутылки с хлороформом и синильной кислотой, его открытые часы и различные записи экспериментов. Его смерть вызвала всеобщее сочувствие к вдове и девяти детям мистера Тойнби, с которыми он жил очень счастливо.

Если один великий слуховой хирург стал мучеником науки, то другой был не меньшим мучеником филантропии. Имя Джеймса Хинтона, получившее широкую известность при его жизни, постепенно возвышалось после его смерти благодаря публикации его “Жизни и писем” мисс Эллис Хопкинс и его работ “Искусство мышления” (1879), “Философия и религия” (1881) и

“Нарушитель закона и пришествие закона” (1884). И все же, к счастью, можно надеяться на гораздо большее, особенно в форме автобиографии и работы по этике.

Становится все более очевидным, что Джеймс Хинтон был если не настоящим гением, то человеком, который очень близко подошел к этой высоте натуры. Как замечает мистер Шедворт Ходжсон во введении к “Главам об искусстве мышления”, Хинтон является продолжателем учения Кольриджа, в котором меньше систематической теологии и больше эмоционального спиритуализма. Совершенно невозможно пытаться здесь описать его различные философские вклады. Действительно, еще не пришло время полностью оценить их, их влияние или человека, который их породил. Как слуховой хирург он, возможно, едва дотягивал до уровня Тойнби, но это было скорее потому, что величие его ума и души в более обширных областях подавляло его, чем из-за недостатка способностей. Здесь можно дать лишь краткое описание его жизни и творчества.

Джеймс Хинтон был третьим ребенком (из одиннадцати) в семье известного баптистского священника Джона Говарда Хинтона, родившегося в Рединге в 1822 году. Мать его отца приходилась тетей Исааку Тейлору, автору “Естественной истории энтузиазма”. Однако больше всего Джеймс Хинтон унаследовал от своей матери, Элизы Бирт. Ее описывают как пылкую женщину с возвышенной душой, полную энтузиазма и сострадания, в то же время исполненную достоинства и способную управлять другими мягко, но непреодолимо.

В детстве Джеймс Хинтон, хотя и обладал мягким характером, проявлял сильную склонность все исследовать и перестраивать игры старших детей “так, как они должны быть”. Отец учил детей внимательно изучать естественную историю. Мать воспитала в них инстинктивное чувство к религии, особенно в ее аспекте любви к Богу. Старший брат, Говард, умер, когда Джеймсу было всего двенадцать, и эта тяжелая утрата произвела на него такое впечатление, что вскоре после этого он был крещен и публично принят в члены Баптистской церкви.

В школе Джеймс Хинтон не проявлял особых способностей, хотя у него была замечательная вербальная память до определенного периода, когда он внезапно потерял ее без какой-либо особой причины. В 1838 году его отец уехал из Рединга в Лондон, став священником часовни на Девоншир-сквер. Чувствуя некоторое давление обстоятельств, связанных с его большой семьей, мистер Хинтон поместил Джеймса на первое попавшееся место, а именно на должность кассира в оптовом магазине шерстяных тканей в Уайтчепеле. Это временное погружение в близость к некоторым из самых грубых сцен, какие только можно вообразить, оказало очень глубокое влияние на воспитание безграничного альтруизма, который впоследствии характеризовал его.

Проработав в Уайтчепеле около года и потратив некоторое время на поиски более подходящего занятия, Хинтон стал клерком в страховой конторе в городе. Здесь, хотя он и не стал специалистом в ведении бухгалтерского учета, он не спал по ночам и получал разнообразное образование. В то время его описывали как “неопратно выраженную абстрактную идею”; он был совершенно безразличен к внешнему виду, и его одежда никогда не могла быть сшита по размеру; и он часто был виновен в нарушениях вежливости. Он был полон решимости спорить и во всем докопаться до сути.

Немного позже его напряженный интеллектуальный труд в сочетании с глубоким пониманием того зла, которому подвергались женщины, которое он испытывал сейчас и всегда после этого, привели его в такое душевное состояние, что он решил сбежать в море. Узнав о его намерении, его отец проконсультировался о нем с врачом, который мудро посоветовал ему заняться медицинской профессией, поскольку это больше подходило для того, чтобы дать простор его умственным способностям. В результате в возрасте двадцати лет он был помещен в больницу Святого Варфоломея. Он смог очень быстро пройти весь курс медицинского обучения и, прежде чем получить диплом, отправился в путешествие в Китай и обратно в качестве хирурга пассажирского судна. По возвращении в 1847 году он стал членом Колледжа хирургов и некоторое время работал ассистентом хирурга в Ньюпорте в Эссексе.

Он пробыл здесь недолго, но осенью 1847 года занял должность хирурга на судне с освобожденными рабами, которые по добровольному соглашению должны были быть отправлены из Сьерра-Леоне на Ямайку. После этого он больше года оставался на Ямайке, занимаясь медицинской практикой в условиях слабого здоровья и наблюдая за состоянием своих последних подопечных. В 1849-50 годах он отправился домой через Новый Орлеан, где получил дальнейшее представление о проблеме рабства. В 1850 году он вступил в партнерство с мистером Фишером, хирургом общей практики в Бартоломью-Клоуз; и обручился с мисс Маргарет Хэддон после десятилетней привязанности.

В августе 1850 года мы находим первое свидетельство его успеха в слуховой хирургии; он вылечил глухоту своей матери с помощью правильно выполненного спринцевания. За этим последовало несколько других успешных случаев, которые вызвали большое воодушевление. Вскоре после этого он был представлен мистеру Тойнби и провел с ним много времени как в больнице Святой Марии, так и частным образом. Однако на практике он не нашел ничего достаточно масштабного, чтобы удовлетворить свои устремления. “Слишком много вещей давит на меня; ни одна не *повелевает* мной”, - пишет он в марте 1851 года. “То, что должно наполнить мое сердце, должно быть сделано не для меня, а для других. Чтобы быть довольным, я должен трудиться не ради комфорта, не ради денег, не ради славы, не ради любви, а ради истины и праведности”.

В 1852 году состоялась свадьба Хинтона и мисс Хэддон, состоявшаяся в необычайно глубокой привязанности. Теперь он практиковал сам, находя общую практику не очень прибыльной, тем более что он не снизошел бы до использования искусства для достижения успеха. Он продолжил изучение слуховой хирургии и в значительной степени помогал мистеру Тойнби в классификации его музея, о чем уже упоминалось.

В 1856 году Хинтон опубликовал свои первые статьи по физиологии и этике в журнале "Христианский зритель". В 1858 году он опубликовал в "Медико-хирургическом обозрении" эссе "Физическая морфология", в котором предположил, что органический рост происходит в направлении наименьшего сопротивления — концепция, использованная мистером Гербертом Спенсером в его "Первых принципах". В 1859 году книга "Человек и его жилище" была опубликована и принята благосклонно. Ее успех побудил его оставить практику, свести свои расходы к минимуму и заняться писательством как профессией. Он поселился в маленьком домике в Тоттенхэме, где его гостиная была таких размеров, что, по его словам, он мог бы

открыть дверь одной рукой, разжечь огонь в камине другой и, если бы природа дала ему третью, открыть ею окно, не вставая с места.

Поначалу предприятие увенчалось успехом. Теккерей согласился опубликовать для журнала "Корнхилл Мэгэзин" серию "Физиологических загадок" с замечанием: "Что бы еще ни умел этот парень, он умеет писать!" Впоследствии они были опубликованы вместе с другими под названием "Жизнь в природе". "Мысли о здоровье" также были опубликованы в the Cornhill. Но его ум продолжал так активно развиваться, постоянно наполняясь, постоянно меняясь, что у него не было времени облечь свои мысли в форму для публикации, и он был вынужден вернуться к практике, от которой он не совсем отказался, продолжая дважды в неделю посещать нескольких слуховых пациентов в доме своего отца. В 1863 году он был назначен слуховым хирургом в больницу Гая и снял дом на Джордж-стрит, Ганновер-сквер, для слуховой практики. С героической и дорогостоящей решимостью, зная, что он не может должным образом выполнять свою работу слухового хирурга и посвятить себя философии, он спрятал свои рукописи подальше от посторонних глаз.

С этого момента он быстро преуспел на практике. В 1866 году он занял место, освободившееся после смерти его ценного друга Тойнби, переехав в его дом на Сэвил-Роу. Когда он полностью упражнялся и не позволял себе писать, его главной жизнью были беседы. Здесь можно процитировать несколько строк из книги мисс Хопкинс "Жизнь Хинтона". "Трудно дать какое-либо адекватное представление о прелести беседы мистера Хинтона уму, находящемуся в гармонии с его собственным. Его самой заметной особенностью был чрезвычайно эмоциональный характер его интеллекта. Природа для него была не холодной абстракцией, не хитроумно сконструированной машиной, состоящей из материи и силы, а могущественным духовным присутствием, живым существом, нежно и страстно любимым. Законы природы были для него привычками дорогого и близкого друга.... Но каким бы острым ни было его увлечение чисто интеллектуальными операциями, он ценил все главным образом, если не только, в его отношении к морали.... Как часто из какой-нибудь сравнительно отдаленной области мысли или искусства он проливал свет на какой-нибудь практический вопрос, показывая, возможно, пренебрежение долгом в его жизненно важных отношениях или выявляя порядок в том, что выглядело как моральное опустошение и неразбериха. Благодаря этому твердому признанию духовного единства всей жизни, никогда еще не было человека, в котором барьер между религиозным и светским был бы более полностью стерт".

В 1869 году его успех в слуховой хирургии был настолько очевиден, что выдающийся хирург предложил мистеру Хинтону вернуться к занятиям философией в качестве вечернего развлечения. Итак, после шестилетнего воздержания он возобновил свою писательскую деятельность. Но его мысли, которым снова позволили проявиться в полную силу, несомненно, овладели им. "Где бы он ни был, в доме друга, на улице, в церкви, на концерте, он делал свои заметки на клочках бумаги, обратной стороне конвертов, счетах и программках, полностью переписывая их вечером". Наконец, эти мысли были напечатаны для его личного пользования, и из них взята большая часть его посмертных работ.

Наконец-то он заработал практикой достаточно денег, чтобы уйти на пенсию. Его прощальный подарок своей профессии содержался в "Вопросах слуховой хирургии", работе стандартной ценности; и его "Атласе болезней барабанной перепонки". В марте 1874 года он вышел на пенсию, но с конституцией, глубоко пострадавшей от переутомления и избытка чувств и

мыслей. Его отец умер годом раньше; мать умерла в 1874 году. Он продолжал неустанно работать, писать, размышлять, изучая человечество на улицах и переулках Лондона или в коттеджах угольщиков в Южном Уэльсе и стал сильно страдать от бессонницы. Когда осенью 1875 года он отплыл на Азорские острова, куда его отправила миссис Хинтон, он был уже серьезно болен. В конце концов он заболел воспалением мозга и умер 16 декабря 1875 года мучеником из-за своей сильной страсти к благу человечества. Здесь не место распространяться о его интеллектуальных, этических и религиозных взглядах; его книги следует оставить, чтобы они могли объясниться с родственными душами.

СНОСКИ:

[23] Перепечатано Ассоциацией содействия развитию медицины путем исследований, 1882.

ГЛАВА XXVII.

СЭР Р. КРИСТИСОН, СУЭЙН ТЕЙЛОР И ОБНАРУЖЕНИЕ ЯДОВ.

Хотя раскрытие преступлений, связанных с отравлением, является лишь одним из видов услуг, которые медицинская профессия может оказать закону, тем не менее, именно оно в значительной степени привлекло внимание общественности из-за многих ужасных аспектов смерти в результате отравления и беспомощности, которую человечество всегда чувствовало в отношении этих преступлений. В последнее время мастерство, продемонстрированное при обнаружении наличия ядов после смерти жертв, развеяло многие сомнения относительно достоверности суждений относительно отравления, а открытие противоядий ко многим ядам дало возможность во многих случаях излечиться, пока не стало слишком поздно. Очевидно, что эти результаты могли начать реализовываться только тогда, когда химия достигла значительного прогресса; и, следовательно, только в 1813 году молодой врач, знаменитый Орфила, опубликовал в Париже первую часть трактата о ядах, который впоследствии был объединен в его "Юридическую медицину", 1821-3. Имена, наиболее заметные при создании этого нового департамента расследований в Великобритании, - это те, которые стоят во главе этой главы.

Роберт Кристисон, один из сыновей-близнецов Александра Кристисона, многолетнего профессора гуманитарных наук Эдинбургского университета, родился в Эдинбурге 18 июля 1797 года. Получив полное художественное образование в университете, он, наконец, выбрал профессию врача и в течение двух с половиной лет был ассистентом-ординатором в Королевском лазарете. Получив степень доктора медицины в 1819 году, он провел следующие восемнадцать месяцев в больнице Святого Варфоломея в Лондоне и в Париже, где работал в лаборатории практической химии Робике и изучал токсикологию у самого Орфила.

Когда доктор Кристисон собирался покинуть Париж, смерть доктора Грегори привела к появлению вакансии на кафедре медицинской юриспруденции в Эдинбурге, и Кристисону было предложено заполнить ее, пока он отсутствовал. Показательно, что ни один из кандидатов, кроме Кристисона, не обладал какими-либо практическими знаниями в области химии. Однако

влияние лорда Мелвилла, который был постоянным учеником своего отца, когда родился юный Кристисон, стало определяющей причиной его успеха на выборах.

Поначалу студентов было очень мало, на самом раннем курсе их было не более полудюжины. Кристисон с присущей ему энергией посвятил себя тому, чтобы его кафедра оказала реальное влияние на университет. И здесь мы можем кратко отметить необычайную силу телосложения, которой обладал новый профессор и которую он сохранил почти до самой смерти. Он мог ходить, бегать или грести лучше и выносливее, чем любой человек его времени в Эдинбурге, и это говорит о многом. Он сделал свое новое кресло своей главной целью. Будучи чрезвычайно аккуратным работником в лаборатории, его исследования вскоре стали заметными, и когда его вызвали для дачи показаний по вопросам медицинской юриспруденции, особенно в случаях отравлений, было обнаружено, что его ум был столь же ясен и точен, и что он мог обосновывать свои убеждения, что делало его заявления безупречными. Начиная со знаменитого процесса Берка и Хэйра в 1829 году и заканчивая 1866 годом, доктор Кристисон выступал в качестве научного свидетеля почти в каждом случае, имеющем медико-юридическое значение в Шотландии и во многих случаях в Англии.

“Как свидетель, ” пишет the Scotsman (28 января 1882 г.), “ он отличался ясной точностью изложения, которая не оставила ни тени сомнения в разуме суда, адвоката или присяжных относительно его взглядов. Другой примечательной чертой характера были искренность и беспристрастность, которые он неизменно демонстрировал и которые, подкрепленные уверенностью, возникшей в результате зрелого обдумывания, делали его почти неуязвимым для перекрестного допроса. Это было особенно ярко проиллюстрировано на знаменитом процессе Палмера. С некоторыми медицинскими свидетелями со стороны короны адвокат подсудимого обошелся так сурово, что дело, казалось, вот-вот развалится, но Кристисон недолго пробыл на скамье подсудимых, когда адвокаты обнаружили, что наконец-то встретились с тем, кто соответствовал самому утонченному из них: и настолько полным был провал всех их попыток дискредитировать его показания, что дело к тому времени, когда он закончил, приобрело максимально серьезный вид ”.

Будучи настойчивым экспериментатором, Кристисон был отважен даже на опрометчивость, проводя испытания на самом себе. Таким образом, он испытал вкус мышьяковистой кислоты, который Орфила и большинство других считали грубым и едким, а он оказался довольно сладким. Он съел унцию корня *ананты крокатской*, который считался самым ядовитым в Англии и на Континенте; но шотландский образец, во всяком случае, не отравил доктора Кристисона. Наибольшему риску подвергались бобы Калабара. Он принял дозу перед сном и обнаружил, что ее действие напоминает действие опиума. Не удовлетворившись этим, он принял большую дозу на следующее утро, когда встал, в результате чего его почти парализовало. Но, к счастью, у него под рукой было хорошее рвотное средство, миска с водой для бритья, и, приняв большое количество, он почувствовал частичное облегчение. Но оставалась сильная прострация, и пришлось вызвать медицинскую помощь.

Основные заслуги Кристисона перед литературой по своему предмету заключались в его работе о ядах, которая была впервые опубликована в 1829 году и выдержала несколько последовательных изданий, а также в многочисленных воспоминаниях и статьях, опубликованных в медицинских и научных журналах, некоторые из которых подробно описывали усовершенствованные химические процессы и тесты на яды, например,

“Обнаружение ничтожных количеств мышьяка в смешанных жидкостях”, “О вкусе мышьяка и о его свойстве сохранять тела людей, которые были им отравлены”, и о ядовитых свойствах многочисленных растительных алкалоидов.

В 1832 году Кристисон, увеличив численность своего класса не менее чем до девяноста студентов, оставил свою кафедру в связи с назначением на кафедру *Materia Medica*, намереваясь стать, помимо преподавателя клинической медицины, оригинальным исследователем терапевтического действия лекарственных средств. Но прежде чем он полностью освоился в этом, практика, к которой он себя специально не готовил, нахлынула на него и помешала осуществлению его желания. Он собрал прекрасный музей *materia medica*, и его лекции пользовались большой популярностью. Но нельзя сказать, что он оставил свой след в медицине или терапии в той же степени, что и в токсикологии.

Кристисон был в высшей степени влюблен в свой университет и чрезвычайно сознавал его великие достоинства. Во многих вопросах он был очень консервативен и решительно сопротивлялся некоторым современным взглядам на пневмонию и лихорадку. В течение многих лет он пользовался большим влиянием в управлении университетскими делами. В 1838 и в 1846 годах он был президентом Эдинбургского колледжа врачей. С 1868 по 1873 год он был президентом Королевского общества Эдинбурга. С 1857 по 1873 год он занимал место в Генеральном медицинском совете. Проработав много лет ординарным врачом королевы Шотландии, доктор Кристисон в 1871 году по рекомендации мистера Гладстона получил титул баронета. В том же году его бюст работы Броуди был подарен университету по общей подписке среди медиков.

В 1872 году сэр Роберт Кристисон завершил свой пятидесятилетний срок активной службы в качестве профессора университета - единственный случай подобного рода, который когда-либо имел место; и большое и восторженное собрание развлекало его за обедом. Его все еще ждали дальнейшие почести; в 1875 году он был избран президентом Британской медицинской ассоциации на ее собрании в Эдинбурге; а в 1876 году он был избран президентом Британской ассоциации, от чего, однако, отказался по причине своего преклонного возраста. Вскоре после этого он ушел в отставку с действительной службы; но прожил со значительной энергией примерно до Рождества 1881 года. Он умер 23 января 1882 года на восемьдесят пятом году жизни.

“Что касается его личных качеств, - говорит шотландец, - то сэр Роберт, возможно, был несколько неправильно понят теми, кто его не знал. Догматичный и позитивный в своих взглядах, он был склонен устанавливать закон таким образом, который не всегда мог быть вполне приемлемым.... С другой стороны, друзья, которым посчастливилось близко знать его, находили в его натуре такой запас добродушия, о котором сторонний наблюдатель и мечтать не мог. Теплота сердца и простая, неподдельная доброта, по-видимому, были отличительными качествами его личного и общественного поведения”. Он был убежденным церковником и консерватором. В 1827 году он женился на мисс Браун, которая умерла в 1849 году, оставив троих сыновей.

Альфред Суэйн Тейлор, на несколько лет моложе Кристисона, был его ровесником по жизни и в течение многих лет занимал совершенно исключительное положение в сознании англичан в

связи с выявлением случаев отравления. Он родился в Нортфлите в 1806 году и получил образование в Хаунслоу. В раннем возрасте шестнадцати лет он стал учеником хирурга недалеко от Мейдстона, а в октябре 1823 года поступил студентом в больницы Гая и Сент-Томаса, которые затем образовали объединенную медицинскую школу. Позже он был связан исключительно с Guy's в качестве ученика и преподавателя до своего выхода на пенсию в 1878 году.

С 1826 года Тейлор уделял много внимания медицинской юриспруденции, хотя его усердие было таким, что позволило ему получить премию по анатомии в университете Гая. Химия оказалась для него подходящим предметом под руководством Аллена и Эйкина, и частые визиты в Париж и все основные континентальные медицинские школы еще больше стимулировали его в том же направлении. В Париже он слушал, среди прочих, Орфила и Гей-Люссака. Геология, минералогия и физиология также привлекли его внимание, и так сформировался ум, необычайно широкий во взглядах на природные явления и хорошо рассчитанный на объяснение их законов. Тейлор сдал экзамены в Аптекарском зале в 1828 году и в Колледже хирургов в 1830 году и приступил к практической деятельности, продолжая, однако, учиться в химической лаборатории больницы Гая.

В 1831 году, когда Общество аптекарей впервые потребовало от кандидатов для получения диплома посещать лекции по медицинской юриспруденции, мистер Тейлор был назначен читать лекции по этому предмету в больнице Гая, и эту должность он продолжал занимать в течение сорока семи лет. В следующем году он сменил мистера Барри на посту соучредителя по химии с мистером Айкином, коллегой которого он оставался до 1851 года, после чего был единственным лектором по химии до 1870 года, когда отказался от этой должности. С этими важными функциями доктор Тейлор справился превосходно. Он был чрезвычайно ясен в своих высказываниях, точен и успешен в своих экспериментах, но в то же время очень сдержан в манерах.

В 1832 году новый лектор начал свою длинную серию мемуаров, посвященных отравлениям, опубликовав отчет о гроте дель Кане близ Неаполя с замечаниями об удушении углекислотой. Это сообщение появилось в Лондонском медицинском и физическом журнале. В последующие годы он внес важный вклад в отчеты больницы Гая о действии воды на свинец, об отравлении стрихнией, об испытаниях на мышьяк и сурьму и т.д. и вскоре стал признанным авторитетом в медико-правовых вопросах. Он опубликовал в Лондонском медицинском и физическом журнале ценные воспоминания об отравлениях, детоубийствах и т.д. В 1836 году он опубликовал первый том работы по медицинской юриспруденции, которая на тот момент не была завершена. В 1842 году он выпустил свое хорошо известное "Руководство по медицинской юриспруденции", десятое большое английское издание которого вышло в 1879 году, при жизни автора, в дополнение к многочисленным американским изданиям. Ему также была присуждена премия Суини в размере 100 гиней вместе с ценной серебряной вазой за работу по юриспруденции.

В 1848 году, когда он стал членом Коллегии врачей, доктор Тейлор опубликовал работу о ядах, которая сразу же была принята как стандартная и выдержала несколько изданий. В 1865 году вышла его большая работа, озаглавленная "Принципы и практика медицинской юриспруденции", включающая много вопросов, для которых не нашлось места в его

руководствах. Это произведение вышло в третье издание в 1883 году под редакцией доктора Томаса Стивенсона, его выдающегося преемника в больнице Гая.

Но это лишь часть литературных трудов доктора Тейлора. С 1844 по 1851 год он был редактором Лондонской медицинской газеты, впоследствии объединенной с Medical Times. Он в значительной степени участвовал в редактировании различных изданий книги Перейры "Materia Medica". В 1863 году он совместно с профессором Бранде выпустил Руководство по химии, а в 1876 году отредактировал знаменитую работу доктора Нила Арнотта по физике. В 1853 году он был избран членом Коллегии врачей, ранее ему было присвоено звание почетного доктора медицины Университета Сент-Эндрюс. Он был избран членом Королевского общества в 1845 году. В 1834 году он женился на мисс Канселлор.

Доктор Суэйн Тейлор был наиболее широко известен как медицинский свидетель по важным судебным делам. Если в суде рассматривался случай необычного характера, ожидалось, что он будет вызван в качестве свидетеля, и в течение многих лет Казначейство нанимало его в качестве медицинского консультанта по таким делам. Здесь невозможно сослаться на многочисленные важные случаи такого характера, в которых фигурировал доктор Тейлор. Автор в "Медикал Таймс" за 12 и 19 июня 1880 г. (стр. 642, 671) подходит к этому вопросу с полным знанием дела и описывает его так: "Лично Тейлор был высокой и внушительной фигурой, любезным с друзьями и ожесточенным с врагами, и, как обнаружили юристы, превосходным свидетелем, которого не поколебало ни одно легкомысленное слово доктрины.... В работе Тейлора была скрупулезность, которая всегда приносила удовлетворение".

Что касается знаменитого процесса Палмера, доктор Тейлор подвергся жесткому перекрестному допросу, и эксперты, вызванные защитой, опровергли его по важным пунктам. Фактически, возможно, что дело было бы рассмотрено в пользу заключенного, если бы не убедительное подтверждение точки зрения обвинения, изложенной доктором Кристисоном, на которое мы уже ссылались. Доктор Тейлор выразил свои твердые взгляды по этому вопросу в расширенной брошюре "Об отравлении стрихнией", большая часть которой появилась в отчетах больницы Гая за 1856 год. Он умер 27 мая 1880 года.

ГЛАВА XXVIII.

ПАРКИ, ГАЙ, САЙМОН И ОБЩЕСТВЕННОЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЕ.

"Профилактика лучше лечения" - это домашняя пословица, которой отмечена значительная часть работ санитарной науки. Предотвращение болезней и их распространения, а также укрепление общего здоровья людей — вот цели, которые выдвинул на первый план современный прогресс. Когда они будут полностью достигнуты, мы все умрем от старости, если только не будем прерваны несчастными случаями или насилием; и это цель, которую многие современные санитары отчетливо представляют себе.

Ни один человек не стремился к общественному здоровью и благосостоянию более серьезно, чем Эдмунд Александр Паркес. О нем доктор Рассел Рейнольдс сказал:^[24] "В сочетании моральной, умственной и физической красоты доктору Парксу, насколько мне известно,

никогда не было равных, и, по моему убеждению, его невозможно превзойти. Чистый, как солнечный луч, сильный, как мужчина, нежный, как женщина, стремящийся, как любой ученый, разгадать скрытые тайны жизни в мельчайших деталях химических и физиологических исследований, но практичный в применении своих знаний для прочистки канализации или облегчения рюкзака; он сделал мир намного богаче своей жизнью, намного беднее своей смертью”.

Паркс родился 29 марта 1819 года в деревне Блоксам, Оксфордшир, его отцом был мистер Уильям Паркс из Мраморного завода в Уорике, “человек незаурядного ума, замечательный трудолюбием, твердостью и благородством характера”.^[25] Его мать, Фрэнсис Байерли, дочь мистера Томаса Байерли из Этрурии, Стаффордшир, много занималась литературой, а ее сестра, жена профессора А. Т. Томсона из Университетского колледжа Лондона, была известным биографом и романисткой.

Под таким благоприятным влиянием юный Паркс вырос кротким, но необычайно веселым и счастливого вида мальчиком. Получив образование в Чартерхаусе, он поступил студентом-медиком в Университетский колледж и провел много времени в лаборатории своего дяди, став превосходным манипулятором и уже проявляя любовь к исследованиям. На первом экзамене на степень магистра в Лондонском университете в 1840 году он был эксгибиционистом и медалистом по анатомии, физиологии и химии, а также медалистом по *materia medica*. В 1841 году, получив степень магистра, он стал медалистом по физиологии и сравнительной анатомии и получил диплом с отличием в области медицины. Он получил диплом Колледжа хирургов в 1840 году.

Об этом периоде жизни Паркса сэр Уильям Дженнер, его близкий сокурсник по Университетскому колледжу, говорит:

“Будучи студентом, он отличался яркостью и жизнерадостностью, дружелюбием, бескорыстной готовностью помогать другим любой ценой, причиняя неприятности самому себе, энергией в работе, усердием в использовании каждого часа для учебы в этот час, высоким моральным тоном, которым было проникнуто его общение, и, прежде всего, и венчающим все, настоящей живой чистотой своего существа”.

В начале 1842 года Паркс поступил на армейскую медицинскую службу и отправился ассистентом хирурга в 84-й полк в Мадрас и Моулмейн. Здесь он провел исследование, которое принесло плоды в виде двух небольших публикаций о дизентерии и гепатите в Индии (1846) и об азиатской и альгинатной холере (1847). Но до этого периода он уволился из армии и начал практиковать на Аппер-Сеймур-стрит, Портман-сквер, став еще более известным как врач, отредактировав и завершив работу доктора Томсона “Болезни кожи” (1850). Это была лишь часть его литературной и оригинальной работы того времени, в ходе которой он внес большой вклад в “Медикал Таймс”, а с 1852 по 1855 год редактировал “Британское и зарубежное медико-хирургическое обозрение”, для выполнения этой сложной задачи он был чрезвычайно хорошо приспособлен.

Будучи назначен одним из врачей больницы Университетского колледжа, он оказал очень заметное влияние как на своих студентов, так и на коллег. Один из его учеников, впоследствии выдающийся врач, сказал, что никогда не обходил с ним палаты без того, чтобы не испытывать

сильного желания стать лучше и в то же время не чувствовать, что он мог бы стать таким. В 1855 году Паркс прочитал лекции Гулстониана в Колледже врачей, посвященные Пирексии, или Состоянию лихорадки.

Во время Крымской войны, когда на больницы в Скутари оказывалось большое давление, правительство выбрало доктора Паркса для того, чтобы он отправился на место боевых действий и основал еще один крупный госпиталь. Он остановил свой выбор на Ранкиои в Дарданеллах, и его выбор оказался превосходным. Он усердно работал, чтобы сделать все как можно более совершенным, и многого добился, несмотря на бюрократизм, который был столь катастрофически распространен в военной администрации того времени. Он ни в коей мере не щадил себя, хотя в Лондоне, когда у него были тяжелые приступы пневмонии и флебита, в его организме проявились серьезные признаки ослабления. Его отчет о работе его госпиталя по окончании войны был чрезвычайно ценным, и он заслужил высокое уважение мистера Сиднея Герберта, впоследствии лорда Герберта Ли.

Одним из результатов работы Королевской комиссии по расследованию военного руководства стало основание Армейской медицинской школы, и мистер Герберт никогда не проявлял большей осмотрительности, чем при выборе доктора Паркса профессором военной гигиены в связи с этим. В результате в 1860 году он отказался от своей должности в Университетском колледже; он был назначен почетным профессором, и его мраморный бюст был установлен в музее колледжа.

Паркс обнаружил, что для адекватного преподавания предметов, связанных с сохранением и укреплением здоровья военнослужащих, он должен изучать не только особенности армейской жизни и связанные с этим особые обязанности, но и общую науку гигиены, которая в то время была почти новой. Ценой огромного труда он организовал детальную систему обучения, основанную на принципе, заставляющем ученика практически применять то, чему он учил. Все возникшие специальные вопросы, касающиеся воздуха, воды, пищи, температуры, одежды, строительства дома, дренажа и т.д., были по возможности проиллюстрированы в лаборатории, и индивидуальные инструкции были даны самым тщательным образом.

В 1864 году было опубликовано первое издание "Руководства по практической гигиене" Паркса, великолепной книги, точной, заученной, ясной, полной и представляющей высочайший интерес для вдумчивого ума. Введение к этой работе начинается с четкого определения предмета. "Гигиена - это искусство сохранения здоровья, то есть достижения наиболее совершенной деятельности тела и разума в течение такого длительного периода, который согласуется с законами жизни. Другими словами, она направлена на то, чтобы сделать рост более совершенным, упадок менее быстрым, жизнь более энергичной, смерть более отдаленной".

Позже он говорит: "Несомненно, верно, что даже сейчас мы можем в буквальном смысле выбирать между здоровьем и болезнью; возможно, не всегда индивидуально, поскольку грехи наших отцов могут пасть на нас, или обычаи нашей жизни, и цепи нашей цивилизации, и социальные обычаи могут раздражать нас, или даже наши ближние могут отказать нам в здоровье или знаниях, которые ведут к здоровью. Но как раса, человек сам распоряжается своей судьбой и может выбирать между добром и злом; и по мере того, как время разворачивает

схему мира, не стоит слишком надеяться, что выбор будет сделан в пользу добра”. Далее он убедительно указывает на основу государственной медицины, заключающуюся в обеспечении для всех людей условий здоровья, которые они часто не могут обеспечить для себя сами. Он также показывает, что личный интерес, государственная выгода и денежная выгода в этих вопросах едины, если их правильно понимать. “Но слишком часто забывают, ” говорит он, “ что вся нация заинтересована в надлежащем обращении с каждым из своих членов и в своих собственных интересах имеет право следить за тем, чтобы отношения между отдельными людьми никоим образом не наносили ущерба благополучию общества в целом”. Почти нет необходимости добавлять, что потребовалось множество изданий книги Паркса "Практическая гигиена"; она также была переведена на несколько иностранных языков.

Однако мы перечислили лишь малую часть вопросов, по которым осуществлялась непрерывная филантропическая деятельность Паркса. В течение многих лет он писал ежегодный обзор прогресса гигиены, вносил свой вклад в армейские медицинские отчеты. Он участвовал во многих общественных расследованиях, связанных с вопросами здравоохранения, и сделал для снижения смертности в армии больше, чем кто-либо другой. Он провел множество длительных и сложных физиологических исследований, таких как исследования влияния диеты и физических упражнений, выведения азота, воздействия алкоголя на организм человека, воздействия кофе, мясных экстрактов и алкоголя на марширующих мужчин, которые в основном способствовали Королевскому обществу. Как член Сената Лондонского университета, Генерального медицинского совета и секретаря Сената Медицинской школы армии он выполнял кропотливую работу высочайшей ценности, и все это несмотря на слабое здоровье.

“С годами”, - говорит сэр Уильям Дженнер,^[26] “его ум созрел, сфера его деятельности расширилась, его влияние на других проявлялось новыми и, возможно, более важными способами; но во всех моральных и интеллектуальных основах доктор Паркс как мужчина остался тем же, кем был в юности — он руководствовался теми же принципами и той же верой. С годами его ум проявил себя на редкость уравновешенным; он обладал необычайной способностью усваивать информацию; его память была очень цепкой; он был самым информированным человеком в медицинской литературе века, которого я когда-либо встречал; он был непредубежден в своей учености; он мог легко использовать полученную информацию и выражать свои идеи ясно и просто; его язык всегда был элегантен, а иногда и красноречив. Его наблюдательность, восприятие, рассуждения и суждения были хороши, и не менее хороши. Но как в юности, так и в зрелом возрасте красота его нравственной натуры, его бескорыстная любящая доброта, его способность прививать другим свою любовь к истине, свое собственное чувство необходимости искать истину, подвергать сомнению природу, пока она не выдаст истину, серьезный труд были его самыми поразительными чертами”.

Наконец врожденная слабость Паркса переросла в острый туберкулез, и он умер 15 марта 1875 года после четырехмесячной болезни. Его семейная жизнь была очень счастливой, но его жена, мисс Чатток, на которой он женился в 1851 году, умерла в 1873 году, и он был сильно разбит ее потерей. У него не было детей. Его памятник находится в Музее гигиены Паркса, который красноречиво иллюстрирует уроки его жизни.

Доктор Уильям Огастес Гай, F.R.S., является одним из самых выдающихся современных пропагандистов общественного здравоохранения. Он родился в Чичестере в 1810 году, и его предки на протяжении трех поколений были там практикующими врачами. Его дед, Уильям Гай, был учеником Джона Хантера, и в книге Хейли “Жизнь Ромни” говорится, что “Каупер сказал о нем, что он покорило его сердце с первого взгляда, а Ромни (написавший его портрет) заявил, что никогда не рассматривал никаких мужественных черт, которые он скорее выбрал бы в качестве модели, если бы у него была возможность изобразить сострадательную доброту Спасителя”.^[27]

Проведя детство с этим уважаемым дедушкой, молодой Гай получил образование в больнице Христа, а затем пять лет учился в больнице Гая. Получив медаль Фотергилла Лондонского медицинского общества за лучшее эссе об астме, в 1831 году, в возрасте двадцати одного года, ему было предложено поступить в Кембридж, где после еще двух лет, проведенных в Гейдельберге и Париже, он получил степень магистра в 1837 году.

В 1838 году доктор Гай стал профессором судебной медицины в Королевском колледже Лондона, а позже ассистентом врача в больнице Королевского колледжа. Он рано обратил свое внимание на статистику и присоединился к Статистическому обществу в 1839 году, а в 1843 году стал одним из его почетных секретарей. В 1844 году он представил Комиссии по здравоохранению городов важные данные о состоянии лондонских типографий и последующем развитии легочной чахотки среди печатников. Он участвовал в создании Ассоциации “Здоровье городов” и постоянно выступал с публичными лекциями, исследованиями и писательскими работами, привлекая внимание к вопросам санитарной реформы. Он был особенно озабочен улучшением вентиляции, утилизацией сточных вод, здоровьем пекарей и солдат, смертностью в больницах и многими другими подобными темами. В 1873 году он был президентом Статистического общества, и он последовательно был преподавателем крунианского, ламлейского и харвейского языков в Колледже врачей. Его различные публикации и статьи слишком многочисленны, чтобы их перечислять. Мы можем, однако, упомянуть “Принципы судебной медицины” и последовательные издания книги Хупера “Врачебные рекомендации”.

Мистер Джон Саймон, CB, F.R.S., является одним из ветеранов современного общественного здравоохранения, помимо того, что имеет высочайшую репутацию хирурга и патологоанатома. Мистер Саймон родился в 1816 году, был студентом Королевского колледжа в Лондоне, а в 1844 году был избран членом Колледжа хирургов. В 1847 году он был назначен лектором по патологии в больнице Святого Томаса. Его последующие исследования и труды, особенно посвященные воспалению, доказали его высокую пригодность для этой должности. В 1850 году он опубликовал весьма оригинальный курс лекций по общей патологии, как способствующий установлению рациональных принципов диагностики и лечения заболеваний.

Карьера мистера Саймона в сфере общественного здравоохранения началась с того, что он был назначен первым медицинским работником Лондонского сити. Вскоре он был избран медицинским советником Главного управления здравоохранения, а затем переведен на важный пост медицинского сотрудника при Тайном совете. В этом качестве его труды, умело поддерживаемые толпой усердных работников, имели бесценное значение для нации в целом.

Последовательные ежегодные отчеты, публикуемые Тайным советом, в достаточной степени подтверждают это.

В своем первом докладе Тайному совету мистер Саймон заявил, “что более половины нашей ежегодной смертности является результатом болезней, которые преобладают с очень большой разницей в зависимости от санитарных условий, которые плохие или хорошие; что, согласно последним имеющимся данным, некоторые из этих болезней преобладают дважды или трижды, некоторые из них в десять или двадцать раз, некоторые из них даже в сорок или пятьдесят раз более смертельны в некоторых округах, чем в других округах Англии; что результатом их чрезмерного частичного развития является повышение смертности в определенных округах от 50 до 100 процентов. выше, чем смертность в других округах, и повысить уровень смертности в целом по стране на 33 процента. выше уровня смертности в ее наиболее здоровых частях”.

В своем одиннадцатом отчете г-н Саймон написал следующее: “Я думаю, было бы трудно переоценить прогресс, достигнутый за последние несколько лет в области санитарного законодательства с одной наиболее важной точки зрения. Принципы, утвержденные в настоящее время в нашем уставе, таковы, что, если они будут реализованы в полном объеме, вскоре сведут к совершенно незначительному значению нашу нынешнюю очень большую долю предотвратимых заболеваний.... Местным властям были предоставлены широкие полномочия, и на них было прямо возложено обязательство, в отношении их соответствующих округов, пресекать все виды помех и обеспечивать все такие работы и учреждения, в которых в первую очередь нуждается общественное здравоохранение; в то время как вспомогательные полномочия были предоставлены для более или менее необязательного использования в вопросах, которые считаются менее важными для здравоохранения.... Государство ... вмешивался в отношения между родителями и детьми ... между работодателем и нанятым ... между продавцом и покупателем; ввел ограничения на продажу и покупку ядов; запретил в определенных случаях определенные коммерческие поставки воды; и сделал публичным преступлением продажу фальсифицированных продуктов питания, напитков или лекарств или предложение на продажу любого мяса, непригодного для употребления в пищу.... Его забота о лечении болезней не ограничивалась безоговорочно лечением за государственный счет таких болезней, которые могут сопровождать нужду; он предусмотрел, что в случае любой чрезвычайной эпидемической ситуации местным властям может потребоваться организованная медицинская помощь, не предназначенная специально для бедняков; и в том же духе требует, чтобы вакцинация за государственный счет предоставлялась бесплатно каждому заявителю”.

Мистер Саймон был выдающимся хирургом больницы Святого Фомы и несколько лет назад стал президентом Колледжа хирургов. Он также является членом Генерального медицинского совета. В 1878 году его мраморный бюст был подарен Колледжу хирургов по публичной подписке в знак признания его выдающихся заслуг в области санитарной науки.

СНОСКИ:

[24] См. the Lancet, 25 марта 1876 г., стр. 481.

[25] "Медикал Таймс энд Газетт", 25 марта 1876 г., стр. 348.

[26] "Ланцет", 8 июля 1876 г., стр. 41, дополнение к Харвейской речи.

[27] Смотрите Фотографии выдающихся медиков, ii, 59.

НАПЕЧАТАНО ИЗДАТЕЛЬСТВОМ BALLANTYNE, HANSON AND CO. ЭДИНБУРГ И ЛОНДОН.

Список книг

СЕЗОН] : Опубликовано [1885-1886.

ДЖОН ХОГГ, 13 лет, Патерностер-Роу, Лондон, Е.С.

В двух томах, корона 8в., ткань, цена 21шук.

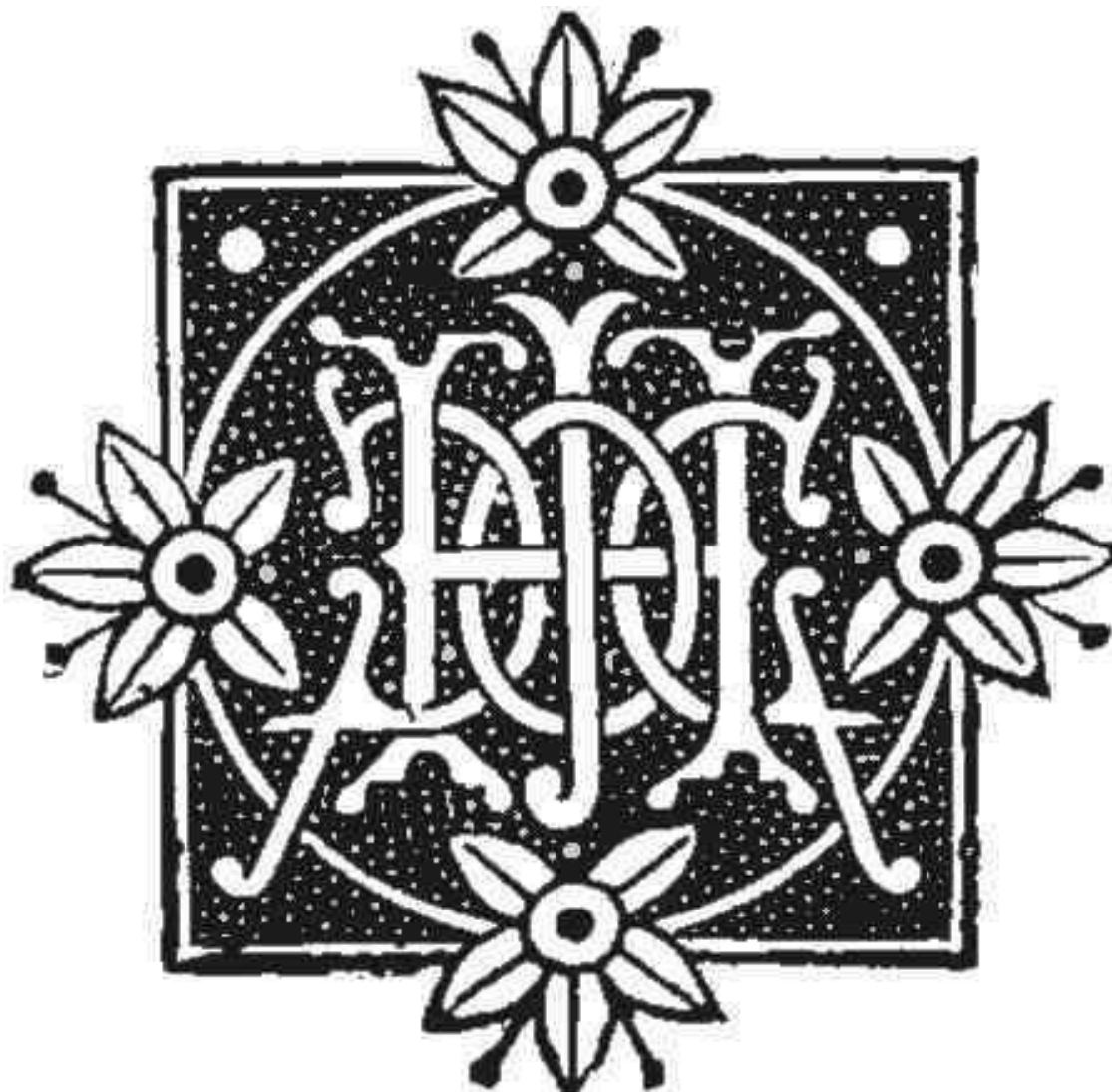
Выдающиеся врачи: их жизнь и их работа. Дж. Т. Беттани, магистр медицины (Camb.), B.Sc (Лондон), Ф.Л.С., автор книг “Первые уроки практической ботаники”, “Элементарная физиология” и др., а также преподаватель ботаники в медицинской школе больницы Гая.

“Для меня есть невыразимое очарование в жизни хороших, храбрых, образованных людей, единственной целью которых было и остается облегчение боли и спасение жизни”. — Г. А. Сала.

ГЛАВА

1. Линакр, Кай и основание британской медицины.
2. Уильям Харви и циркуляция крови.
3. Томас Сайденхэм, британский Гиппократ.
4. Монро, Каллен, Грегори, Джон Белл и основание Эдинбургской школы.
5. Охотники и применение анатомии и физиологии в хирургии.
6. Эдвард Дженнер и вакцинация.
7. Сэр Эстли Купер и Абернети: Нож *против* режима.
8. Сэр Чарльз Белл и функции нервной системы.
9. Маршалл Холл и рефлекторное действие.
10. Сэр Б. Броуди и сэр У.М. Лоуренс: два великих хирурга-практика.
11. Аддисон и Брайт и болезни, носящие их имена.
12. Листон, Сайм, Лизарс и новейшая хирургия.
13. Бейли, Хэлфорд, Чемберс и Холланд: модные и придворные врачи.
14. Сэр У.М. Фергюссон и консервативная хирургия.

15. Сэр Джеймс Симпсон и анестезиология.
16. Сэр Спенсер Уэллс и овариотомия.
17. Сэр Уильям Дженнер, Бадд, Мерчисон и брюшной тиф.
18. Сэр Джозеф Листер и антисептическая хирургия.
19. Сэр Ф. Уотсон, сэр Доминик Корриган, сэр У. Галл и клиническая медицина.
20. Сэр Джеймс Пэджет и хирургическая патология.
21. Доктора Уильямс, Стоукс и болезни грудной клетки.
22. Сэр Генри Томпсон и кремация.
23. Грейвс, Хьюз Беннетт и клиническое преподавание.
24. Конолли, Модсли и психические заболевания.
25. Выдающиеся специалисты: сэр Эразмус Уилсон и кожные заболевания; Морелл Маккензи и болезни горла; Кобболд и внутренние паразиты.
26. Выдающиеся специалисты, *продолжение*: —Сэр Уильям Боумен, Бруденелл Картер и глазные болезни; Тойнби, Хинтон и ушные болезни.
27. Сэр Р. Кристисон, доктор А. Суэйн Тейлор и обнаружение ядов.
28. Паркес, Энсти, Эд. Смит, Саймон, Бьюкенен и общественное здравоохранение.

КЛАССИФИЦИРОВАННОЕ СОДЕРЖИМОЕ КАТАЛОГА

Книги в 1-х частях. и 1-х частях. 6d.

	СТРАНИЦА
Вкусные блюда: Новая кулинарная книга за шиллинг	6
Самопомощь для женщин: руководство по бизнесу	9
"Группа милосердия", путеводитель по естественной истории	21
Словарь 1000 христианских имен	17

Книги в 2-х частях. 6d.

В каждом облаке есть луч надежды и другие истории из пословиц. Первая серия,	5
По одному делу за раз, и другие истории из пословиц. Вторая серия	5
Бредем дальше; или Бег трусцой к славе и богатству	17
Фактов и этапов жизни животных	20
"Башмачки удачи" Андерсена и другие сказки	22
Знаменитые сказки из "Тысячи и одной ночи"	21
Замечательные животные: рабочие, домашние и дикие	20
Девизы и афоризмы из Шекспира	23
Руководство Худа по английскому стихосложению	23
Удачливые люди: как они зарабатывали деньги и завоевывали известность	22

Книги в 3-х частях. 6d.

Секрет успеха, или Как преуспеть в мире	10
Наших красных мундиров и синих жилетов: военные фотографии на суше и на море	10
"Зверинец в гостинной". Гравюры на дереве Бьюика и других	11
Мальчики и их обычаи: книга для мальчиков и о них	12
Простая жизнь и возвышенное мышление; или практическое самосовершенствование	12
Зеркало моды. Этикет и домашняя культура	13
Девочки и их обычаи: Книга для девочек и о девочках	13

Путешествие пилигрима. Жизнь Саути и иллюстрации Харви	14
Церковные сезоны, исторически и поэтически иллюстрированные	14
Образцовые женщины: женские добродетели и достижения	15
Океанская волна: путешествия, моряки, открытия, кораблекрушения и мятежи	16
Жизнь и приключения Робинзона Крузо	16
Наши домашние истории	} { 18
Историй юных искателей приключений	} { 18
Вечеров вдали от дома	} АСКОТТА Р. ХОУПА { 19
Книга детства	} { 18
Историй из школьных времен	} { 19
Дней юности авторов	} { 3
Приключения Мориса Драммора (Королевской морской пехоты) на суше и на море	15
Удача в ваших руках; или Наука современной хиромантии	8
Изысканных блюд. Леди Харриет Сент-Клер	6
Вех английской литературы	7
Великих движений и тех, кто их достиг	7
Популярный технический словарь коммерческой и общей информации Блейкли	3
Книги на 4s. 6d., 6s., 6s. 6d. и 7s. 6d.	
Юбилейный сборник произведений искусства и художниц	9
“Часто в опасности”. Романтические биографии, иллюстрирующие полную приключений жизнь	3
Женская работа и ценность в девичестве, девичьей юности и замужестве	7
Руководство Клерикорум. Сокращено из “Англиканского директориума”	23
Издание de Luxe; цена 7s. 6d.	
Робинзон Крузо. Иллюстрации Стотарда, гравированные Хитом	4
Книги за 21 час.	
Выдающиеся врачи: их жизнь и их работа. Два тома.	1
Англиканский директориум	23
Библиотеки для юных читателей.	
Ведущая библиотека фактов и художественной литературы Аскотта Хоупа. Шесть иллюстрированных томов в элегантном металлическом футляре с иллюстрациями. Цена 21	24

шилл.

"Сокровищница естественной истории для мальчиков и девочек", сказки, биографии и пословицы. Семь иллюстрированных томов в элегантном металлическом футляре с иллюстрациями. Цена 17 шилл. 6долларов.

24

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СЕЗОН, 1885-6.

НОВАЯ КНИГА МИСТЕРА АСКОТТА Р. ХОУПА.

С ВОСЕМЬЮ ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ НА ТОНИРОВАННОЙ БУМАГЕ.

Малая корона 8 шт., 384 стр., ткань, цена 3 6долл.; позолоченные края, 4 шт.

Молодые дни авторов. Аскотт Р. Хоуп, автор книг "Рассказы юных искателей приключений", "Истории вне школы" и др.

Содержание:

1. МАЛЬЧИКИ С ОРУЖИЕМ В РУКАХ.	5. РАБОЧИЙ МАЛЬЧИК.
2. ДЕТСТВО ПОЭТА.	6. ШОТЛАНДСКАЯ ДЕВУШКА В АМЕРИКЕ.
3. МИЧМАН СТАРОЙ ЗАКАЛКИ.	7. СОБСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ РАССКАЗЧИКА.
4. ЮНОША, ПРОСЛАВЛЕННЫЙ И БОГАТЫЙ.	8. РУССКИЙ КАДЕТ.
-
-

Посвящается с разрешения сэра РИЧАРДА ТЕМПЛА, барта, Г.К.С.И. и др., покойного губернатора Бомбея.

С ШЕСТНАДЦАТЬЮ ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ НА ТОНИРОВАННОЙ БУМАГЕ.

Корона 8 шт., 544 стр., ткань, скошенные доски, цена 6 шт.; позолоченные края, 6 шт. 6d.

"Часто подвергаясь опасности." Романтические биографии, иллюстрирующие жизнь, полную приключений. У. Х. Дэвенпорт Адамс, автор книг "Простая жизнь и возвышенное мышление", "Секрет успеха", "Женский труд и ценность" и др.

"Мы замечательный народ; наше правительство никогда не делало нас великой нацией.... Англию создали авантюристы, а не ее правительство; и я верю, что только авантюристы удержат ее место". *Дневники генерал-майора К. Г. Гордона, К.Б., в Хартуме.*

"Приключения - для тех, кто любит приключения".

Содержание:

ГЛАВА

1. ГЕРОЙ СВЯТОГО ЖАНА Д'Акра.
2. ПОСЛЕДНИЙ ИЗ МОРСКИХ КОРОЛЕЙ.
3. ВЕНГЕРСКИЙ ДЕРВИШ.
4. СОВРЕМЕННЫЙ СТРАНСТВУЮЩИЙ ЕВРЕЙ.
5. АРКТИЧЕСКОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ.
6. ОТКРЫТИЕ АЛЬБЕРТА НЬЯНЗЫ.

ГЛАВА

7. РАДЖА САРАВАКА.
8. ПРИКЛЮЧЕНИЯ В АРАВИЙСКОЙ ПУСТЫНЕ.
9. ЧУДЕСНАЯ ПОЕЗДКА В МЕРВ.
10. АНГЛИЙСКИЙ "ШЕЙХ".
11. ГЕРОЙ ХАРТУМА.

Второе издание, малая корона, 8 шт., 384 стр., ткань, цена 3 6долл.; позолоченные края, 4 шт.

Популярный технический словарь коммерческой и общей информации. Автор: Эдвард Т. Блейкли, F.S.A. (из Совета по торговле).

“Это Руководство предназначено для молодых людей, начинающих бизнес, и содержит разнообразную техническую информацию, которую ни одна другая книга на этом языке не предлагает в таком сжатом виде”. —*Выдержка из предисловия автора.*

РОСКОШНОЕ ИЗДАНИЕ.

С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ СТОТАРДА, ВЫГРАВИРОВАННЫМИ ХИТОМ.

В богатом синем, черном и золотом переплете с позолоченными краями.

В одном томе, демисезонный, 8 шт., ткань, цена 7 6долларов; половина сафьяна дополнительно, 12 6долларов.

"Жизнь и приключения Робинзона Крузо", с наброском Дефо, Генри Дж. Николл. (Напечатано новым шрифтом старого образца.)

Примечание.—Это полное издание шедевра Дефо без сокращений, со всеми 22 прекрасными иллюстрациями по рисункам Томаса Стотхарда, Р.А., выгравированными Чарльзом Хитом. Эти иллюстрации теперь напечатаны с оригинальных медных пластин, которые были изготовлены с большими затратами и до сих пор находятся в идеальном состоянии, поскольку для их сохранения их покрыли сталью. Копии оригинальное издание с этими же пластинами, опубликованные гг. Каделл и Дэвис в 1820 году, сейчас стоят очень дорого.

“Следует поблагодарить мистера Хогга за переиздание "Жизни и приключений Робинзона Крузо" с двадцатью двумя рисунками Стотарда, выгравированными на меди Чарльзом Хитом. Перед их очарованием невозможно устоять, и в качестве книжных гравюр они входят в число

классиков английского искусства. Это восхитительные работы. Текст, лежащий перед нами, закончен и напечатан четким шрифтом. Таким образом, это издание превосходно”. —*Атенеум*.

“Это была удачная идея мистера Хогга - сохранить оригинальные медные листы и представить свое прекрасное издание шедевра Дефо с самыми подходящими иллюстрациями, которые оно когда-либо получало. Приведены все двадцать две гравюры, и мы можем поздравить поклонников бессмертной сказки, которая была проиллюстрирована Стотардом более правдиво и нежно, чем любым другим художником”. -*Королева*.

“Это действительно *роскошное* издание шедевра Дефо. Она прекрасно напечатана и дополнена двадцатью двумя полностраничными гравюрами по рисункам Томаса Стотхарда, Р.А., и в целом представляет собой книгу, которая радует глаз и сердца всех, у кого есть “слабая сторона” нашей безупречной старой британской классики”. -*North British Daily Mail*.

“Великолепное издание бессмертного “Робинзона Крузо”, украшенное гравюрами по знаменитым эскизам Стотарда, являющееся роскошным подарком”. —*Правда*.

“Пластинки в этом издании выходят с той же остротой, что и в первые дни, и полны силы и изящества. Те, кто получит этот экземпляр великого произведения Дефо, действительно получают удовольствие”. —*Шотландец*.

“Книга, которую многие хотели бы иметь на своих полках вместе с другими английскими классиками. Небольших изданий достаточно много, но мистер Джон Хогг теперь снабдил нас красивым библиотечным томом, который, к тому же, имеет преимущество в виде изысканных рисунков Стотхарда, выгравированных Хитом. Том в натуральную величину на 8 страниц, мелко напечатанный с широкими полями, снабжен критическим вступлением Генри Дж. Николла”. - *Книготорговец*.

“Издание, напечатанное мелким жирным шрифтом и содержащее репродукции хорошо известных иллюстраций Стотарда. И, более того, она содержит не только “Приключения”, но и “Дальнейшие приключения” Робинзона Крузо, которые часто опускаются в популярных изданиях”. —*Сент-Джеймсская газета*.

“Это одно из самых красивых изданий бессмертного произведения Дефо, которое мы когда-либо видели, *роскошное* издание. Это банальное, но в данном случае совершенно уместное утверждение, что мистер Хогг не пожалел средств на создание того, что является одновременно прекрасной подарочной книгой и не менее красивым томом для стола в гостиной”. -*Manchester Weekly Post*.

“*Роскошные* издания стандартных произведений пользуются постоянным спросом, и мистер Хогг поступил правильно, пополнив список этим прекрасным изданием шедевра Дефо. Едва ли нужно говорить, что рисунки Стотарда значительно превосходят обычные книжные гравюры, будучи замечательными как в качестве иллюстраций, так и благодаря своим внутренним достоинствам. В целом, книгу можно с уверенностью рекомендовать тем, кто желает приобрести библиотечное издание произведения, которое, похоже, сохранит свое гордое превосходство, и будет нелегко найти произведение, более приспособленное во всех отношениях для целей презентации”. -*Абердинская свободная пресса*.

Возможно, не все знают об этом последнем и самом прекрасном издании "Приключений старого йоркского моряка". Таким образом, мы можем сказать без оговорок, что этот том - один из самых элегантных, вышедших из печати в этом сезоне. Набросок Дефо сделан очень хорошо". —*Йоркширская газета*.

“Немногие из многочисленных переизданий произведений признанного мастерства, которые были недавно опубликованы, превзойдут по внутренней ценности то, о котором сейчас идет речь”. —*Glasgow Herald*.

ИСТОРИИ С ПОСЛОВИЦАМИ ДЛЯ МАЛЬЧИКОВ И ДЕВОЧЕК.

Я.

Малая корона 8в., ткань, 256 стр., с 36 иллюстрациями, цена 2 6долларов; позолоченные края - 3долларов.

В каждом облаке есть луч надежды и другие притчи для мальчиков и девочек. Первая серия. Автор: миссис Дж. Х. Ридделл, миссис М. Дуглас, Мария Дж. Грир и другие авторы. С тридцатью шестью иллюстрациями А. В. Купера, А. Чейзмора, Аделаиды Клакстон и других художников.

Содержание.

ПОМЕСТЬЕ СТОКТОН, ИЛИ В КАЖДОМ ОБЛАКЕ ЕСТЬ ЛУЧ НАДЕЖДЫ. КОНСТАНС БЕРНЕТ.

ЛОВУДСКИЙ викарий, ИЛИ У КАЖДОГО ЧЕЛОВЕКА ЕСТЬ СВОЙ ЗОЛОТОЙ ШАНС. МИССИС Дж. Х. РИДДЕЛЛ.

СИРОТЫ; ИЛИ РУКА НЕ ДОЛЖНА ОСТАВАТЬСЯ ПУСТОЙ, ПОКА ЕСТЬ ЗЕРНО, КОТОРОЕ НУЖНО ПОСЕЯТЬ. АВТОР: КОНВЕЙ ЭДЛСТОН.

ЛЕДИ МАДАЛЕНА, ИЛИ "НИКОГДА НЕ ПРЕВРАЩАЙ КРОТОВИЙ ХОЛМ В ГОРУ". АВТОР КНИГИ "БРИЛЛИАНТЫ МОЕЙ МАТЕРИ".

ДЖУЛЬЕТТА ПЕРСИ, ИЛИ "КРАСИВ НАСТОЛЬКО, НАСКОЛЬКО КРАСИВ". МЭРИ КОМПТОН.

РОМАНТИКА ТЕРРАСЫ, ИЛИ "НИКОГДА НЕ ВСТУПАЙ ВБРОД В НЕИЗВЕСТНЫЕ ВОДЫ". МАРИЯ Дж. ГРИР.

РОВЕР И ЕГО ДРУЗЬЯ; ИЛИ "ДРУГ В БЕДЕ - ЭТО ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ДРУГ". С ФРАНЦУЗСКОГО МАДАМ КОЛОМБ.

МОЛОДОЙ ИНЖЕНЕР, ИЛИ ИНОГДА СЛОВА РАНЯТ СИЛЬНЕЕ, ЧЕМ МЕЧИ. МИССИС М. ДУГЛАС.

II.

Малая корона 8в., ткань, 256 стр., с 33 иллюстрациями, цена 2 6долл.; позолоченные края - 3долл.

По порядку и другие истории-пословицы для мальчиков и девочек. Вторая серия. Этель Коксон, миссис Дуглас, мадам Коломб и другие авторы. С тридцатью тремя иллюстрациями А. Чантри Корбулда, А. В. Купера, Харриет Беннетт и других художников.

Содержание.

ПРАВИЛО ПОВЕДЕНИЯ; ИЛИ ЧТО-ТО ОДНО ЗА РАЗ. МАДАМ КОЛОМБ.

ИСПЫТАНИЯ ХРАБРОГО МАЛЬЧИКА; ИЛИ "СКАЗАТЬ ХОРОШО" - ХОРОШЕЕ СЛОВО, НО "ДЕЛАТЬ ХОРОШО" - ЕЩЕ ЛУЧШЕ. ЭТЕЛЬ КОКСОН.

КУЗИНА ФЛОРЕНС, ИЛИ КРАСОТА ЛИШЬ НА ПОВЕРХНОСТИ. КОНВЕЙ ЭДЛСТОН.

"ТИХАЯ ДОЧЬ", ИЛИ "КОГДА СОЛНЦЕ СЯДЕТ, ЗАСИЯЮТ МАЛЕНЬКИЕ ЗВЕЗДОЧКИ". МИССИС М. ДУГЛАС.

МАЛЕНЬКАЯ МОДЕЛЬ; ИЛИ 'ЭТО ДОЛГИЙ ДЕНЬ, В КОТОРОМ НЕТ НОЧИ". С ФРАНЦУЗСКОГО.

ОСЛЕПИТЕЛЬНОЕ ЗНАКОМСТВО, ИЛИ "СПРАВЕДЛИВЫЕ СЛОВА БЕЗ ПАСТЕРНАКА". МИССИС М. ДУГЛАС.

ЛУЧШИЙ КОСТЮМ; ИЛИ НИКТО НЕ ДЕЛАЕТ ТОГО, ЧТО ДОЛЖЕН, ЕСЛИ НЕ ДЕЛАЕТ ТОГО, ЧТО МОЖЕТ. УОЛТЕР КЛИНТОН.

НОВАЯ КУЛИНАРНАЯ КНИГА ЗА ШИЛЛИНГ.

В кроне 8 шт., 160 стр., цена 1 шт.

Вкусные блюда: рыба, мясо и птица; Супы, соусы и сладости. С советами по хозяйству и другой полезной информацией. Под редакцией Кэрри Дэвенпорт.

Введение:-1. Продукты по сезону; 2. Таблицы мер и весов; 3. Готовый счетовод для проверки счетов; 4. Кухонные принадлежности; 5. Приправы и т.д., Которые нужно иметь в наличии.

Супы:—Как приготовить супы. Рецепты.

Соусы: —Как приготовить хорошие соусы. Рецепты.

Рыба:—Как выбрать рыбу. Рецепты.

Мясо:-1. Как разделяется мясо; 2. Суставы (как использовать); 3. Как выбирать мясо; 4. Режимы приготовления (как жарить, отваривать, тушить, запекать и т.д.); 5. Рецепты.

Домашняя птица и дичь:—Как выбрать. Рецепты.

Экономичная кулинария: —Как использовать холодное мясо, обрезки и т.д.

Овощи: —Включая салаты, маринование и т.д. Рецепты.

Сладости и т.д.: —Кондитерские изделия, Пудинги, Торты, Печенье, Булочки и т.д. Рецепты.

Маринованные огурцы, консервы, Фарш и т.д.:—Рецепты.

Яйца, Сыр и т.д.: —Как выбрать и сохранить. Рецепты.

Кулинария для инвалидов: —Рецепты для больных и выздоравливающих.

Разное:—Разная всячина, включая чай, кофе и т.д.

Приложение: —Различные бытовые подсказки.

“Самая привлекательная кулинарная книга.” -Экзаменатор.

Десятое издание, малая корона, 8 шт., 392 стр., ткань, цена 3 шилл. 6д.

Изысканные блюда. Квитанции, собранные леди Харриет Сент-Клер (покойной графиней Мюнстер).

“Несмотря на количество существующих кулинарных книг, книгу леди Харриет Сент-Клер стоит купить, особенно тому классу людей, которые, хотя их доходы невелики, любят необычные и *изысканные деликатесы*”. - *Times*.

“Это соответствует своему названию, но показывает, что ”блюда" могут быть "изысканными", не будучи дорогостоящими или сложными, с использованием только полезных ингредиентов для начала и деликатного управления при приготовлении". —*Эксперт*.

“Это превосходная кулинарная книга. Все рецепты понятны и хорошо изложены, и они позволят любому, кто решит следовать им, готовить первоклассную кухню ”. —*Шотландец*.

Содержание книги разнообразно, большое внимание уделяется шотландским блюдам, и в наш век множества кулинарных книг есть о чем сказать, что приведенные рецепты не причудливы, а практичны. Их действительно можно приготовить - рекомендация, которую нельзя дать во многих наших кулинарных книгах ”. —*Glasgow Herald*.

“Столь превосходный замысел и столь полное исполнение вполне могут рекомендовать этот том к рассмотрению дамам этого королевства. Если экономию можно сочетать с приятным и питательным питанием, во что бы то ни стало сделайте этот факт общеизвестным”. — *Британская почта*.

“Те домохозяйки, которые желают совершенствоваться в модном ныне искусстве кулинарии, найдут в этой книге кладезь простых практических уроков”. - *Литературный церковник*.

“Покойная графиня Мюнстер внесла свой вклад не только в английскую и французскую кухни, но и возит нас в Италию, Германию, Россию и даже в Польшу в поисках любого блюда, которое могло бы быть вкусным на вкус, полезным и готовиться легко и дешево”.—*Книготорговец*.

“Книга гастрономических изысков, от которых текут слюнки”. —*Surrey Comet*.

“Перед вами уникальная по своему характеру кулинарная книга, которую стоит изучить”. - *Educational Times*.

Второе и дешевое издание с двенадцатью портретами.

Малая корона 8в., 472 стр., ткань, цена 3,6 р.; позолоченные края, 4 шт.

Вехи английской литературы.

Генри Дж. Николл, автор книги “Великие движения” и др.

Содержание:

ВВЕДЕНИЕ: Объясняет замысел книги и дает несколько советов по изучению литературы.

НА ЗАРЕ АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ЕЛИЗАВЕТИНСКАЯ ЭПОХА.

ПРЕЕМНИКИ ЕЛИЗАВЕТИНЦЕВ.

ЛИТЕРАТУРА ЭПОХИ РЕСТАВРАЦИИ.

ОСТРОУМИЕ ВРЕМЕН КОРОЛЕВЫ Анны.

НАШИ ПЕРВЫЕ ВЕЛИКИЕ РОМАНИСТЫ.

ДЖОНСОН И ЕГО СОВРЕМЕННОСТИ.

НОВАЯ ЭРА В ПОЭЗИИ.

СЭР ВАЛЬТЕР СКОТТ И ПРОЗАИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА НАЧАЛА ДЕВЯТНАДЦАТОГО ВЕКА.

НАШЕ ВРЕМЯ.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ, ОБЗОРЫ И ЭНЦИКЛОПЕДИИ.

“Мы можем тепло поблагодарить это превосходное руководство. Мистер Николл сам является справедливым и здравомыслящим критиком и знает, как умело и рассудительно использовать мнения других критиков. У его книги много конкурентов, с которыми приходится бороться, но с лучшими из них она справится сама”. —*Сент-Джеймсская газета*.

“Факты мистера Николла похвально точны, а его стиль совершенно лишен претенциозности, безвкусицы и манерности, за проявление которых в наши дни автор всегда заслуживает большой благодарности от своих критиков”.—*Субботний обзор*.

“Мистер Николл выполнил свою задачу с большим тактом, большим литературным мастерством и большой критической проницательностью. Лучшая книга не могла бы попасть в руки того, кто хочет узнать что—нибудь о наших великих писателях, но у кого нет времени самому прочесть их

произведения; и нет лучшего руководства для праздного человека, который желает познакомиться с лучшими произведениями наших лучших писателей и досконально изучить их. Литературные оценки мистера Николла рассудительны, мудры и в высшей степени справедливы”. -*Edinburgh Daily Review*.

“Хорошо оформленный том мистера Николла будет полезен студенту и интересен широкому кругу читателей. Биография и история сочетаются с критикой, так что люди рассматриваются так же, как и их работы.... Обширная и тщательная хронологическая таблица придает книге особую ценность как справочному труду. Книга лишена претензий и заслуживает похвалы за простоту назначения, а также за тщательное исполнение”. —*Зритель*.

Второе и дешевое издание.

С ВОСЕМЬЮ ПОРТРЕТАМИ, 464 стр., корона 8 шт., ткань, цена 3 6долл.; позолоченные края, 4 шт.

Великие Движения и те, кто Их достиг. Генри Дж. Николл, автор книги “Ориентиры английской литературы” и др.

“Полезная книга.... Такая работа... всегда должно находить свою награду в эпоху, слишком занятую или слишком беспечную, чтобы самой искать истоки великих потоков современной цивилизации”. —*Times*.

“Превосходная серия биографий.... Ее достоинство в том, что она выражает наши симпатии не на основании простого успеха, как это свойственно книгам этого класса, а, скорее, исходя из более высокого требования следовать высоким стандартам долга”. —*Daily News*.

“Огромную пользу можно было бы принести, приняв его в качестве учебного пособия для молодежи старших классов большинства школ”. —*Хроника школьного совета*.

Корона 8в., 576 стр., ткань, цена 6,6 р.; позолоченные края, 7 р.

Женский труд и ценность в девичестве, Девичестве и женитьбе. С намеками на самосовершенствование и главами о высшем образовании и занятости женщин. Автор: У. Х. Дэвенпорт Адамс.

“Мало сказать, что это превосходно, и будет только справедливо добавить, что этот важнейший предмет изложен в стиле одновременно виртуозном, эрудированном и очаровательном”. - *Светские заметки*.

“В качестве помощи и подстрекательства к самосовершенствованию девочек, а также чистой и безупречной по тону, эта книга может быть очень тщательно рекомендована и заслуживает широкого распространения”.—*Англоязычное женское обозрение*.

“Это благородный отчет о работе женщины ... и одна из самых лучших книг, которые можно дать в руки девушке”. —*Схоластический мир*.

С ПЯТЬЮ ВЫРЕЗКАМИ ИЗ ДЕРЕВА, ИЛЛЮСТРИРУЮЩИМИ “РУКУ УДАЧИ” И Т.Д.

Корона 8в., 304 стр., ткань, цена 3ш. 6д.

Ваша удача в ваших руках; или Наука Современной хиромантии, главным образом в соответствии с Системами Д'Арпентиньи и Дебарроля, с некоторыми рассказами о цыганах. А. Р. Крейг, магистр медицины, автор книги “Философия обучения” и др. Третье издание.

ГЛАВА

1. ХИРОМАНТИЯ КАК НАУКА.
2. ДРЕВНЯЯ ХИРОМАНТИЯ.
3. СОВРЕМЕННАЯ НАУКА И ЕЕ
ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ.
4. ЗНАКИ, НАНЕСЕННЫЕ НА ЛАДОНЬ.
5. БОЛЬШОЙ ПАЛЕЦ.
6. ТВЕРДЫЕ И МЯГКИЕ РУКИ.
7. РУКА У ДЕТЕЙ.
8. РУКА С ЛОПАТКОЙ.
9. РУКА АНГЛИЧАНИНА.
10. РУКА СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ.
11. РУКА ХУДОЖНИКА.
12. ПОЛЕЗНАЯ РУКА.
13. КИТАЙСКИЕ РУКИ.
14. РУКА ФИЛОСОФА.
15. РУКА ПСИХИЧЕСКАЯ.
16. СМЕШАННЫЕ РУКИ.
17. ЖЕНСКАЯ РУКА.
18. М. ДЕБАРРОЛЬ И ПРОДВИНУТАЯ
ШКОЛА.
19. ХИРОМАНТИЯ В ОТНОШЕНИИ
БУДУЩЕГО.

ГЛАВА

20. ТРИ МИРА ХИРОМАНТИИ.
21. ГОРЫ И ЛИНИИ.
22. ЛИНИЯ ГОЛОВЫ.
23. ЛИНИЯ ЖИЗНИ—САТУРНА—ПЕЧЕНИ— ВЕНЕРЫ.
24. ЛИНИЯ СОЛНЦА.
25. РАШЕТКА.
26. СЕМЬ СМЕРТНЫХ ГРЕХОВ.
27. СИЛА ИНТЕРПРЕТАЦИИ.
28. АСТРАЛЬНЫЙ ФЛЮИД.
29. ДЕТИ ПРАВЯЩИХ ПЛАНЕТ: ИХ ХАРАКТЕРЫ.
30. ГАДАНИЯ ПО РУКАМ ЗНАМЕНИТЫХ МУЖЧИН И
ЖЕНЩИН.
31. М. Д'Арпентиньи И ЦЫГАНЕ —
ИССЛЕДОВАНИЯМИСТЕРА БОРРОУ.
32. ЦЫГАНСКИЕ ХИРОМАНТЫ.
33. РУКА, ЗАТРОНУТАЯ БРАКОМ.
34. ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Изготовителям перчаток следовало бы преподнести автору сервиз из золотой посуды. Будет опрометчивым человеком, если после этого позволит кому-нибудь увидеть свои голые руки. Нам не терпится найти потерянную пару перчаток, прежде чем мы выйдем подышать свежим воздухом после такого изнурительного исследования, каким нас снабдила эта книга ”. — *Шеффилд энд Ротерхэм Индепендент*.

“Хиромантия, хиромантия и родственные им науки действительно могут быть мистическими, но никогда недостойными. В них заключено больше, чем может представить себе масса и те, кто хочет в них погрузиться. Мистер Крейг докажет, что он отличный гид ”. — *Manchester Weekly Post*.

“Иллюстрации любопытны. Те, кто хочет изучить дело рук, удачливые или неудачливые, найдут здесь множество материалов”. — *Литературный мир*.

“Это, безусловно, ‘удобная книга’, поскольку руки любого класса описаны так тщательно, что все признаки ладоней могут быть легко ‘получены’ теми, кто желает разобраться в этой простейшей из темных наук”. — *Циркуляр издателей*.

“Работа представляет исключительный интерес”. — *Абердинский журнал*.

“ Дает наиболее полные правила интерпретации линий и отметин на кистях, пальцах и запястьях, а также характерных точек, обозначаемых их формой. Мы можем представить, что эта маленькая книжечка, иллюстрированная пятью диаграммами, является источником большого количества развлечений”. — *Книготорговец*.

Руководства по самосовершенствованию для молодых мужчин и женщин.

1. **Секрет успеха.** См. стр. 10.
 2. **Простая жизнь и возвышенные мысли.** См. стр. 12.
 3. **Труд и ценность женщины.** См. стр. 7.
 4. **Руководство Худа по английскому стихосложению.** См. стр. 23.
 5. **Вехи английской литературы.** См. стр. 7.
-
-

Посвящается, с особого разрешения, сэру ФРЕДЕРИКУ ЛЕЙТОНУ, П.Р.А.

НАПЕЧАТАНО КОРИЧНЕВЫМИ ЧЕРНИЛАМИ, С ДВЕНАДЦАТЬЮ ЦВЕТОЧНЫМИ ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ, ДИЗАЙН ПЕРЕПЛЕТА ВЫПОЛНЕН “ЛЮКОМ ЛИМНЕРОМ”, F.S.A.

Imperial 16 млн., ткань, скошенные листы, чередование, 432 страницы, цена 4,6 доллара. позолоченные края.

День рождения-Книга по искусству и художникам. Составитель и редактор Эстель Дэвенпорт Адамс, редактора журналов “Листья розы”, “Цветок и лист” и др.

“Миссис Приятная книга Адамса на день рождения, которую вы с удовольствием прочтете”. —*Панч*.

“Поздравительных книг мы видели в изобилии, но пальма первенства принадлежит этому”. — *Guernsey Mail*.

“Эстель Дэвенпорт Адамс доставила бесконечные хлопоты своей ”Юбилейной книге искусства и художников”, которая в небольшом масштабе представляет собой настоящую художественную энциклопедию”. —*Графика*.

“Немногие из бесконечного разнообразия книг о днях рождения были составлены более изобретательно или с более полезной целью, чем эта, что должно обеспечить большую долю популярности, которой пользуются эти милые руководства”. —*Glasgow Herald*.

“Удобная маленькая книжечка для тех, кто отмечает дни рождения, как для вручения, так и для получения подарков”. —*Атенеум*.

“В целом, это книга на день рождения, которую стоит желать”. —*Шотландец*.

“Книга действительно может быть очень полезной и завершается отличным указателем”. —*Субботнее обозрение*.

“Миссис Дэвенпорт Адамс объединил в миниатюре нечто вроде каталога произведений искусства, биографического словаря художников и словаря художественной критики и тем самым сделал вещь, которая может принести некоторую пользу.” —*World*.

“Настоящий словарь дат, посвященный дням рождения выдающихся художников, поскольку, помимо тех, чьи имена соответствуют дням года, есть дополнительный список. Цитаты хорошо подобраны. Сама книга — произведение искусства”. —*Меч и совок*.

120 стр., маленькая корона 8 шт., доски, цена 1 штук; или в тканевом переплете, 1 штук бд.

Самопомощь для женщин: руководство по бизнесу. С практическими указаниями по созданию и ведению прибыльных профессий и бизнес-профессий, подходящих для женщин и девочек. От Деловой женщины.

1. ЗНАМЕНИТЫЕ ДЕЛОВЫЕ ЖЕНЩИНЫ.

2. ВЫБОР БИЗНЕСА.

3. ВЕДЕНИЕ БИЗНЕСА.

4. БЕРЛИНСКИЙ ШЕРСТЯНОЙ БИЗНЕС.

5. ТОРГОВЛЯ ОБУВЬЮ.

6. КОНДИТЕРСКИЙ БИЗНЕС. (С чеками кондитеров.)

13. СКЛАД ЖЕНСКОГО НИЖНЕГО БЕЛЬЯ И ДЕТСКОГО БЕЛЬЯ.

14. ТОРГОВЛЯ МУЗЫКОЙ.

15. БИЗНЕС ПО РЕГИСТРАЦИИ ПРИСЛУГИ.

16. ТОРГОВЛЯ ТОВАРАМИ ИЗ ШЕФФИЛДА И БИРМИНГЕМА.

17. КАНЦЕЛЯРСКИЕ ТОВАРЫ И КНИГОТОРГОВЛЯ.

18. ТОРГОВЛЯ ИГРУШКАМИ.

7. БИЗНЕС ПО ИЗГОТОВЛЕНИЮ КОРСЕТОВ.	19. РАЗНЫЕ ПРОФЕССИИ.
8. БИЗНЕС ПО ПОШИВУ ОДЕЖДЫ.	20. УПРАВЛЕНИЕ ГОСТИНИЦАМИ.
9. ТОРГОВЛЯ МОДНЫМИ ВЕЩАМИ.	21. ЭКОНОМКА И ПРИСЛУГА.
10. ТОРГОВЛЯ РЫБОЙ И ДИЧЬЮ.	22. ДОМАШНИЕ ЗАНЯТИЯ.
11. ПРОИЗВОДСТВО СТЕКЛА И ФАРФОРА.	23. УДОВОЛЬСТВИЯ ОТ РАБОТЫ.
12. ТОРГОВЛЯ ЮВЕЛИРНЫМИ ИЗДЕЛИЯМИ.	
-

“Писательница, очевидно, хорошо информирована, и ее проницательные, практические советы не могут не представлять ценности для растущего класса общества, женщин, которым остается самым прокладывать себе путь в этом мире”.—*Echo*.

“Эта книга будет полезна и подбодрит многих женщин, полагающихся на собственные силы, поскольку покажет им, чего добились другие женщины, и позволит ей понять, в каком направлении она может наилучшим образом использовать свои способности”.—*Бристольский Меркурий*.

“Прежде чем заняться каким—либо ремеслом, женщины должны ознакомиться с этой небольшой работой”. —*Sheffield Independent*.

“Заслуживает нашего самого пристального внимания”.—*Удар*.

“Шиллинг, потраченный на покупку этой маленькой книжечки, окажется гораздо лучшим вложением средств, чем пустая трата почтовых марок при ответе на письма”. —*Канцелярский магазин*.

“Это не банальный разговор о бизнесе, подходящем для женщин, а серьезное производство, в котором разумно и откровенно рассматриваются конкретные профессии”. —*Manchester Weekly Post*.

“Для тех, кто считает необходимым покинуть дом и вступить в мирскую борьбу, небольшая книга, подготовленная “Деловой женщиной”, станет одновременно руководством и поддержкой”. —*Манчестерский курьер*.

“Он полностью выполняет свою задачу, наглядно демонстрируя разнообразие предприятий и прибыльную работу, которые могут найти женщины, а также предоставляя полезную информацию о том, с чего начать”. —*Женский журнал Уэлдона*.

“Книга, которую должна приобрести каждая женщина, которая не знает, как ей заработать на достойные средства к существованию”. —*Dundee Courier*.

Пятое издание, малая корона, 8 шт., 384 стр., ткань, цена 3,6 доллара; позолоченные края, 4 доллара.

Секрет успеха, или Как преуспеть в этом мире. С некоторыми замечаниями об истинном и ложном успехе и искусстве наилучшим образом использовать жизнь. Перемежается многочисленными примерами и анекдотами. У. Х. Дэвенпорт Адамс, автор книги “Простая жизнь и возвышенное мышление” и др.

“Работы мистера Адамса в некоторых отношениях более практичны, чем работы мистера Смайла. Он в большей степени использует иллюстрации из мира бизнеса и коммерции, и их применение безошибочно.... В том, как он дает читателям свои советы, много оригинальности и силы”. —Журнал *"Абердин"*.

“В его советах есть здоровое, честное звучание и мудрое различение истинного и ложного успеха.... Многие истории успеха и неудачи помогают указать на их мораль”. —*Брэдфордский обозреватель*.

“Область, которую исследует мистер Адамс, настолько богата, обширна и интересна, что его книга рассчитана на то, чтобы изложить здравую моральную философию такого рода и в такой форме, которая будет оценена большим числом читателей.... В остальном эта книга — кладезь анекдотов о людях, которые не только преуспели в жизни, но и чьи имена прославлены как благодетели своего рода”. —*Рекламодатель Данди*.

С ДВУМЯ ЦВЕТНЫМИ ТАБЛИЧКАМИ И ВОСЬМИСТРАНИЧНЫМИ ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ.

Третье издание, малая корона, 8 шт., 400 стр., ткань, цена 3 6долларов; позолоченные края, 4 шт.

Наши красные мундиры и синие куртки: военные фотографии на суше и на море. Формирует непрерывный рассказ о военно-морской истории Англии с 1793 года по настоящее время, включая Афганскую и зулусскую кампании, перемежающийся анекдотами и рассказами о личной службе. Генри Стюарт, автор книги “Океанская волна” и др. С хронологическим списком военно-морских сражений Англии.

“Великолепная коллекция графических зарисовок отважных и блестящих достижений на плаву и на берегу, и, кроме того, имеет то преимущество, что является кратким повествованием об исторических событиях. Фактически, это военно—морская история Англии, рассказанная в серии эффектных картин”. —*Мир*.

“Это не просто сборник обрывков и анекдотов о наших солдатах и матросах, а история их главных достижений с начала войны в 1793 году. В этой книге есть очарование не только для парней”. —*Шотландец*.

“Помимо того, что это произведение представляет захватывающий интерес как простая книга рассказов, оно также будет наиболее ценным как историческое произведение для молодежи, которая с гораздо большей вероятностью запомнит такие интересные исторические картины, чем сухие списки дат и сражений, которые они находят в своих школьных учебниках.... Обладает таким неподдельным интересом, какого не может превзойти ни одно художественное произведение”. —Абердинский журнал.

“Среди множества издательств, выпускающих книги, подходящие для подарков, мистер Хогг занимает высокое место. Каталог его публикаций, образцы которого находятся перед нами, содержит ряд полезных и интересных работ, в высшей степени подходящих для ознакомления с молодежью обоих полов, и в них столько же чтения по такой же низкой цене, сколько и в любых книгах на рынке.” — Pall Mall Gazette.

С БОЛЕЕ ЧЕМ 300 ГРАВЮРАМИ БЬЮИКА И ДРУГИХ АВТОРОВ.

ПЯТОЕ И ДЕШЕВОЕ ИЗДАНИЕ.

Большая корона 8в., 520 стр., ткань, цена 3 6долл.; позолоченные края, 4 шт.

Домашний зверинец: В котором в Описательной и анекдотической форме демонстрируются Привычки, Ресурсы и Таинственные Инстинкты наиболее интересных представителей Животного Мира. Посвящается с разрешения distinguished Дж . баронесса Бердетт-Куттс (президент) и члены Женского комитета Королевского общества по предотвращению жестокого обращения с животными.

БЕЛОЕ ВЕКО МАНГАБЕЯ.

Образец 66 гравюр на дереве Томаса Бьюика из коллекции “Салонный зверинец”.

От профессора Оуэна, С.В., F.R.S. ис.

(Директор департамента естественной истории Британского музея).

Редактору "*Салонного зверинца*".

“Ранняя любовь к природе, особенно проявляющаяся в привычках и инстинктах животных, о которых вы говорите, в вашем собственном случае, настолько присуща здоровой натуре мальчика, что "*Салонный зверинец*", произведение, столь необычайно полное интересных примеров, взятых из столь широкого спектра зоологии, и столь полно и прекрасно иллюстрированное, не может не понравиться подрастающему поколению — и многим последующим — юных натуралистов. Когда я вспоминаю ‘Описание 300 животных’ (включая Василиска и всех чудовищ Плиния), которое пробудило мой ранний интерес к естественной истории, я могу поздравить своих внуков с тем, что благодаря вашему упорному и разборчивому труду они получили гораздо более полезную пищу. Ричард Оуэн”.

Справа от почтенного. Джон Брайт, член парламента

Редактору, *Parlour Menagerie*.

“Я не сомневаюсь, что "*Зверинец в гостиной*" окажется очень интересным, как, впрочем, уже выяснили те из моей семьи, кто его прочитал. Я надеюсь, что одним из результатов улучшения общественного образования будет формирование у нашего населения более гуманного отношения к тем, кого мы называем низшими животными. Многого можно добиться, если внушить детям мысль о долге доброты в обращении с животными, и я надеюсь, что учителя наших школ не будут пренебрегать этим.... Я уверен, что то, что вы сделали, принесет хорошие плоды. —Джон Брайт”.

“У *Зверинца* в гостиной хорошее название. Полный, как яйцо, информации, приятного чтения и гравюр, где раньше был такой зверинец?” —*Мир животных*.

“Мы никогда не видели лучшей коллекции анекдотов и описаний животных, чем эта, и у нее есть огромное преимущество в виде многочисленных и замечательных гравюр на дереве. Наглядные иллюстрации являются важным и ценным дополнением к любой подобной коллекции. Представленные в книге отличаются исключительным совершенством.... Мы высоко оцениваем дух, пронизывающий книгу, дух, совершенно чуждый жестокости любого рода. В целом, это одно из лучших произведений в своем роде, и мы гарантируем как его полезность, так и приемлемость”. —*Литературный мир*.

-Мистер Хогг, без сомнения, специалист в искусстве удовлетворять литературные вкусы молодежи.— "*Шропшир Гардиан*".

С ВОСЕМЬЮ ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ НА ТОНИРОВАННОЙ БУМАГЕ.

Второе издание, малая корона, 8 шт., 352 стр., ткань, цена 3 6долл.; позолоченные края, 4 шт.

Мальчики и их привычки: Книга для мальчиков и о них. Автор: Тот, кто их знает.

Содержание.

Парни. 1. Мальчик дома.-2. Мальчик в школе.-3. Мальчик на игровой площадке.-4. Мальчик в часы досуга.-5. Плохие мальчики.-6. Дружба мальчиков.-7. Мальчик в деревне.-8. Как и что читать.-9. Детство знаменитых мужчин.-10. Идеальный мальчик.

“В оглавлении дан такой перечень блюд, который вызовет у мальчика, в руки которого попадет эта книга, желание насладиться угощением, приготовленным для него. Мы рискнем предсказать этой очаровательной книге популярность, равную популярности ‘Самопомощи’.... Лучшего подарка нельзя было бы вручить мальчику, и он станет стандартным произведением школьной библиотеки”. —*Схоластический мир*.

“Кто автор этой книги, держится в секрете, и мы сожалеем об анонимности, потому что ни один писатель не должен стыдиться называть свое имя и ставить под угрозу свою репутацию”. — *"Эдинбург Дейли Ревью"*.

“Это книга для мальчиков в лучшем стиле”. —*Журнал "Абердин"*.

С ВОСЕМЬЮ ПОРТРЕТАМИ НА ТОНИРОВАННОЙ БУМАГЕ.

Посвящается с разрешения Rt. достопочтенному У. Э. ГЛАДСТОНУ, члену парламента и с.

Третье издание, малая корона, 8 шт., 384 стр., ткань, цена 3 6долл.; позолоченные края, 4 шт.

Простая жизнь и возвышенное мышление; или Практическая Самокультура: моральная, умственная и физическая. У. Х. Дэвенпорт Адамс, автор книги “Секрет успеха” и др.

Часть I.—Нравственная самокультура.

Глава. 1. Дома.	Глава 3. Характер.
„ 2. Жизнь за границей.	„ 4. Поведение.

Часть II.—Ментальная самокультура.

Глава. 1. Как читать.

Ребята. 2-9. Курсы чтения английской поэзии, Истории, Биографий, художественной литературы, путешествий и открытий, Теологии, философии и метафизики, различных наук и научных учебников. Глава 10. Как писать: английская композиция.

Часть III.—Физическое самосовершенствование.

“Mens sana in corpore sano.”

“Нам нравится, как подробно мистер Адамс описывает ‘Самокультуру: моральную, умственную и физическую’. Его глава о вежливости в семейной жизни и истинных отношениях между

родителями и детьми особенно ценна в наши дни. Он, безусловно, отвечает на вопрос "Стоит ли жить?" самым победоносным утвердительным тоном". —Графика.

“Постоянно появляются книги для молодых людей — некоторые из них подлинные, серьезные и полезные, а многие из них просто продукт искусства создания книг. Мы с удовольствием заявляем, что этот том мистера Адамса заслуживает того, чтобы занять свое место среди лучших произведений первого упомянутого класса. Это свежо, интересно, разнообразно и, прежде всего, полно здравого смысла, мужественности и правильных принципов”. —
Инвернесский курьер.

“Молодые люди, желающие чего—то добиться, должны вложить семь шестипенсовиков в этот ценнейший том”. -Меч и мастерок.

“Лучшая книга в своем классе во всех отношениях, которую мы редко имели удовольствие замечать.... Мы не можем слишком настоятельно рекомендовать это молодым мужчинам”. —
Ежемесячные заметки Христианской ассоциации молодых мужчин.

“Беглый просмотр каталога мистера Хогга показывает, насколько превосходно он заботится о молодежи обоих полов.” — Вулверхэмптон Кроникл.

“Лучшая книга в своем роде”. }
“Полная общественная энциклопедия”. } Смотрите критические заметки.

С фронтисписом, маленькая корона, 8 в., 352 стр., красиво переплетен в ткань, цена 3 бдолл.; позолоченные края, 4 р.

Бокал моды: Универсальное руководство по светскому этикету и домашней культуре для леди и джентльменов. С обильными практическими намеками на манеры и церемонии каждого родственника в жизни — дома, в обществе и при дворе. Перемежается многочисленными анекдотами. У шезлонга в Обществе.

ГЛАВА	ГЛАВА
1. ДОМА.	7. ЭТИКЕТ СВАДЕБ.
2. ЗА ГРАНИЦЕЙ.	8. ПРИ ДВОРЕ.
3. ФИЛОСОФИЯ УЖИНОВ.	9. НАМЕКИ НА ТИТУЛЫ.
4. БАЛ.	10. ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ.
5. ФИЛОСОФИЯ ОДЕЖДЫ.	11. ДВА СТОЛЕТИЯ ПРАВИЛ ПОВЕДЕНИЯ.
6. ИСКУССТВО ВЕСТИ БЕСЕДУ.	12. ДОМАШНЕЕ ХОЗЯЙСТВО.

“Самая толковая книга по этикету, которую мы, насколько мы помним, видели”. —*Pall Mall Gazette*.

“Эту книгу можно считать новым шагом в том классе произведений, к которому она относится. Он рассматривает этикет ”с либеральной точки зрения" и в полной мере выполняет свою задачу". —*Документы Касселла*.

“Полезный, разумно написанный и полный забавных иллюстративных анекдотов”. —*Морнинг Пост*.

“Заслуживает уважения здравый смысл и вкус, а также особая осведомленность его автора”. —*Телеграф*.

“Эта книга — лучшая из когда-либо созданных, и ни один ее покупатель не пожалеет о своих вложениях”. —*Bristol Mercury*.

“Те, кто живет в страхе, что они не поступят ”правильно", должны приобрести эту книгу, которая является полной общественной энциклопедией". —*Новости Глазго*.

С ВОСЕМЬЮ ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ НА ТОНИРОВАННОЙ БУМАГЕ.

Второе издание, малая корона, 8 шт., 352 стр., ткань, цена 3 6долл.; позолоченные края, 4 шт.

Девушки и их обычаи: Книга для девочек и о них. Автор: Тот, кто их знает.

ГЛАВА.

1. ДЕВУШКА ДОМА.

2. ДЕВУШКА В ЧАСЫ ДОСУГА.

3. ДЕВОЧКА В ШКОЛЕ —
ДЕВОЧКА И ЕЕ ДРУЗЬЯ.

4. ДЕВУШКА ЗА ГРАНИЦЕЙ:
ЗАРИСОВКИ ПЕРСОНАЖЕЙ.

5. САД ДЛЯ ДЕВОЧЕК; В ПРОЗЕ
И ПОЭЗИИ.

ГЛАВА.

6. КАЛЕНДАРЬ САДОВОДА-ЛЮБИТЕЛЯ ДЛЯ ДЕВОЧКИ; ИЛИ
КРУГЛЫЙ ГОД В САДУ У ДЕВОЧКИ.

7. БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ДЕВОЧЕК—ЧТО ПОЧИТАТЬ.

8. ДЕВУШКА В ДЕРЕВНЕ—ВРЕМЯПРЕПРОВОЖДЕНИЕ В ЧАСЫ
ДОСУГА В ТЕЧЕНИЕ ВСЕГО ГОДА.

9. КАКОЙ МОЖЕТ И ДОЛЖНА БЫТЬ ДЕВУШКА: ПРИМЕРЫ
БЛАГОРОДНЫХ ДЕВУШЕК ИЗ ЖИЗНИ БЛАГОРОДНЫХ
ЖЕНЩИН.

“Цель высока, и она попадает в цель”. —*Литературный мир*.

“Книги, подготовленные для девочек, слишком часто бывают настолько слабыми и болтливыми, что являются оскорблением девичьего интеллекта. Эта новая работа - исключение ”.—*Ежедневное обозрение (Эдинбург)*.

“Заслуживает несколько более длительного анализа, чем мы сможем его дать.... Его прочтение пойдет на пользу как родителям, так и их дочерям ... тем более что оно написано не в сухом гомилетическом стиле, а с живой добротой и сочувствием”. —*Королева*.

“Приводится длинный список книг как для изучения, так и для развлечения. Этот список подобран тщательно и без предубеждения и должен оказать большую помощь девушкам, сомневающимся, что читать.... Это разумная и хорошо написанная книга, полная информации и полезных мыслей о девочках”. -*Бюджет Сент—Джеймса*.

“Домашние обязанности, развлечения, социальные требования и соответствующая литература — это темы, которые последовательно рассматриваются, и рассматриваются со знанием дела и здравым суждением”. -*Pall Mall Gazette*.

“Широкое поле для разнообразия и некоторые из самых сильных элементов романтического интереса освещены в книгах, опубликованных мистером Хоггом.” — Хроника школьного совета.

Издание Саути с "Жизнью Баньяна" и проч.

Иллюстрировано оригинальными деревянными блоками работы У. Харви.

Большая корона 8 шт., 402 стр., ткань, цена 3 бдолл.; позолоченные края, 4 шт.

Путешествие Пилигрима. В двух частях. Джон Баньян. С библиографическими примечаниями и биографией автора Роберта Саути; Портретом и автографом Баньяна и тридцатью гравюрами на дереве У. Харви из оригинальных блоков. Текст набран крупным шрифтом (Мелкая картинка). Это перепечатка (с дополнительными примечаниями) издания, опубликованного Джоном Мейджором в Лондоне в 1830 году, на 21 странице, которое высоко оценили сэр Вальтер Скотт и лорд Маколей.

“Это переиздание по очень умеренной цене можно рассматривать как популярное благо”. — *Daily Telegraph*.

“Превосходное издание "Великой аллегии". В нем содержится "Жизнь" Саути, которая, безусловно, стоит на первом месте по литературным достоинствам". —*Pall Mall Gazette*.

“В продаже есть более дорогие издания, но ни одно из них не произведено с большим вкусом, чем это”. —*Dispatch*.

“Тем, кто хочет получить полностью читаемый экземпляр "Путешествия пилигрима", была оказана настоящая услуга". —*Литературный мир*.

“Вся книга воспроизведена в превосходном виде”.—*Шотландец*.

“Это издание имеет исключительные претензии на благосклонность публики. Биография покойного поэта-лауреата написана в его лучшей манере, в то время как эффектные гравюры Харви на дереве сами по себе представляют большой интерес для любителей британского искусства. С точки зрения типографики и общего оформления перепечатка во всех отношениях

превосходит оригинальное издание, а низкая цена, по которой издается книга, должна побудить многих приобрести экземпляр. Переплет и украшения очень эффектны, а том украсит любой стол в гостиной ”. -*Oxford Times*.

Второе издание с восемью гравюрами по мотивам произведений знаменитых художников.

Малая корона 8 шт., 392 стр., ткань, цена 3 6долл.; позолоченные края, 4 шт.

Времена года в церкви. Исторические и поэтически иллюстрированные. Автор: Александр Х. Грант, магистр медицины, автор книги “Полчаса с нашими священными поэтами”.

☞Цель состояла в том, чтобы проследить происхождение и историю праздников и постов Церковного года и проиллюстрировать в стихах обстоятельства, при которых они начались и продолжают отмечаться, а также основные идеи и доктрины, которые они по отдельности включают.

“Наш фестиваль год — такой же оплот ортодоксальности, как и наше исповедание веры”. - профессор Арчер Батлер.

“Стипендия мистера Гранта одобрена властями; его метод хорош, его стиль ясен, а его подход настолько беспристрастен, что его работу одинаково хвалили *Church Times, Record, Watchman, Freeman* и *Nonconformist*. Никакие наши слова не могли бы лучше доказать католицизм самого поучительного и ценного произведения”. —*Рекламодатель Питерборо*.

“Работа очень ясно показывает, что при ее составлении было использовано много внимания и здравого смысла.... Внутренняя ценность ее содержания и их долговременная полезность превосходно адаптируют ее для настоящего времени. Восемь гравюр были выбраны таким образом, чтобы дать представление о высочайших образцах священного искусства”. —*Oxford Times*.

“Очень приятный том для воскресного чтения, благочестивый характер гимнов придает произведению особое очарование. Будет доказано, что исторические сведения представляют большой интерес для молодых церковников, и особенно молодые леди сочтут эту работу хорошо приспособленной для того, чтобы информировать разум и радовать сердце ”. " — *Библейский христианский журнал*.

“Книга мистера Гранта достойна высокой оценки как за тщательное исследование, так и за разборчивые цитаты. Существует так много религиозной литературы, которая находится ниже уровня критики, что мы не можем не приветствовать книгу, которая понравится образованной христианской аудитории ”.—*Эхо*.

“Мистеру Джону Хоггу всегда удастся создавать привлекательные книги для юных читателей ... и мы должны добавить, что все его публикации прекрасно оформлены.” — Bristol Mercury.

С ВОСЕМЬЮ ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ ФРЭНКА АБЕЛЛА, НАПЕЧАТАННЫМИ НА ТОНИРОВАННОЙ БУМАГЕ.

Большая корона 8 шт., 422 стр., ткань, цена 3 6долл.; позолоченные края, 4 шт.

Приключения Мориса Драммора (Королевская морская пехота) на суше и на море. Линдон Медоуз, автор книг “Строгачи с Запада”, “Воспоминания о колледже и церковном опыте”, “Тюремные птицы, или Секреты камер” и др.

“Каждый мальчик, которому посчастливится однажды пережить эти приключения, не спешит расставаться с ними, пока не проведет героя в целостности и сохранности домой через все это”. — *Британская почта*.

“Это очень хорошая история, в ней больше колорита, чем в большинстве других”. — *Мир*.

“Мы не увидели в этой книге ничего, что противоречило бы, по крайней мере, последней части мнения, процитированного в предисловии корреспондентом, о том, что это одна из самых умных и полезных сказок для мальчиков, с которыми был знаком автор”. — *Зритель*.

“Это почти равносильно Робинзону Крузо”. — *Шеффилд Индепендент*.

“Отличная история. Приключения превосходно рассказаны. Многие из таких книг - простые имитации, в них нет оригинальности. История Линдона Мидоуза оригинальна, и ее стоит прочитать”. — *Шотландец*.

“У него ярко выраженный литературный

“После долгих размышлений мы склонны назвать это лучшей книгой для мальчиков, когда-либо написанной. Тот, кто хочет подарить мальчику книгу, которая очарует и приведет в восторг его, привив при этом самые благородные и здоровые побуждения, пусть выберет “Приключения Мориса Драммора””. — *Христианский лидер*.

“Это совершенно здоровая книга, ни в малейшей степени не “паинька”; короче говоря, как раз такая книга, которую хотелось бы вложить в руки мальчика с чистыми помыслами и высоким духом”. — *Ноттингем Гардиан*.

“Основательная книга для мальчиков, в которой с большой живостью рассказывается о поступках героя в школе и в Королевской морской пехоте, о его многочисленных приключениях”. — *Glasgow Herald*.

“Книга просто переполнена приключениями, шалостями и забавами, изображена в колоритном стиле и выдержана в здоровом тоне, а ее привлекательность повышается за счет некоторых ярких иллюстраций”. — *Почта и телеграф Гернси*.

привкус, и он реалистичен в лучшем смысле этого слова”. —*Атенеум*.

“Такие произведения во многом стимулируют здоровое рыцарское чувство в груди подрастающего поколения и, как правило, воспитывают в них патриотизм и стойкость перед многими трудностями, с которыми они сталкиваются в жизни”. —*Хроника Шрусбери*.

“Книга, которую мужчины будут читать с интересом, а мальчики - с жадностью, которой, вероятно, не удостоится ни одна другая книга сезона. Было бы жаль, если бы достоинства такой истории затерялись в толпе, и мы надеемся, что она получит должное признание”. —*Aberdeen Daily Free Press*.

С ВОСЕМЬЮ ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ НА ТОНИРОВАННОЙ БУМАГЕ.

Малая корона 8 в., 384 стр., ткань, цена 3 6долл.; позолоченные края, 4 шт.

Образцовые женщины: Список женских добродетелей и достижений (сокращенно из книги “Женская работа и ценность”). Автор: У. Х. Дэвенпорт Адамс.

ГЛАВА

- I. ЖЕНЩИНА КАК МАТЬ.
- II. ЖЕНЩИНА КАК ЖЕНА.
- III. ЖЕНЩИНА КАК ДЕВУШКА.
- IV. ЖЕНЩИНА В МИРЕ ЛИТЕРАТУРЫ.
- V. ЖЕНЩИНА В МИРЕ ИСКУССТВА.
- VI. ЖЕНЩИНА КАК ГЕРОИНЯ, ЭНТУЗИАСТКА И СОЦИАЛЬНЫЙ РЕФОРМАТОР.

“Квалификация и влияние женщин в различных сферах жизни подробно описаны и проиллюстрированы заметками о жизни многих, кто отличился на различных должностях”. — *Bazaar*.

“Публикация очень интересных и притягательных томов мистера Хогга несет большие обязательства перед молодежью обоих полов. Это прекрасная цель - привлечь молодежь к привычной практике чтения. Этого можно достичь, только дав им в руки книги, которые заинтересуют и позабавят их и в то же время снабдят полезными знаниями и основательными уроками морального, рассудительного и здравомыслящего характера, рассчитанными на то, что они будут полезны им по мере взросления.” — *Dundee Courier и Argus*.

С ВОСЕМЬЮ ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ НА ТОНИРОВАННОЙ БУМАГЕ.

Малая корона 8 в., 384 стр., ткань, цена 3 6долл.; позолоченные края, 4 шт.

Океанская волна: Рассказы о некоторых величайших путешествиях, морях, открытиях, кораблекрушениях и мятежах мира. Генри Стюарт, автор книги “Наши красные мундиры и синие жилеты” и др.

“Новая работа мистера Стюарта представляет собой подборку морских историй, рассказанных в его лучшем стиле и исторически достоверных, и занимает высокое место среди популярных томов, предназначенных для сочетания развлечения с обучением. Книга должна быть полезна как молодым, так и пожилым, поскольку из нее можно получить очень ясный отчет о многих из тех знаменательных событий, которые обогатили историю Англии и послужили примером для последующих поколений”. —*Базар*.

“Восхитительный том приключений. Восстания и бунтовщицы сталкиваются с невероятными побегами и печальными катастрофами; в то время как южные моря и северные, экватор и полюса - все это привлекает внимание рассудительного и способного редактора мистера Генри Стюарта”. —*Бедфордшир Меркурий*.

“Она вполне может претендовать на звание популярной книги, сочетающей развлечение с обучением. Книга хорошо написана, отчеты о военно—морских сражениях наглядны и вдохновляющи, и если не было предпринято никаких попыток написать систематическую историю морского предпринимательства, то, во всяком случае, в ней представлена огромная масса информации в привлекательной форме”. —*Атенеум*.

“Полет по воздуху на зачарованном молитвенном коврике не превзошел бы по интересу движение этих повествований от “летних островов Эдема, лежащих в темно-фиолетовых морских сферах”, до железного побережья Новой Земли”. —*Шеффилд Индепендент*.

“Исключительно интересный том. Повествования хорошо изложены, а иллюстраций предостаточно; молодым людям это наверняка понравится, и они почерпнут из этого в приятной форме много исторической информации”. —*Хранитель*.

“Океанская волна’ гораздо интереснее девяти десятых сборников рассказов. Переходя к более современным временам, мистер Стюарт рассказывает нам о некоторых волнующих эпизодах “Последней американской войны”, трогательной истории освоения Арктики, начиная со времен Кэбота и заканчивая экспедицией Жаннет, и завершает этот интереснейший и полезный том рассказом о знаменитых кораблекрушениях последнего времени”. —*Литературный церковник*.

С ДВЕНАДЦАТЬЮ ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ ТОМАСА СТОТХАРДА, Р.А., И ПОРТРЕТОМ ДЕФО.

В одном томе, 512 стр., крупная корона 8 в., ткань, цена 3,6 р.; позолоченные края, 4 р.

Жизнь и приключения Робинзона Крузо из Йорка, мореплавателя. С описанием его путешествий вокруг трех частей земного шара.

☞ Полное издание обеих частей без сокращений, без сокращения "Дальнейших приключений".

“Полное, без сокращений издание "Робинзона Крузо", в котором было возрождено что-то от старого тона, который был в значительной степени принесен в жертву современным версиям классики этого мальчика. Приведены двенадцать причудливых иллюстраций Томаса Стотхарда, выгравированных Хитом, которые сами по себе являются достаточной причиной для того, чтобы особенно сердечно приветствовать это издание шедевра Дефо. Но в любом случае, в глазах своих юных читателей публикация получит более высокую оценку в том факте, что "Дальнейшие приключения" не были подвергнуты обычному сокращению. Краткий биографический очерк Дефо и 'Мемориал' Бернарда Бартона о Робинзоне Крузо даны в качестве введения и значительно повышают ценность издания. Книга превосходно напечатана и переплетена". — *Ноттингемская ежедневная газета Guardian*.

“В нем есть все для того, чтобы стать любимым изданием "Робинзона Крузо" для мальчиков". — *Хроника школьного совета*.

“Этот красивый том не может не пользоваться широкой популярностью; он содержит обе части приключений бессмертного героя и поэтому должным образом назван 'полным изданием'. Портрет и краткие мемуары Дефо предваряют его рассказ". — *Manchester Weekly Post*.

“Это издание "классики детства" войдет в число лучших. Она содержит двенадцать хороших иллюстраций Томаса Стотхарда, Р.А., и портрет Даниэля Дефо с хорошо написанным очерком его жизни. Каждый мальчик должен прочитать "Робинзона Крузо" и прочтет, если у него будет возможность, и лучшего экземпляра, чем тот, что издан мистером Хоггом, не найти". — *Журнал Уэслианской методистской воскресной школы*.

“Невозможно представить его в более полном и привлекательном стиле, чем в том, который был опубликован на днях мистером Хоггом. Объем составляет целых 500 страниц, половину из которых занимают 'Дальнейшие приключения', часто сокращенные или вовсе пропущенные в этом вечно свежем триумфе искусства рассказчика. Напечатанное на хорошей бумаге крупным четким шрифтом и сияющее снаружи пурпуром и золотом, это новое издание также проиллюстрировано копиями дюжины рисунков Стотхарда и гравировкой элдера Хита". — *Glasgow Herald*.

С ШЕСТЬЮ ПОРТРЕТАМИ, НАПЕЧАТАННЫМИ НА ТОНИРОВАННОЙ БУМАГЕ.

Второе издание, малая корона 8 шт., ткань, 288 стр., цена 2 6долл.; позолоченные края, 3с.

Тащимся дальше: или Бег трусцой к славе и богатству. Иллюстрировано жизнеописаниями

ДЖОРДЖ ПИБОДИ, ХЬЮ МИЛЛЕР,
ДЖОН КИТТО, ДЖОРДЖ РОМНИ,
РОБЕРТ ЧЕМБЕРС, М. Уотсон,

ЧАРЛЬЗ НАЙТ, ТОМАС БРАССИ,

АВРААМ ЛИНКОЛЬН.

Генри Карвен, автор книги “История книготорговцев” и др.

“Мы рады познакомиться с книгой такого рода, которая оставила хорошо проторенные следы, по которым шли авторы подобных произведений. В характерах разных людей, чья жизнь описана в хронике, и в обстоятельствах, которые их окружали, есть большое разнообразие, но их объединяет храброе сердце, единая цель и неукротимая воля. Книга написана в мужественном, честном духе, и ей должно найтись место в библиотеке каждого дома”. — *Guernsey Mail*.

“Великолепная книга для мальчиков и юношей, наилучшим из всех методов иллюстрирующая жизнеописания, путь, которым успешные люди одерживали победу над ранними неудачами и достигли громкого имени и значительного богатства благодаря спокойной настойчивости на пути исполнения долга”. -*Dundee Courier*.

“Биографические очерки представлены таким образом, чтобы наглядно показать огромную способность этих замечательных людей к тяжелой и неукротимой работе. Становится очевидным, что величие страны и прогресс цивилизации являются результатом труда таких людей”.—*Хроника школьного совета*.

“Мистер Карвен не боготворит этих людей, он делает свою работу искренне и с любовью. Первое предотвращает появление ложного героя, в отношении которого слишком много моды, второе придает авторскому энтузиазму. Портреты увеличивают стоимость тома в полкроны”. - *Дербишир Меркурий*.

СОВЕТЫ ПО ВЫБОРУ ХРИСТИАНСКИХ ИМЕН.

Второе издание, 176 стр., ткань, цена 1,6 доллара.

Карманный словарь тысячи христианских имен (мужского и женского рода): с объяснением их значений и их расположением четырьмя различными способами для удобства использования. С историческим введением.

1. Мужские имена с указанием их значений.
2. Женские имена с указанием их значений.
3. Словарь значений—Мужские имена.
4. Словарь значений—Женские имена.

☞Каждый родитель должен обратиться к этому словарю, прежде чем выбирать имя ребенку.

“Это будет полезная и интересная книга для тех, кто хотел бы узнать значение названий себя и своих друзей. Родителям следует приобрести его, поскольку это может помочь им называть своих детей немного оригинальнее, чем они сами”. —*Glasgow Herald*.

“Небольшая полезная книга по этимологии. Мы видим, что составитель обращался к лучшим источникам и авторитетам, и мы рекомендуем ознакомиться с его вдумчивым предисловием, поскольку оно полно предложений для тех, кто желает глубоко изучить его предмет”. —*Manchester Weekly Post*.

“Идея хорошая, и ее хорошо воплотили в жизнь, и книга должна оправдать свою цену для любого родителя, ищущего подходящее имя для крещения”. —*Почта Гернси*.

“Серия превосходных книг для мальчиков издана мистером Джоном Хоггом, Лондон.” — Шотландец.

НОВЫЕ КНИГИ МИСТЕРА АСКОТТА Р. ХОУПА.

“Мистер Аскотт Р. Хоуп сейчас занимает ведущее место как автор художественной литературы для школьников, и поскольку он никогда не выпускает слабых книг и никогда не разочаровывает своих клиентов, его имя всегда является достаточным паспортом”. —*Хроника школьного совета*.

С ВОСЕМЬЮ ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ НА ТОНИРОВАННОЙ БУМАГЕ.

Второе издание, малая корона, 8 шт., 384 стр., ткань, цена 3 6долл.; позолоченные края, 4 шт.

Истории юных искателей приключений. Аскотт Р. Хоуп, автор “Историй Уитминстера” и т.д. и т.п.

МЛАДОТУРОК.

МОЛОДОЙ ЯНКИ На ТРОПЕ ВОЙНЫ.

БЕЛЫЙ ИНДЕЕЦ.

ЧЕТЫРЕ СЫНА АЛЬБИОНА.

ИСТОРИЯ МАЛЬЧИКА-РАБА.

ИСТОРИЯ ДЕВОЧКИ.

ИСТОРИЯ МАЛЬЧИКА-СОЛДАТА.

ИСКАТЕЛЬ ПРИКЛЮЧЕНИЙ В "АНТИПОДАХ".

ИСТОРИЯ МАЛЬЧИКА-МОРЯКА.

ИСКАТЕЛЬ ПРИКЛЮЧЕНИЙ ДОМА.

“Мистер Хоуп - один из лучших из ныне живущих авторов книг для мальчиков, и мы не думаем, что переоцениваем достоинства лежащей перед нами книги, если говорим, что это одна из его лучших. Идея удачная.... Результат в целом настолько успешен, насколько удачна идея”. —*Бирмингем Дейли Пост*.

“Хорошее, полезное, волнующее чтение для мальчиков всех возрастов. Сцены этих приключений разворачиваются в каждой четверти земного шара, и они включают в себя всевозможные опасности”. —*Мир*.

“Мистеру Аскотту Хоупу в его “Историях юных искателей приключений” пришла в голову действительно превосходная идея, и он осуществил ее с завидным успехом.... Было бы трудно выбрать лучшую книгу в своем роде; юные читатели будут с захватывающим интересом разглядывать каждую страницу и все время будут впитывать какую-нибудь полезную историческую информацию. Нам хотелось бы думать, что столь замечательная книга попадет в руки очень многих мальчишеских читателей”. —*Guardian*.

“Несомненно, это заставит глаза наших мальчиков заблестеть.... Тон здоровый и энергичный, и в своем роде эта книга — одна из лучших, которые мы знаем ”. -*Меч и мастерок*.

“Я в долгу перед мистером Хоупом.... Работа так же хороша, как и дизайн”.—*Атенеум*.

С ВОСЕМЬЮ ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ НА ТОНИРОВАННОЙ БУМАГЕ.

Малая корона 8 шт., 384 стр., ткань, цена 3 6долл.; позолоченные края, 4 шт.

Книга детства. Аскотт Р. Хоуп, автор книги “Наши домашние истории” и др.

МАЛЬЧИК из НОВОЙ Англии. ШКОЛЬНИК БЫЛЫХ ВРЕМЕН. МАЛЬЧИК-БУНТАРЬ.
ХРАБРЫЙ МАЛЬЧИК. МАЛЬЧИК В СИНЕМ МУНДИРЕ. ЗАГАДОЧНЫЙ МАЛЬЧИК.
ФРАНЦУЗСКИЙ ШКОЛЬНИК. МАЛЬЧИК-КОНЮХ. СЛЕПОЙ МАЛЬЧИК.

“Хорошо спланированный, хорошо написанный и с хорошим названием Мистер Хоуп рассказал эти истории с большой драматической силой и эффектом и выпустил книгу, которая приведет в восторг всех здоровых парней”. -*Шотландец*.

“Истории самых разных мальчиков, которые в разных странах и обстоятельствах, в мирное время или на войне, в школе или на работе, дома или за пределами мира, на суше или на море, пережили опыт, достойный того, чтобы о нем рассказать.... Эта работа как раз такого объема, какой мы хотели бы видеть в руках наших школьников и тех, кто вступает в круговорот бизнеса и тревог ”. —*Йоркширская газета*.

“По сути, персонаж привлекателен для юного читателя и, возможно, заинтересует сестер не меньше, чем братьев”. —*Бедфорд Меркьюри*.

С ВОСЕМЬЮ ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ НА ТОНИРОВАННОЙ БУМАГЕ.

Малая корона 8 шт., 352 стр., ткань, цена 3 6долл.; позолоченные края, 4 шт.

Наши домашние истории. Аскотт Р. Хоуп, автор “Историй юных искателей приключений” и др.

“Мистер Хоуп инстинктивно вмешивается в самые драматические, с точки зрения мальчиков, происшествия и проявляет юмор в пределах их легкой оценки. Мы признаем, что громко смеялись над некоторыми из его острот; и в этом смысле ничто не может быть намного лучше, чем диалог в ”Моем необитаемом острове“”. — *Times*.

“Мистер Хоуп насквозь понимает характер мальчиков и может завладеть их вниманием совершенно по-своему.... Всевозможные приключения в школе, дома и на море рассказываются с одинаковой живостью и здравым смыслом”. —*Книготорговец*.

“В этом томе большое разнообразие ... и герои - не образцовые персонажи, а настоящие мальчики.... В книге прослеживается приятная жилка юмора, которая, к сожалению, редко встречается в рассказах для современной молодежи ”. —*Manchester Examiner*.

“Романы такого рода, которые очень понравятся мальчикам — да и девочкам тоже”. — *Сообщение*.

С ДЕВЯТНАДЦАТЬЮ ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ ГОРДОНА БРАУНА,

Малая корона 8 шт., 352 стр., ткань, цена 3 6долл.; позолоченные края, 4 шт.

Вечера вдали от дома: Современная подборка развлечений для молодых Мастеров и мисс. Аскотт Р. Хоуп, автор “Книги детства” и т.д., и т.п.

“Ни один писатель для мальчиков не превзойдет мистера Хоупа, и сказать мальчикам, что он здесь в полном составе, - значит обеспечить продажу большого тиража”.—*Бедфордширский Меркурий*.

“*Bonne bouche* для мальчиков. Настоящий веселый сборник рассказов и зарисовок мистера Аскотта Р. Хоупа”. —*Daily Chronicle*.

“Как раз такая история, которая порадует интеллигентного школьника или школьницу, склонных к небольшой полезной ерунде. Книга хорошо оформлена, а фантастические иллюстрации, вероятно, подчеркнут ее привлекательность в глазах любящей смех публики ”. -*Школьная газета*.

“Предназначен для юных читателей и заслуживает внимания тех, кто раздает призы и пополняет школьные библиотеки”.—*Журнал Уэслианской методистской воскресной школы*.

“Более веселой книги с более веселыми картинками и представить себе невозможно”. — *Newcastle Chronicle*.

“Великолепному веселью в этих историях невозможно сопротивляться. Иллюстрации наверняка заставят стол шуметь. Предполагается, что эти сказки рассказывают сами мальчики, и

рассказаны они удивительно хорошо. Имя мистера Хоупа уже стало нарицательным”. — *"Шеффилд Индепендент"*.

С ВОСЕМЬЮ ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ НА ТОНИРОВАННОЙ БУМАГЕ.

Малая корона 8в., 352 стр., ткань, цена 3 6долл.; позолоченные края, 4 шт.

Истории из школьных времен. Аскотт Р. Хоуп, автор книг “Вечера вдали от дома” и др.

Содержание:

ГЛАВА

1. СКРИПКА-ДЕ-ДИ! ИСТОРИЯ ИСТОРИИ И ТАЙНЫ.
2. ПОНИ ВИКТОРА: ИСТОРИЯ ФРАНКО-ГЕРМАНСКОЙ ВОЙНЫ.
3. "ЗАВТРА": ИСТОРИЯ ПРАЗДНИКОВ.
4. СОВСЕМ ОДИН: ИСТОРИЯ ВЫСОКОГОРЬЯ.
5. СТАРЫЕ СЧЕТЫ: ИСТОРИЯ КРЫМА.
6. ЧАРЛИ: ИСТОРИЯ ПАМЯТИ.
7. ЧЕРНОЕ И БЕЛОЕ: ИСТОРИЯ ПЯТОГО НОЯБРЯ.
8. ЧАСЫ: ИСТОРИЯ РОЖДЕСТВА.
9. НАШЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ ДОМА: ИСТОРИЯ ДЕВОЧКИ.

“Мистер Хоуп — ученый, и его обширные знания и культура дают его книгам собственный тайник”. -*Журнал образования.*

“Нам нравятся истории мистера Хоупа. Они свежие, полезные и энергичные. Они не могут внушать дурных мыслей; они должны побуждать к добрым начинаниям; они никогда не бывают скучными; они всегда забавны. Том историй, о которых можно правдиво сказать, не нуждается в дальнейших похвалах ”.—*Шотландец.*

“Если мы должны выбрать один рассказ как особенно хороший, то это будет "Пони Виктора”. Это очень умно и драматично”. —*Субботнее обозрение.*

“Есть старая поговорка, что мы не должны рассказывать сказки вне школы, но ни один школьник не станет ссориться с мистером Аскоттом Хоупом за нарушение правила”. — *Литературный церковник.*

“Ни одна школьная библиотека не может быть полной, пока книги мистера Аскотта Хоупа не находятся в обращении”.—*Дербиширский Меркурий.*

“Девять историй, составляющих этот том, не будучи чересчур привлекательными, все без исключения несут в себе поучительную тенденцию, которая ни в малейшей степени не снижает интереса к их прочтению как мальчиков, так и девочек. Хотя эти сказки в большей степени

написаны для мальчиков, немало девочек прочитали бы их с неподдельным удовольствием”. — *Британская почта*.

“Отличные образцы того, чего может достичь этот опытный писатель. Ни одна история в этом сборнике из девяти не затягивает и не заканчивается нудно. Это просто книга для мальчиков”. — *Христианский мир*.

“Мистер Хоуп досконально понимает, какого рода истории хотят мальчики и что им понравится. Различные истории, изложенные в этом новом томе, все рассказаны в неподражаемой манере мистера Хоупа”. — *Нонконформист*.

📖 Книгу мистера хоупа “Молодые дни авторов” смотрите на странице 3.

КНИГИ МИСТЕРА МОРВУДА ПО ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ.

От Королевского общества по предотвращению жестокого обращения с животными.

Комитет по литературе поручил мне проинформировать вас, что книги мистера Морвуда ("Факты и фазы жизни животных" и "Удивительные животные") в значительной степени предназначены для продвижения целей этого Общества, и поэтому мы искренне надеемся, что они будут приобретены всеми любителями животных для распространения среди молодежи и в государственных учреждениях.— Джон Колам, секретарь”.

С СЕМЬЮДЕСЯТЬЮ ПЯТЬЮ ГРАВЮРАМИ НА ДЕРЕВЕ.

Малая корона 8в., 288 стр., ткань, цена 2 6долл.; позолоченные края, 3с.

Факты и фазы жизни животных, а также требования животных к гуманному обращению. С оригинальными и забавными анекдотами. Автор: Вернон С. Морвуд, преподаватель Королевского общества по предотвращению жестокого обращения с животными.

ГЛАВА.

1. УДИВИТЕЛЬНЫЕ ФАКТЫ О ЖИВОТНЫХ.

2. НА ДНЕ МОРЯ.

3. ОХОТА В НАШИХ КАНАВАХ И ПРУДАХ ДЛЯ РАЗВЕДЕНИЯ ЛОШАДЕЙ.

4. ЖУЖЖАНИЕ ПЧЕЛИНОГО УЛЯ.

5. ПРЯДИЛЬЩИЦЫ И ТКАЧИХИ.

6. ЧЕРНЫЕ ЖИЛЬЦЫ И МИНИАТЮРНЫЕ

ГЛАВА.

12. ШАНТЕКЛЕР И ЕГО СЕМЬЯ.

13. ДОБЫТЧИКИ ПОЧВЫ.

14. АКТИВНЫЕ РАБОТНИКИ С ДЛИННЫМИ ХВОСТАМИ И КОЛЮЧЕЙ ШЕРСТЬЮ.

15. НОЧНЫЕ БРОДЯГИ НАЧЕКУ.

16. СТРАННЫЕ СОСЕДИ И ИХ ЛОХМАТЫЕ РОДСТВЕННИКИ.

17. НАШИ ПУШИСТЫЕ ДРУЗЬЯ И ИХ ПРЕДКИ.

ПАДАЛЬЩИКИ.

7. НАСЕКОМЫЕ В ЛИВРЕЯХ И
СТРОИТЕЛИ ЛОДОК.

8. НАШИ ПТИЦЫ СВОБОДЫ.

9. НАШИ ПЕРНАТЫЕ РАБОТНИКИ.

10. НА ЛИНИИ СТРОИТЕЛЬСТВА.

11. ПЕВЧИЕ ПТИЦЫ В ХРАМЕ ПРИРОДЫ.

18. НАШИ СОБАЧЬИ КОМПАНЬОНЫ И ЖИЛЬЦЫ
ПИТОМНИК.

19. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА И ЖИВОТНЫХ.

20. МОГУТ ЛИ ЖИВОТНЫЕ ГОВОРИТЬ И РАССУЖДАТЬ
ЗДРАВОО?

21. ПОЛЕЗНЫЕ ЗВЕНЬЯ В ЦЕПИ ПРИРОДЫ.

22. КЛИЕНТЫ, ЗА КОТОРЫХ СТОИТ УМОЛЯТЬ.
КЛАССИФИКАЦИЯ, ГЛОССАРИЙ И УКАЗАТЕЛЬ.

“Мы с большим удовольствием прочитали отдельные части этой работы и намерены просмотреть ее страницу за страницей для нашего личного удовольствия. Два шиллинга и шесть пенсов с лихвой потрачены на книгу, которая учит гуманному отношению к животным и одновременно развлекает юного читателя”. -*Меч и совок.*

“Превосходный учебник естественной истории”. —*Графика.*

“Набит хорошими историями”. —*“Шеффилд Индепендент”.*

С ВОСЕМЬЮДЕСЯТЬЮ ОДНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИЕЙ.

Малая корона 8в., 288 стр., ткань, цена 2 6долл.; позолоченные края, 3с.

Замечательные животные: рабочие, домашние и дикие. Их строение, привычки, дома и использование — Описательные, анекдотические и забавные. Автор: Вернон С. Морвуд.

ГЛАВА.

1. ЛЮБОПЫТНЫЕ ИСТОРИИ О
ЖИВОТНЫХ.

2. СМОТРИТ В МИКРОСКОП.

3. ЛИЛИПУТСКИЕ ПЕРСОНАЖИ
ЖИВОТНОГО МИРА.

4. АРМИИ НАСЕКОМЫХ И СПОСОБЫ ИХ
НАБОРА.

5. ПОДЗЕМНЫЙ ГОРОД МАЛЕНЬКИХ
ЛЮДЕЙ.

6. РЫБЫ В ДОСПЕХАХ.

7. ДВОЮРОДНЫЕ БРАТЯ, ИЛИ НАШИ
ПТИЦЫ В ЧЕРНОМ.

8. ПЕРНАТЫЕ, ПИТАЮЩИЕСЯ РЫБОЙ,
МЯСОМ И ДОМАШНЕЙ ПТИЦЕЙ.

ГЛАВА.

11. ЛЕСНЫЕ АКРОБАТЫ, МАЛЕНЬКИЕ МАРОДЕРЫ И
СТРАННЫЕ ЛЕТАЮЩИЕ СУЩЕСТВА.

12. СЛАБАКИ, РЫБАКИ И БРАКОНЬЕРЫ.

13. ЩЕТИНИСТЫЕ ТОЛСТОКОЖИЕ, ДИКИЕ И
РУЧНЫЕ.

14. АРИСТОКРАТИЯ ЖИВОТНЫХ.

15. ДРЕВНЯЯ СЕМЬЯ.

16. СПУСКИ С ПОЛЯ И ИЗ САРАЯ.

17. ЧЕТВЕРОНОГИЕ ГИБРИДЫ.

18. НАШИ ОСЛЫ И ИМ ПОДОБНЫЕ.

9. МИРНЫЕ МОНАРХИ ОЗЕРА.

19. ДРУЗЬЯ КАЖДОГО.

10. ДВУНОГИЕ ОБИТАТЕЛИ ФЕРМЕРСКОГО ДВОРА.

20. АНЕКДОТЫ ДРУЗЕЙ КАЖДОГО.

21 И 22. ВРАГИ И ДРУЗЬЯ ЖИВОТНЫХ.

“Эта книга так же полна анекдотов, как рождественский пудинг полон слив. Большинство из них совершенно новые. Он бедняга, который не относится ко всем бессловесным созданиям с более добрым чувством после прочтения этой занимательной книги. Это стоит десятка детективов в интересах человечества”. —*Sheffield Independent*.

“Мистер Хогг - известный поставщик книг для молодежи. Все его книги превосходны в своем классе; они богато иллюстрированы, и создается впечатление, что мистер Хогг решил стать особым поставщиком здоровой литературы для молодежи, и его публикации хорошо адаптированы к различным этапам развития молодежи обоих полов.” — *Indian Daily News*.

Посвящается с разрешения Королевского общества по предотвращению жестокого обращения с животными.

С ПЯТЬЮДЕСЯТЬЮ ДЕВЯТЬЮ ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ.

128 стр., малая крона 8 шт., доски, цена 1 штук; или в тканевом переплете, 1 штук 6долларов.

Руководство по естественной истории "Банды милосердия". Начальная книга по зоологии: поучительная, забавная и анекдотическая. Автор: Вернон С. Морвуд, автор книг “Факты и фазы жизни животных”, “Замечательные животные” и др. и лектор Королевского общества по предотвращению жестокого обращения с животными.

“Это отличная идея - соединить знание Природы с мыслью о доброте и нежности к зависимым существам. Мы приветствуем этот том как средство достижения этой цели”. —*Зритель*.

“Точное изложение фактов в нем сочетается с рядом забавных анекдотов, которые обязательно привлекут внимание юного читателя.... Мы не знаем лучшей книги в своем классе по этой интереснейшей области исследований”. *Почта и телеграф Гернси*.

“Удовлетворяет потребность в какой-нибудь элементарной работе по естественной истории, которая могла бы заинтересовать молодых людей, принадлежащих к "Банде милосердия". Множество гравюр и популярных уроков о птицах, зверях и рептилиях, а также несколько анекдотов составляют эту приятную книгу”. —*Христианский мир*.

“Любая книга, пропагандирующая доброту к животным, должна найти теплый прием в школе и семье. Книга, лежащая перед нами, стала бы хорошим пособием для чтения в наших школах высшего уровня”. —*Литературный церковник*.

“Один из лучших шиллингов на рынке. Это научит нашу молодежь быть добрыми ко всему живому”. — *Меч и совок.*

“Полезная маленькая книжка по естественной истории, простая и непритязательная по стилю и богато иллюстрированная. Нет лучшего средства предотвращения жестокого обращения с животными, чем знание их привычек и характеристик, и поэтому книг такого рода вряд ли можно слишком много читать”. — *Абердинская свободная пресса.*

С СЕМЬЮДЕСЯТЬЮ ВОСЕМЬЮ ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ.

Малая корона 8в., 288 стр., ткань, цена 2 6долл.; позолоченные края, 3с.

Знаменитые сказки из "Тысячи и одной ночи" "Развлечения". Иллюстрировано семьюдесятью восемью гравюрами на дереве и тщательно переработано для юных читателей.

РЫБАК И ДЖИНН.

ИСТОРИЯ ОБ АЛАДДИНЕ, ИЛИ ЧУДЕСНОЙ ЛАМПЕ.

ГРЕЧЕСКИЙ КОРОЛЬ И ВРАЧ ДОБАН.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ХАЛИФА ГАРУНА АЛЬ-РАШИДА.

ВИЗИРЬ, КОТОРЫЙ БЫЛ НАКАЗАН.

ИСТОРИЯ БАБЫ АБДАЛЛЫ.

ИСТОРИЯ КОРОЛЯ ЧЕРНЫХ ОСТРОВОВ.

ИСТОРИЯ КОГИИ ХАССАНА АЛЬХАББАЛА.

ИСТОРИЯ СИНДБАДА-МОРЕХОДА, ИЛИ
МОРСКОГО СТАРИКА.

АЛИ-БАБА И СОРОК РАЗБОЙНИКОВ.

СПЯЩИЙ ПРОСНУЛСЯ.

“Шрифт хороший, в нем множество хороших иллюстраций, и книгу можно смело рекомендовать, поскольку она удовлетворяет признанную потребность в подборке наиболее знакомых историй из ‘Тысячи и одной ночи’ в форме, подходящей для детского чтения”. — *Хранитель.*

“Капитальное переложение некоторых сказок ‘Арабской ночи’. Четкий шрифт, наводящие на размышления гравюры на дереве, и их множество, тщательно отредактированные версии — чего еще можно желать?” — *Бедфордширский Меркурий.*

“Подборка лучших рассказов из "Тысячи и одной ночи", иллюстрированная семьюдесятью восемью гравюрами на дереве. Составитель выполнил свою задачу со вкусом и мастерством, все нежелательные пассажи были удалены без какой—либо потери духа”. — *Бристольский меркурий.*

“В этой подборке из широко известных сказок нет ничего такого, что молодым людям, возможно, не разрешили бы читать. Мы завидуем ребенку, который читает эту книгу. В самом деле, кто может забыть то время, когда он впервые прочитал "Приключения Синдбада-Морехода" и историю об Али-Бабе и сорока разбойниках? До сих пор приятно наблюдать, как расширяются глаза молодежи, когда они углубляются в чтение старых художественных

произведений, из которых в лежащем перед нами томе представлена хорошо подобранная подборка ”. -*Sheffield Independent*.

“Особенность мистера Хогга в том, что все его публикации выдержаны в здоровом моральном тоне, в то время как большинство из них в высшей степени рассчитаны на то, чтобы произвести благотворное впечатление на умы обоих полов. С коммерческой точки зрения издатель придает им очень скромную ценность; с точки зрения разума и морали эту ценность невозможно оценить.” — Lincolnshire Free Press.

С ДВАДЦАТЬЮ ВОСЕМЬЮ ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ.

Малая корона 8в., 288 стр., ткань, цена 2 6долл.; позолоченные края, 3с.

"Башмачки Фортуны" и другие сказки. Ганса Христиана Андерсена. С биографическим очерком Автора, Портретом и Двадцатью семью иллюстрациями Отто Спектера и других.

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК: ГАНС ХРИСТИАН АНДЕРСЕН,
ЕГО ЖИЗНЬ И ГЕНИЙ.

БАШМАЧКИ ФОРТУНЫ.

ЕЛЬ.

ПЯТЬ ШТУК ИЗ СТРУЧКА.

СТОЙКИЙ ОЛОВЯННЫЙ СОЛДАТИК.

ДВЕНАДЦАТЬ У СТОЛБА.

СТРАШНЫЙ ГАДКИЙ УТЕНОК.

ПАСТУШКА И ТРУБОЧИСТ.

ИМПЕРАТОР ФРИДРИХ БАРБАРОССА.

СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА В СЕМИ
РАССКАЗАХ.

МАЛЕНЬКАЯ ОКЕАНСКАЯ ДЕВА.

ХОЛМИК СЛЛАНИКА.

СТАРЫЙ МОРГУН, МОРГУН,
МОРГУН.

ЛЯГУШКА-ПРЫГУН.

КУСТ БУЗИНЫ.

КОЛОКОЛЬЧИК.

HOLGER DANSKE.

“Популярность сказок Ганса Андерсена никогда не ослабевает, и новые издания некоторых из них вряд ли могут не иметь успеха. Вот одна из них, опубликованная мистером Джоном Хоггом, с очень читаемым биографическим очерком автора, сделанным доктором Кеннетом Маккензи (оригинальное английское издание “Андерсена в Швеции”), и множеством иллюстраций, включая портрет ”. —*Сент-Джеймсская газета*.

“Книга, которая будет популярна среди молодежи. Рассказы хорошо подобраны, и в книге есть несколько превосходных иллюстраций”. —*Шотландец*.

“Это прекрасно иллюстрированное издание изысканных историй Андерсена, несомненно, понравится всем молодым людям, которые станут его счастливыми обладателями. Биографический очерк написан превосходно”. —*"Шеффилд Индепендент"*.

“Мы рекомендуем всем мальчикам и девочкам, которые еще не читали ”Чудесные башмачки Фортуны”, ”Гадкого утенка” и ”Снежную королеву”, получить эту книгу как можно скорее”. — *Литературный священник.*

“Сказки, конечно, нам незачем критиковать, но мы можем сказать, что иллюстрации не недостойны их. В них есть что-то от той же изящной фантазии, которая руководила пером Андерсена. Об исключительной личности самого Андерсена мы получаем действительно ценный набросок. Мы думаем, доктор Маккензи оценивает его справедливо, но не жестоко”. — *Зритель.*

С ПОРТРЕТОМ НАТАНА МЕЙЕРА ДЕ РОТШИЛЬДА.

Второе издание, корона 8 шт., ткань, скошенные доски, цена 2,6 доллара.

Счастливики: как они зарабатывали деньги и завоевывали известность. Любопытная коллекция девизов богачей и лозунгов Великих людей; их финансовые тесты и секреты; их любимые высказывания и руководящие правила в бизнесе с забавными и содержательными замечаниями о образе жизни, в основном записанными их собственными словами. К этому добавлено много новых и достоверных высказываний о “Бедном Ричарде” с различными полезными советами для людей, вступающих в Мир, и практическими подсказками для тех, кто желает улучшить свое положение в нем.

“Хроника ранга, славы и золота”. — *Панч.*

“Реальная ценность его содержания заключается в утверждении требований уважения к добродетелям, таким как настойчивость, методичность и пунктуальность, к которым часто относятся пренебрежительно, но которые бесценны, будь то для зарабатывания денег или, что гораздо важнее, для формирования характера. Что касается последней цели, то о существенном вознаграждении студента не может быть и речи, и поэтому мы желаем книге успеха”. — *Glasgow Herald.*

“В его анекдотах содержится ободрение для других, а его советы продиктованы моралью и здравым смыслом. Выполнение его принципов, возможно, и не обеспечит сколачивания состояния в нынешние времена депрессии, но обеспечит честную деловую репутацию при любых обстоятельствах”. — *Христианский мир.*

“Он действительно будет скучным и бестолковым мальчиком, который в возрасте пятидесяти или пятнадцати лет не научится чему—то ценному у ”Удачливых людей””. — *Manchester Weekly Post.*

“Среди этих избранных есть отрывки, которые достойны того, чтобы быть выгравированными на латуни в любом месте работы. Здесь собраны огромные самородки житейской мудрости, и в перемешанной массе можно увидеть много чистого золота. Каждый молодой человек может прочитать эту книгу с пользой”. — *Меч и совок.*

“Как и в любой книге, которую нам присылал мистер Хогг, в этой мы должны похвалить типографию, бумагу и прочный, но в то же время украшенный орнаментом переплет.” — *Manchester Weekly Post*.

СПРАВОЧНИК ПО ССЫЛКАМ И ЦИТИРОВАНИЮ.

Второе издание, fcap. 8vo., ткань, цена 2,6 доллара.

Девизы и афоризмы из Шекспира: Расположены в алфавитном порядке; с обширным указателем из 9000 ссылок на бесконечно разнообразные Слова и идеи, содержащиеся в Девизах. Любое слово или идею можно отследить сразу, а правильную цитату (с названием пьесы, акта и сцены) найти, не вдаваясь в подробности.

“Мы считаем, что эта коллекция уникальна в своем роде.... Это мгновенно решает часто трудный вопрос о том, где можно найти пословицу, афоризм или цитату из Шекспира”. — *Oxford Times*.

“Самая аккуратная шкатулка с драгоценностями Шекспира, какую мы когда-либо встречали на нашей памяти”. — *Общественное мнение*.

“Писатель, который время от времени любит приукрашивать свои произведения меткими и выразительными девизами и афоризмами из Шекспира, имеет в своем распоряжении ценнейшую справочную книгу”. — *Йоркширская газета*.

“В этих случаях все зависит от индекса, а индекс здесь, похоже, был тщательно составлен”. — *Sheffield Independent*.

Новое и увеличенное издание, 8 шт., ткань, цена 2,6 доллара.

Практическое руководство по английскому стихосложению, содержащее краткий словарь рифм, анализ классических тактов и комментарии к бурлескным и комическим стихам, версиям общества и написанию песен. Том Худ. Новое и дополненное издание, к которому добавлены “ПРАВИЛА СОСТАВЛЕНИЯ АНГЛИЙСКИХ СТИХОВ” Биши и др.

“Мы без колебаний заявляем, что книга мистера Худа заслуживает места на полках всех, кто интересуется структурой стиха”. — *Daily News*.

“Книга составлена с большой тщательностью и будет служить той цели, для которой она задумана.... Мы можем добавить, что в нем содержится много информации, которая будет

полезна студентам, которые не желают быть причисленными к стихотворцам”. -*Pall Mall Gazette*.

“Изящная книжечка по английскому стихосложению. Словарь рифм будет признан одним из самых полных и практичных в нашем языке”. —*Фримен*.

“Это руководство можно с уверенностью рекомендовать как новичку в стихосложении, изучающему литературу, так и широкому читателю”. —*Шотландец*.

Коронка 8в., ткань экстра, скошенные доски, цена 7ш. 6д.

Руководство священнослужителя: Руководство для благоговейного и достойного совершения Богослужения, Святого Причастия и других Служб в соответствии с Обрядами, церемониями и древним обычаем Объединенной Церкви Англии и Ирландии. Сокращено из “Directorium Anglicanum”. С дополнениями, имеющими особую ценность для практического оказания церковных услуг. Под редакцией преподобного Ф. Г. Ли.

Издание Red Line (четвертое), с иллюстрациями, кварто, цена 21 доллар.

ТЩАТЕЛЬНО ПЕРЕРАБОТАННЫЙ, С МНОГОЧИСЛЕННЫМИ ИСПРАВЛЕНИЯМИ.

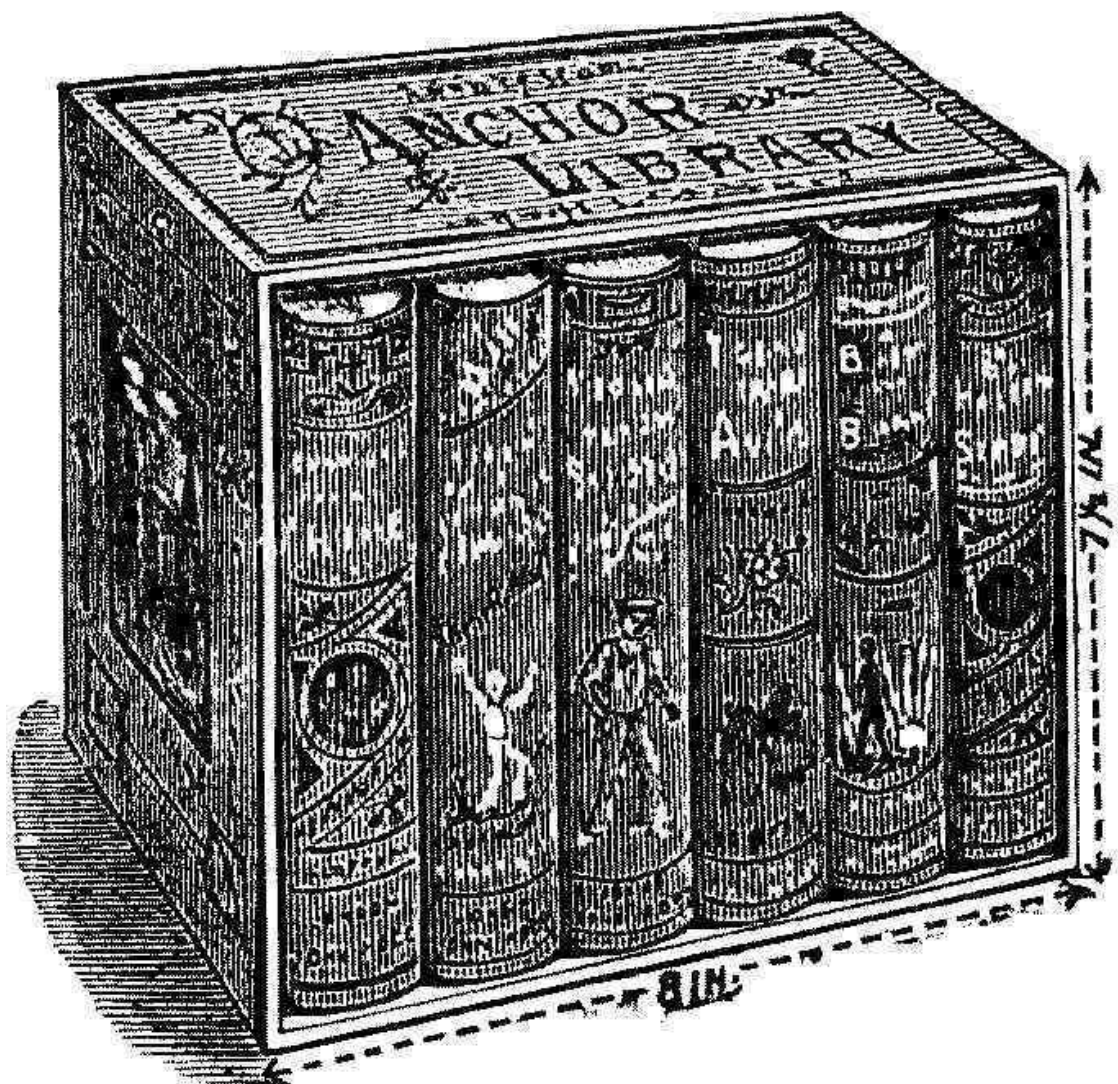
Англиканский директориум: это Руководство по правильному совершению Святого Причастия, по произнесению заутрени и вечерни, а также по совершению других церковных обрядов и церемоний в соответствии с древними обычаями Англиканской церкви. Под редакцией преподобного Фредерика Джорджа Ли, D.C.L., F.S.A.

“Существование одной такой работы, заслуживающей доверия и репутации, должно каким—то образом уменьшить разнообразие ритуалов, к которым могут привести вкусы или исследования независимых исследователей”. -*Guardian*.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СЕЗОН, 1885-6.

БИБЛИОТЕКИ ДЛЯ ЮНЫХ ЧИТАТЕЛЕЙ.

ВЕДУЩАЯ БИБЛИОТЕКА АСКОТТА ХОУПА.

ИСТОРИИ О ФАКТАХ И ВЫМЫСЛЕ.

НАЗВАНИЯ ТОМОВ.

1. Наши домашние истории.
2. Истории юных искателей приключений.
3. Вечера вдали от дома.
4. Книга детства.

5. Истории из школьных времен.

6. Молодые годы авторов.

📖 *Шесть иллюстрированных томов, цена 3,6 доллара за штуку; позолоченные края по 4 доллара за штуку.*

Или целиком в Элегантной иллюстрированной металлической коробке, цена 21 доллар.

СОКРОВИЩНИЦА МАЛЬЧИКОВ И ДЕВОЧЕК

Естественной истории, сказок, биографий и пословиц.

ПОПУЛЯРНЫХ АВТОРОВ.

НАЗВАНИЯ ТОМОВ.

1. Факты и фазы жизни животных, а также требования животных к гуманному обращению. Автор: Вернон С. Морвуд.
2. Башмачки Фортуны и другие сказки. Ганс К. Андерсен.
3. Замечательные животные: рабочие, домашние и дикие. Вернон С. Морвуд.
4. Знаменитые сказки из "Тысячи и одной ночи". Переработано для юных читателей.
5. Тащиться дальше; или Трусцой к Славе и Богатству. Автор: Генри Карвен.
- 6 и 7. Истории-пословицы для мальчиков и девочек. Две серии. Разных авторов.

☞ Семь иллюстрированных томов, цена 2,6 доллара за штуку; позолоченные края - по 3 доллара за штуку. Или целиком в Элегантной иллюстрированной металлической коробке, цена 17,6 доллара.

Примечания переписчика

ПГ 15 изменен возможное, чтобы сделать их жизнь работать, чтобы: жизнь-работать
стр. 36 изменен Dupuytren к Дюпюитрена операций и инструкции.

ПГ 54 изменился он также был назначен врачом в медик:

врач-медик

стр. 57 изменен были назначены врачом странно:

врач-Чрезвычайный

ПГ 59 изменяется, будучи какое-то время помощник врача помощник врача

ПГ 60 изменилась в 1837 году было принято врачом в медик:

врач-медик (2 места)

ПГ 67 изменилось он стал врачом экстраординарное, чтобы:

Врач-Чрезвычайный

стр. 67 изменены врачом в обычной на принца-консорта, чтобы:

врач-медик принца-консорта

стр. 68 изменение было сделано врачом в медик: врач-медик

стр. 94 ненужные кавычки после не погашен.

ПГ 137 изменен Dovoting, чтобы посвятить себя физиологические

стр. 151 изменен призваны присутствовать принц супруг: принц-консорт

стр. 166 изменен вирусом оспы оспы до открытия (2 экземпляры
от оспы)

ПГ 174 меняется дважды в одинарные кавычки вокруг доказательство вещей
невидимых,

стр. 203 изменить жизнь к пожизненному другу, говорят о нем (3 случаях
пожизненного)

ПГ 224 добавила цитату после того, как состояние его ума.

стр. 252 изменен Маккензи был назначен помощником врачу:

ассистент-врача

ПГ 261 исправлено Уильям Боуман, третий сын

ПГ 280 добавила "О", чтобы принять свой диплом отправились в путешествие

ПГ 284 изменениях популярности с течением-работа переутомления и избытка чувств...

Добавлено (3 случая переутомления)

статья 286 . за смерть доктора Грегори...

стр. 298 Изменено написание phlebitis на флебит. Его доклад на...

стр. 308 изменен назначен помощником хирурга в Сент-Джордж в:

ассистент-хирург

ПГ 310 изменил написание Крукшенк, чтобы Крукшенк на матч стр. 53

стр. 310 поменяли вкладыши лет до начала года, 72; под Фергюсон, сэр
Уильям

рекламных страниц

стр. 4 добавлены недостающие кавычки после "Робинзон Крузо", с Стотхард по

стр. 4 добавлены недостающие цитату после того, как слабой стороне в нашу стерлингов

стр. 9 изменены одинарные кавычки на двойные, ведь может быть какая-то служба."

ПГ 11 измененное слово О. В, конце линии я надеюсь, что один из

стр. 13 изменены одинарные кавычки на двойные, после специальной информационной своего автора".

ПГ 14 изменен принцип, чтобы основные идеи и учения,

стр. 14 изменен incorporate в: какие они по отдельности включать.

ПГ 18 добавлено период после "Мистер Хоуп бросается на

стр. 19 добавлено " после выхода из обращения.

стр. 20 добавлено . после 9. наши пернатые труженики